

ПРИНЦИПЫ прибалтійской жизни.

Составилъ А. Воротинъ

Ревель.

Печатано въ типографіи «Колывани»
1891.

ПРИНЦИПЫ

прибалтійской жизни.

Составиль А. Воротинъ.

Ревель.

Печатано въ типографіи «Колывани».

1891.

ПРИНЦИПЫ

ИЗВЕЩАНИЯ. ПОСЛЕДСТВИЯ

Доводено цензурою. — Ревель, 7-го Ноября 1891 года.

Всѣмъ дѣателямъ Прибалтійскаго края, вѣрнымъ
сынамъ Россіи

смиренно посвящаетъ
авторъ.

Предисловіе.

Прибалтійскій край переживаетъ въ настоящее время въ высшей степени знаменательный моментъ — онъ объединяется, наконецъ-то, съ общимъ отечествомъ, частью котораго хотя онъ и числился вотъ уже съ 1710 года, но на самомъ дѣлѣ никогда не состоялъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Съ даннаго момента исторія его будетъ уже находиться въ связи съ общей исторіею цѣлаго Государства Россійскаго. Для него начинается новая эра. Всѣ формы жизни, сложившія здѣсь вѣками подъ давленіемъ хотя и немногочисленныхъ, но корыстныхъ людей, видоизмѣняются по образцу общегосударственныхъ, и то, что прежде казалось такъ устойчивымъ и многообѣщающимъ, падаетъ съ этимъ видоизмѣненіемъ само собой, дѣлаясь достояніемъ прошлой исторіи края. Казалось, кто сломитъ эту ужасную силу, которая пропиталась въ самую почву Прибалтійскаго края и ежеминутно, при каждомъ прикосновеніи къ ней, готова была обрушиться со всею мощью своею, кто выведетъ этотъ несчастный край, существовавшій подъ неизмѣримымъ давленіемъ, на вѣрный путь и дастъ ему толчекъ, который приведетъ въ движеніе массу народную на этомъ пути обновленія? Казалось, наконецъ, все навсегда сосредоточилось въ рукахъ

господь, которые добровольно не уступят ни малѣйшей доли изъ своего достоянія, вѣками пріобрѣтеннаго, и все также навсегда пропало изъ того, что называется благосостояніемъ народа. Но — благодареніе Богу — вышло не такъ: подошло время, начинается новая жизнь на новыхъ началахъ, и будемъ надѣяться, что она сгладитъ кровавые слѣды прошлой исторіи. Мы находимся на рубежѣ старой и новой жизни, и взглядъ нашъ просвѣтляется, когда проникаетъ за предѣлы этого рубежа въ будущее . . . Создается ли важность даннаго момента всѣми истинными сынами Россіи вообще и, въ частности, — края? Правильный ли взглядъ существуетъ у нихъ относительно мѣстной жизни и вѣрное ли они занимаютъ положеніе, какъ дѣятели и преобразователи этой жизни? Изъ многихъ данныхъ, имѣющихся у насъ предъ глазами, приходится заключить обратное и дать отвѣтъ отрицательный. Доискиваясь причинъ этого прискорбнаго явленія, мы должны отмѣтить, что онѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ незнаніи тѣхъ началъ, которыя создали именно мѣстную жизнь, а потомъ въ неумѣніи противоположить имъ другія, которыя создали великое и могущественное русское государство. По нашему мнѣнію, каждый новый дѣятель, являющійся въ Прибалтійскій край, прежде всего, чтобы оріентироваться въ своемъ положеніи, долженъ задать себѣ вопросъ: какія силы создали мѣстный строй, столь рѣзко отличающійся отъ русскаго, какими правилами управляется здѣшняя жизнь, или: какими принципами руководился и руководится господствующій классъ въ дѣлѣ сохраненія края до сего неприкосновеннымъ и при проведеніи своихъ интересовъ? Когда правдивый отвѣтъ найденъ и ни на минуту нельзя долѣе усомниться въ безусловной противополжности взглядовъ и стремленій, убѣжденій и міровоззрѣній сторонъ, то должна начаться та благотворная дѣятельность, которая видоизмѣняетъ, преобразовываетъ и пересоздаетъ все . . .

Настоящею статьею своею мы бы желали освѣтить и раскрыть принципы мѣстной жизни, чтобы такимъ образомъ помочь, на сколько у насъ хватитъ силъ, новымъ лицамъ, прибывающимъ въ Прибалтійскій край, въ трудномъ началѣ ихъ служенія. — Спѣшимъ оговориться, что въ этомъ случаѣ мы не хотимъ и не можемъ представить читателю ничего новаго. напротивъ, мы желаемъ изобразить въ одномъ цѣломъ все то, что такъ или иначе уже извѣстно.

А в т о р ъ.

І.

У каждаго народа есть свои особенности, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ національное обличье и характеръ его. Этими особенностями онъ отличается отъ другого народа и на основаніи ихъ же у него складывается свой бытъ. Чѣмъ цивилизованнѣе извѣстный народъ, тѣмъ больше проглядываютъ наружу его національныя черты и тѣмъ правильнѣе можно судить о немъ, какъ опредѣленномъ политическомъ и социальномъ организмѣ. Исторія показываетъ намъ, что тѣ народы, которые не заботились о своемъ національномъ обличьѣ, сошли съ лица земли, вымерли или ассимилировались съ другими, болѣе сильными, и, наоборотъ, что народы сильные своими національными особенностями образовали государства. Они и теперь продолжаютъ развивать свой гражданскій бытъ и поднимаются на пути прогресса. Когда мы говоримъ о народѣ, то имѣемъ въ виду его во всей его совокупности, а не какой-нибудь отдѣльный классъ или сословіе его, которые зачастую уклоняются въ сторону и облекаются въ иную форму, стремясь уподобиться чуждому. Въ этихъ случаяхъ весь строй жизни, выработанный вѣками, пошатывается и начинается процессъ разложенія, который тѣмъ гибельнѣе и быстрѣе, чѣмъ болѣе безправны были низшіе слои народа. Какія же особенности имѣетъ за собой до сего времени правящій классъ Прибалтійскаго края и какова его судьба здѣсь? — Какъ потомки нѣкогда вторгнувшихся сюда изъ западныхъ

нѣмецкихъ государствъ рыцарей и другихъ выходцевъ, они представляютъ собою вѣрныхъ унаслѣдователей ихъ природныхъ особенностей. О германцахъ же и вообще о западныхъ народахъ извѣстно, что они отличаются индивидуализмомъ т. е. такою стихійной чертой натуры, по которой каждому лицу свойственно непреодолимое стремленіе къ разобщенію и обособленію. Какъ на неоспоримое доказательство этого положенія указываютъ на тотъ фактъ, что вообще въ западной Европѣ ни въ одномъ государствѣ нѣтъ строго монархическаго начала и формы правленія, а въ частности, Германія состоитъ изъ множества мелкихъ государствъ, которыя хотя и соединены волею желѣзнаго канцлера, но которыя не сегодня — завтра готовы распасться и именно въ силу присущаго каждому отдѣльному государству или народности стремленія индивидуализироваться. Далѣе указываютъ на то, что конституціонная форма правленія западныхъ государствъ есть временная форма выраженія индивидуализма, способнаго дѣлиться до каждого отдѣльнаго собственнаго «я», какъ конечнаго предѣла недѣлимости, и потому справедливо говорить, что всѣ разрушительныя ученія и гибельныя доктрины исходятъ отъ запада. Тамъ, слѣдовательно, и отсюда происходитъ сравнительно обратный процессъ образованія жизни, чѣмъ у восточныхъ народовъ и въ частности у славянъ, которые во всѣхъ сторонахъ своего бытія стремятся отъ частной — единичной жизни къ общей, основанной на общности интересовъ, на общинномъ началѣ. Въ этомъ явленіи мы имѣемъ, во-первыхъ, вѣрное разрѣшеніе того вопроса, почему существуетъ вѣковой антагонизмъ между двумя мірами — западнымъ и восточнымъ, и во-вторыхъ, въ немъ находимъ основаніе или причину, по которой жизнь славянъ и въ особенности русскихъ сложилась иначе, чѣмъ на западѣ. Мы не будемъ приводить примѣровъ для подкрѣпленія послѣднихъ положеній, ибо, съ одной стороны, жизнь и быть тѣхъ и другихъ народовъ предъ нашими

глазами, а съ другой, вся исторія запада и востока раскрыта предъ каждымъ любознательнымъ человѣкомъ, откуда онъ можетъ почерпать истинныя свѣдѣнія.

Если будетъ признанъ правильнымъ указанный взглядъ на западный міръ, то, слѣдовательно, мы основной чертой натуры прибалтійскаго нѣмца, о которомъ собственно мы и говоримъ, должны признать способность раздѣляться и разобщаться, и въ его жизнедѣятельности должны видѣть самымъ общимъ и главнымъ принципъ индивидуализма. Съ нимъ, какъ неотъемлемымъ свойствомъ собственнаго «я», нѣмецъ явился впервые въ Прибалтійскій край и съ нимъ, какъ унаслѣдованнымъ достояніемъ, онъ тутъ жилъ и живетъ, дѣйствовалъ и дѣйствуетъ. Первоначально онъ чувствовался, какъ неопредѣленная, стихійная сила собственной натуры, а потомъ онъ сталъ пониматься общимъ свойствомъ всѣхъ нѣмцевъ въ совокупности, претендовавшихъ на названіе господствующаго класса. Если мы раскроемъ исторію Прибалтійскаго края, то увидимъ прежде всего ту безчеловѣчную рѣзню, то ужасное кровопролитіе, которое велось съ показной стороны во имя высшихъ цѣлей насажденія христіанства, а на самомъ дѣлѣ во имя личныхъ выгодъ и стремленій. Тутъ каждая пядь земли пропитана кровью туземца и свидѣтельствуетъ о предсмертной агоніи и мукахъ его. Тутъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждая прожитая минута доказываетъ о пріобрѣтеніи правъ пришельца надъ туземцемъ, о низведеніи и упадкѣ послѣдняго. Великія предпріятія чело-вѣколюбивыхъ монарховъ, которыя они простирали на Прибалтійскій край, теряютъ свой смыслъ и значеніе, мало того, попираются и дѣлаются изображеніями только на бумагахъ въ архивныхъ складахъ. Если вспомнимъ побѣды Іоанна Грознаго, владычество шведскихъ королей, въ особенности Густава Адольфа и Карла XI, затѣмъ попеременно всѣхъ великодушныхъ Русскихъ Государей, начиная съ Петра Великаго до Царя-мученика Александра II включительно, и по-

смотримъ, какъ немного вошло въ жизнь прибалтійскаго туземца изъ всѣхъ многообразныхъ благихъ начинаній и способствовало облегченію его горькой доли, — то мы больше и больше убѣждаемся въ особыхъ импульсахъ этой борьбы, этой замкнутости и исключительности и, наконецъ, этого противодѣйствія. Въ чемъ ихъ искать? Судя по стихійному характеру всего только что сказаннаго, мы должны искать ихъ въ натурѣ самого нѣмца, именно въ его природной способности къ разрушенію чужого «я» и противопоставленію своего, или, что то же, въ принципѣ индивидуализма. — Прибалтійскій туземецъ*) въ первоначальной жизни своей мало чѣмъ отличался отъ русскаго, какъ намъ ясно говорить тѣ немногіе памятники прошлаго, которые сохранились въ видѣ поэмы, сказаній, пѣсенъ и т. п. У него проходило чрезъ весь бытъ его то же начало дружбы, единенія и общности интересовъ, какъ и у русскихъ. Онъ жилъ большими селами и выступалъ въ битву со всѣми наличными силами этихъ селъ, способными носить оружіе, какое тогда существовало. Нѣкоторое указаніе на это даетъ намъ эстонское названіе села или деревни «küla», происходящее отъ словъ «kül» — довольно и «la» — мѣсто, слѣдовательно мѣсто довольства. И теперь по-эстонски гость называется «külaline», что обозначаетъ собою человека, имѣющаго право на полное довольство у тѣхъ, къ кому онъ пришелъ. Къ тому же, если битва происходила, напр., около Феллина, то туда собирались не только окрестные бойцы, но и изъ Гарріена (нынѣшній Ревельскій уѣздъ), Війка (Гапсальскій уѣздъ) и Эзеля. Приходъ отдаленныхъ бойцовъ совершался не по какому-либо понужденію, но по безусловному доброму соглашенію. Наконецъ, если происходило гдѣ-либо пышное пиршество, то опять-таки созывались не односельчане только, но и

*) Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ собственно эстонца.

добрые гости изъ отдаленныхъ мѣстностей. На этотъ фактъ мы имѣемъ ясное указаніе въ эстонской поэмѣ «Калевичъ». Тамъ разсказывается о свадьбѣ Калевича, на которой отплясывали разнообразные танцы всѣхъ тогдашнихъ эстонскихъ участковъ или уѣздовъ *). Могла ли такая жизнь сдѣлаться жизнью нѣмца, который имѣлъ противоположную натуру? Ни въ какомъ случаѣ и никогда. Съ другой стороны, могъ ли эстонецъ свыкнуться съ жизнью разрушителя? Также никогда. Сошлись два противоположныхъ начала, началась стихійная борьба, окончившаяся пораженіемъ слабого. Права его были уничтожены, всѣ пути къ дальнѣйшей самостоятельной жизни заграждены. Начался теперь особый процессъ, процессъ созиданія своего права. И что же мы видимъ его внутреннимъ содержаніемъ? Преслѣдованіе и цѣли индивидуальнаго блага, которое не знаетъ и не видитъ нужды и потребностей посторонняго. Стоитъ просмотрѣть своды мѣстныхъ узаконеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. Юристу не мѣшаетъ ознакомиться также съ Положеніемъ о крестьянахъ, — всюду онъ замѣтитъ тонкой ниткой проходящимъ это одно начало, — принципъ индивидуализма. Началось, далѣе, у людей съ названнымъ принципомъ упорядоченіе собственной жизни, такъ сказать, оріентированіе въ завоеванномъ положеніи. Нѣкоторое препятствіе къ этому представляло исповѣдуемое католичество, въ которомъ принципъ индивидуализма не доведенъ до своего крайняго предѣла. Къ счастью, въ Германіи въ это время происходили религіозныя движенія, и Лютеръ созидаетъ свою систему вѣроисповѣданія, которое получаетъ названіе протестантизма и проникаетъ въ Прибалтійскій край. Эта система своимъ принципомъ личной вѣры отвѣчаетъ какъ разъ жизненной основѣ нѣмецкой самобытности и вскорѣ изгоняетъ католичество и дѣлается вмѣсто него вѣроисповѣданіемъ Балтики. Съ

*) См. «Калевичъ» Трусмана изд. 1888 г. стр. 33—35.

введеніемъ его происходитъ дѣлежъ имуществъ католическихъ монастырей. епископскихъ кафедръ и церквей. Мы полагаемъ, что это было эпопея лихорадочной жизни у каждаго отдѣльнаго лица и цѣлая необъятная поэма у всѣхъ вмѣстѣ. Если тутъ происходило почему-либо уклоненіе въ сторону, то это стоило жизни неискусному. Каждый стремился стать собственникомъ земли, чтобы обезпечить себя. Земля дѣлилась, дробилась. пока первобытному обывателю не осталось и столько, сколько требовалось для одной ступни ноги. На раздробленныхъ пространствахъ устроились мызы. раскинулись фольварки, и туземцы, въ качествѣ рабовъ, исполняли всѣ работы на нихъ. Тогда только успокоилось рыцарское сердце и зажило безъ тревогъ и скорбей. Что же здѣсь такое? Принципъ индивидуализма, доведенный до крайняго предѣла. Тутъ оправдывается извѣстный афоризмъ: «свой своя не познаша.» То природа нѣмца. Кому желательно наглядно убѣдиться въ этомъ, пусть потрудится пріѣхать въ Эстляндскую губернію и преимущественно въ Гапсальскій уѣздъ, гдѣ онъ съ одного мѣста на разстояніи какихъ-нибудь 7—8 верстъ можетъ увидѣть до 7—8 мызъ или дворянскихъ вотчинъ. Всюду сидитъ обязательно баронъ, ведущій свою родословную также обязательно чуть ли не отъ первыхъ именитыхъ рыцарей какой-нибудь Баваріи, Голштиніи, Мекленбурга и т. п. Спросите отъ него, чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ дышетъ и какое дѣло дѣлаетъ. Онъ поведетъ, если благоволитъ къ вамъ, безконечную рѣчь о поправкахъ правахъ и принципахъ, и вы увидите, что баронъ живетъ по принципамъ и изъ принциповъ и что изъ нихъ самый главный — принципъ индивидуализма, личнаго бытія.

Но еще съ большей интенсивностью выступаетъ этотъ принципъ у прибалтійскаго нѣмца въ вопросахъ о православіи, судебной реформѣ и экономическомъ бытѣ крестьянъ.

Казалось бы, что есть ужаснаго въ православіи?

Кромѣ хорошаго, чистаго возвышеннаго и святаго въ немъ нѣтъ ничего. Между тѣмъ появленіе его каждый разъ встрѣчалось съ ненавистью и большими опасеніями. Отчего это? Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса находимъ въ боязни за цѣлость аграрной системы, боязни, которая обыкновенно охватывала всѣхъ пристрастныхъ нѣмцевъ, и съ которой летѣли донесенія мѣстнымъ административнымъ управленіямъ и въ Петербургъ. Появленіемъ православія затрагивались жизненные фибры натуры нѣмца, а это считалось нѣкоторымъ посягательствомъ на самое существо жизни. Нѣмецъ чувствовалъ въ православіи также стихійное начало, способное стать въ борьбу съ его міровоззрѣніями и началами его бытія; борьба же могла быть нѣмцу не по силамъ, и такъ или иначе нужно было бы уступить, но это было бы грѣхомъ противъ собственной природы, а потому нужно было дѣйствовать, чтобы не столкнуться съ силой православія. Сила же эта состоитъ въ всеобъемлющей любви, положенной въ основу Самимъ Источникомъ любви — Христомъ Богомъ. Она же есть то стихійное начало, которому противопоставить невозможно начало индивидуализма. Любовь соединяетъ, созидаетъ, словомъ идетъ отъ частнаго къ общему, а индивидуализмъ разъединяетъ, разрушаетъ, шествуя отъ общаго къ частному. Любовь преслѣдуетъ общее благо, проникая до тайниковъ души каждаго, индивидуализмъ имѣетъ своею цѣлью благо единичнаго лица, становясь общимъ только въ случаяхъ самозащиты. Съ этой точки зрѣнія православіе только и могло казаться нѣмцу опаснымъ, и потому онъ и употреблялъ всѣ возможныя средства, чтобы помѣшать его появленію и водворенію. Но кромѣ того, принятіе его обнаружило еще нѣкоторые обстоятельства изъ внутренней жизни принимавшихъ его. Правящему классу казалось, что низшему классу было невозможно какое-либо движеніе послѣ того, какъ онъ въ продолженіе пяти-шести вѣковъ видѣлъ достаточно всякихъ стра-

ховъ, былъ угнетаемъ и ослабляемъ. Съ принятіемъ же православія онъ показалъ признаки жизни, мало того, онъ обнаружилъ громадное количество энергій, которая до сихъ поръ хранилась въ глубинѣ души, потомъ, со всей ясностью далъ понять, что онъ готовъ вполне разстаться со старыми формами жизни и слиться съ общерусскимъ организмомъ. Въ первомъ случаѣ православіе представляло изъ себя форму, въ которой вылилась скрытая энергія народной души, во второмъ оно было средствомъ для обнаруженія чувства самоотверженія и въ третьемъ случаѣ выступало уже какъ до нѣкоторой степени сознанный вѣроисповѣднѣй культъ, способный возратить умы и сердца къ міровоззрѣнію, родственному народу. Во всѣхъ этихъ значеніяхъ православіе являлось заклятымъ врагомъ принципа индивидуализма и должно было быть преслѣдуемо со всей силой его. Но оно существовало и дѣлало свое дѣло любви. Подъ вліяніемъ его совершается культурное движеніе между туземцами. Учреждаются общества литературныя, земледѣльческія, пѣвческія, музыкальныя и т. п. Народъ стремится сбросить съ себя вѣковое иго духовнаго рабства, пытается положить основу независимой отъ нѣмцевъ культурѣ.

Являются общія цѣли жизни, общіе интересы и стремленія. Все однако клонилось къ полному разрыву съ прошлымъ и скорѣе вело ко сближенію съ русскими началами жизни. Могло ли это движеніе поправиться нѣмцамъ? Нѣтъ! Оно было основано на чуждомъ имъ началѣ, противномъ ихъ духу или натурѣ, и грозило ихъ принципу индивидуализма, если не уничтоженіемъ, то по меньшей мѣрѣ ослабленіемъ интенсивности его. Потому нужно было сразу же начать противоѣйствовать. Какъ это сдѣлать? Испытанными уже въ древности способами: прикинуться другомъ — товарищемъ однихъ и ихъ напустить на своихъ же братьевъ и, съ другой стороны, во всемъ отказывать однимъ

и содѣйствовать другимъ. Средства были дѣйствительны и сдѣлали свое. Произошло раздѣленіе въ представителяхъ народа: одни стали нерушимой за стѣной нѣмцевъ, другіе за народъ. Эти двѣ категоріи людей до сего времени извѣстны подъ названіемъ «балтовъ» и «младо-эстовъ» или «младо-латышей». Во главѣ первыхъ стояли вся пасторская клика, во главѣ вторыхъ К. Р. Якобсонъ, покойный редакторъ «Сакалы», д-ръ Веске и профессоръ Академіи Художествъ — Кэлеръ. Тѣхъ было большинство, этихъ меньшинство. Но сила оказалась за послѣдними, такъ какъ за ними шла народная масса, интересы которой они воплотили въ себѣ. Ихъ усиліями вопли народные стали понятны всему благонамѣренному русскому обществу и доходили нѣсколько разъ до высоты всероссійскаго Престола, откуда еще годъ тому назадъ раздалось мощное слово о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскомъ краѣ. Этого только нѣмцы и боялись такъ же, какъ боялись православія, тѣмъ болѣе, что слово Монаршее явилось какъ бы послѣдствіемъ перваго. Они видѣли теперь, что нельзя положить совершенной преграды начавшемуся движенію, носящему въ себѣ задатки противоположныхъ принциповъ, а потому обратили всѣ свои силы на то, чтобы Монаршее слово сказано не было или, по крайней мѣрѣ, чтобы парализовать воздѣйствіе этого слова. Почти 10 лѣтъ край ожидалъ судебной реформы, пока наконецъ въ 1889 г. она произошла. Пусть не думаетъ читатель, чтобы она была неожиданностью для нѣмцевъ. Нисколько, — она застала ихъ вполне подготовленными. Во многихъ мѣстахъ шли подговоры о томъ, чтобы крестьяне обращались къ Правительству съ прошеніями о возвращеніи прежнихъ судовъ, но еще болѣе думали сдѣлать тогда, когда домогались въ новыхъ судахъ рѣшеній о выселеніи хозяевъ, не имѣющихъ контрактовъ на усадьбы. Первые судьи знаютъ, сколько имъ было въ началѣ дѣла. Наконецъ, для того, чтобы уничтожить

обаяніе къ новымъ судамъ, пущено было въ толпу множество самыхъ разнообразныхъ и глупыхъ измышленій. — Въ чемъ состоитъ главный мотивъ ко всѣмъ подобнымъ дѣйствіямъ? Въ противоположности принциповъ нѣмцевъ и положенныхъ въ основу Уставовъ новыхъ судовъ. Въ послѣднихъ проходить высшая гуманность, граничащая съ евангельскою любовью, а у нѣмцевъ соотвѣтствующій принципъ выражается въ девизѣ: «я самъ.» — Что нѣмцы немногаго успѣли и успѣваютъ достичь своимъ антагонизмомъ, нечего сомнѣваться. Съ вышею напряженностью они слѣдятъ за тѣмъ, какъ будетъ разрѣшенъ Правительствомъ поземельный вопросъ. Многіе съ трепетомъ ожидаютъ этого разрѣшенія, предугадывая, что оно состоится не въ ихъ видахъ, и предусматривая въ немъ свой послѣдній вздохъ. Мы не посвящены въ тайны противодѣйствія къ разрѣшенію поземельнаго вопроса, но видимъ, что происходитъ какая-то лихорадочная дѣятельность для извлеченія возможно большей выгоды изъ послѣдняго права, которое помѣщикамъ будетъ вмѣстѣ съ преобразованиемъ поземельнаго устройства предоставлено. Какъ подумаешь, почему это нужно? вѣдь, кажется, кто владѣетъ землею, на безспорномъ правѣ собственности, тотъ при немъ и останется, — то невольно приходишь къ тому выводу, что здѣсь страдаетъ личное «я.» Да иначе и не можетъ быть: крестьянство будетъ обезпечено, насколько это возможно, рухнетъ все зданіе, такъ тщательно построенное въ продолженіе вѣковъ нѣмцами, и что съ ними станетъ? сдѣлаются простыми смертными, какъ и всѣ. Но такую ли судьбу они себѣ заготовили? Они хотѣли навсегда остаться обладателями и господами страны, но не въ ихъ силахъ преодолѣть начала гуманности и христіанской любви. Вотъ почему кричатъ они здѣсь, а особенно за границу, въ первоначальномъ «фатерландѣ»...

Мы раскрыли главное начало или принципъ прибалтійской жизни и видѣли, что онъ заключается въ индивидуализмъ,

т. е. въ непрерывномъ стремленіи къ раздѣленію общихъ интересовъ и созиданію личнаго бытія. Красною нитью онъ проходитъ во всѣхъ прочихъ принципахъ. составляя, такъ сказать, основу или базисъ. на коемъ они утверждаются. Ближайшимъ образомъ съ нимъ связанъ принципъ личной пользы, къ раскрытію котораго переходимъ.

II.

Люди, которыхъ основнымъ началомъ жизни является индивидуализмъ, стоятъ далеко отъ пользы общей. Эта послѣдняя, по ихъ мнѣнію, есть химера, недостойная порядочныхъ людей. Ихъ заповѣдь жизни: «пользуйся для собственнаго блага, не знай другихъ» — исполнялась во всѣ времена и исполняется теперь со всею строгостью. Что разумѣютъ прибалтійскіе заправилы подъ личной пользой? Ужъ, конечно, не возможность или средства самосохраненія, а чисто матеріальную выгоду или имущественное благосостояніе, и затѣмъ, какъ слѣдствіе отсюда, относительное спокойствіе духа. Стремленіе къ личной пользѣ, извлеченіе матеріальной выгоды и приобрѣтеніе имущественнаго благосостоянія не есть еще само по себѣ зло, коль скоро все совершается въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но разъ эти предѣлы раздвинуты алчностью или совершенно уничтожены, и другія живыя существа являются жертвой и предметомъ эксплуатаціи, то принципъ личной пользы есть зло высшаго разряда и не долженъ быть терпимъ. Такимъ по истинѣ представляется онъ у прибалтійскихъ помѣщиковъ. Они богаты, они въ состояніи вояжировать за границу даже тогда, когда нашъ курсъ стоитъ весьма низко, ихъ кассы изобилуютъ деньгами, они могутъ тратить на пріемъ сотнями тысячъ изъ своихъ кассъ. Въ помѣстьяхъ своихъ они живутъ пышно, великолѣпные дома, убранство, по 20 лошадей ѣздовыхъ въ конюшняхъ, по

десяткамъ разнообразныхъ экипажей, лакеи, кучера, конюхи, камеръ-фрейлины, бонны, гувернантки и множество прочей челяди; ѣдятъ, пьютъ заграничное, находя изготовляемые въ Россіи припасы не сдобными. Откуда же это все? Вѣдь нѣмецъ еще ни разу не ходилъ за сохой, ни разу не бралъ въ руки ни лопаты, ни лома, ни топора? Нѣтъ! онъ эксплуатируетъ землю силами крестьянъ. Но и этого мало, — онъ эксплуатируетъ и самихъ крестьянъ. Эксплоатація земли находится въ связи съ естественными условіями временъ года, а потому она ограничена, эксплуатація же крестьянъ не имѣетъ предѣловъ, такъ какъ всѣ возлагаемыя тяжести они должны нести. Появившись въ Прибалтійскомъ краѣ и покоривъ его себѣ, нѣмцы сразу увидѣли здѣсь обширное поле для наживы. Какъ сохранить его за собой? Поработивъ народъ, нѣмецъ видѣлъ все-таки въ немъ способность къ цивилизаціи. Какъ то, такъ и другое обнаруживалось въ осмысленномъ отношеніи къ вопросамъ жизни, недовольствѣ своимъ положеніемъ и отыскиваніи средствъ выйти изъ него. Это были, по понятію нѣмца, недобрые симптомы. Нужно было отнять всѣ пути къ развитію народа въ интеллектуальномъ отношеніи, чтобы забить въ немъ прирожденную способность мышленія и уничтожить стремленіе къ цивилизаціи. Онъ такъ и дѣлалъ вплоть до послѣдняго времени. Это дало возможность насиловать темную, бессмысленную массу по дикому желанію необузданнаго сластолюбца.

Неоспоримо, школа есть самый главный рычагъ къ поднятію духовныхъ силъ народа. Но читателю не безызвѣстно, какова была прибалтійская школа во все время существованія до нашихъ дней. Скажемъ прямо — это была язва, нарочно вызванная для зараженія и поглощенія здоровыхъ силъ народа. Чему въ такой школѣ учили? Уроки знаній ограничивались чтеніемъ и зазубриваніемъ бессмысленныхъ статей специальныхъ учебниковъ и обученіемъ выводить буквами имя и разбирать

цифры на верстовыхъ столбахъ, уроки же нравственности — увѣщаніемъ повиноваться свѣтскимъ и духовнымъ господамъ. Какіе плоды принесла подобная школа? Она дала въ руки оружіе обманывать, выпустила массу негодяевъ, конокрадовъ и т. п. Не даромъ говорить народъ, что школа учить худому, не даромъ и теперь еще во многихъ мѣстахъ являются протесты противъ обязательнаго обученія дѣтей. И мы скажемъ: лучше бы было, если бы подобной школы не было, — ибо тогда были бы нравы чище.

Такимъ образомъ посредствомъ школы нѣмцы достигли заразъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, уничтоженія мыслительной способности, во-вторыхъ, пробужденія дурныхъ инстинктовъ. Мы еще подробнѣе ознакомимся съ прибалтійскою школою, когда будемъ говорить о ней въ своемъ мѣстѣ.

Заручившись умственной косностью народа, нѣмцы могли теперь придумывать всевозможныя средства къ эксплуатированію его. Такъ какъ народъ былъ освобожденъ отъ крѣпостничества безъ земли, то это дало возможность держать его въ постоянной экономической кабалѣ. Помѣщики предлагаютъ, какъ мы ниже увидимъ, такія условія за пользование землею, при которыхъ народъ не только не въ состояніи зарабатывать себѣ скудный кусокъ хлѣба, но и прямо обращается въ нищихъ, бездомныхъ, голыхъ и голодныхъ пролетаріевъ. Всѣ силы содержателя земли идутъ на удовлетвореніе алчности помѣщика, которая вовсе не знаетъ себѣ предѣла. Никто изъ арендаторовъ не собралъ еще арендныхъ денегъ отъ продажи продуктовъ земледѣлія, какъ это должно было бы быть, но посторонними работами и заработками. Въ этомъ самомъ безспорномъ фактѣ и заключается высшее зло балтійско-нѣмецкой аграрной системы. Начинаясь отсюда, оно идетъ дальше, заключааясь въ разнообразныхъ позволительныхъ и непозволительныхъ статьяхъ доходности. На арендуемомъ участкѣ нѣтъ ничего такого, что бы принадлежало

крестьянину. кромѣ, конечно, скота, земледѣльческихъ орудій и хозяйственнаго инвентаря, — все составляетъ собственность помѣщика: ископаемая, лѣсъ, камни, вода и воздухъ. Всѣ эти предметы каждый въ отдѣльности служатъ сверхъ самой поверхности усадьбы также источниками доходовъ помѣщика. Существуютъ условія объ уплатѣ помѣщику за плиту, находимую въ землѣ, за пользованіе моремъ для рыбной ловли, лѣсомъ на топливо и воздухомъ для мельницъ. Какъ видитъ читатель, прибалтійскіе помѣщики простерли свою ненасытность и на Божіи дары, общіе для малаго и великаго, бѣднаго и богатаго. Но это однако не все — прибалтійскіе эксплуататоры, предвидя въ будущемъ ограниченіе числа тѣхъ доходныхъ статей, коими они пользуются нынѣ, постарались обезпечить себя возможно большимъ количествомъ земли, именно исподволь захватили въ свои руки цѣлыя пространства крестьянскихъ повинностныхъ земель, и этотъ захватъ успѣли санкціонировать въ своихъ бывшихъ судахъ. Какъ это ни поразительно, но это правда, вопіющая къ небу. Дѣло въ томъ, что по крестьянскому положенію, напр. Эстляндской губерніи, вся земля дѣлится на мызную и крестьянскую-волостную (ст. 9). Представляя одинаково собственность помѣщиковъ, онѣ различаются между собой тѣмъ, что первую можетъ помѣщикъ употреблять, какъ только хочетъ, вторую же долженъ исключительно отдавать въ пользованіе крестьянъ. Для удовлетворенія помѣщиковъ въ случаѣ, если ими добровольно будетъ прекращена барщина, предоставлено право (ст. 17.) присоединить къ мызнымъ землямъ до $\frac{1}{6}$ доли крестьянской земли, которою они властны распоряжаться по усмотрѣнію (ст. 18) и производить обмѣнъ мызныхъ земель на крестьянскія (ст. 37). Этимъ правомъ и стали теперь помѣщики пользоваться и злоупотреблять. Во многихъ имѣніяхъ отняты отъ крестьянъ не только сѣнокосы и пастбища, но и пашни и приобщены къ мызѣ. Въ другихъ уничтожены не только отдѣль-

ные дворы, но и цѣлыя деревни, при чемъ на мѣстѣ ихъ устроены или полумызки, или рабочіе дома. Въ качествѣ шестидольной земли сверхъ того почти въ каждомъ имѣніи изъята изъ числа крестьянской земли еще какая-нибудь деревня. Бывало такъ, что помѣщикъ продалъ шестидольную землю крестьянамъ. Чтобы возвратить ее, онъ другую деревню сдѣлалъ опять шестидольной и распоряжается ею такъ же, какъ первой. При обмѣнѣ обыкновенно вмѣсто удобной земли давались болото и пустошь, или, въ благопріятномъ случаѣ, ничего. Такъ какъ при этомъ требовалось (ст. 49) согласіе чиновъ крестьянскаго общества, то ихъ склоняли къ этому или ласками и подговорами, или заставляли подписывать, т. е. ставить три креста подъ неизвѣстной бумагой, или, наконецъ, въ приходскихъ судахъ, совершенно превратно записывалось ихъ заявленіе, т. е. несогласіе превращалось въ согласіе. Не говоря уже о томъ, что при всемъ этомъ помѣщики перешли тотъ временный предѣлъ, который по закону (ст. 32 и 37) предоставленъ для пользованія своими правами, и присоединяли къ мызнымъ угодьямъ крестьянскія вплоть до послѣдняго времени, — они не исполнили указаннаго принципиальнаго условія о прекращеніи барщины, которая въ 1868 г. была отмѣнена по инициативѣ самого Правительства, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи господа помѣщики являются не простыми заурядными законопреступниками, а закоренѣлыми злодѣями. Такими ихъ вынуждаетъ быть принципъ личной пользы. Но зло, творимое помѣщиками захватомъ волостныхъ земель, при всей своей грандіозности не выжимаетъ еще послѣднихъ соковъ народа, ибо онъ находитъ иногда выходъ изъ отчаяннаго положенія. Для того, чтобы опустить въ свою мошну лишнюю копейку, которая завелась было въ карманѣ простолюдина, — нѣмцы — помѣщики на какомъ-то особо предоставленномъ имъ правѣ, раскинули сѣть корчемъ по всѣмъ болѣе или менѣе замѣтнымъ мѣстамъ, на развѣтвленіяхъ дорогъ, въ мѣстечкахъ

и селахъ и т. д. Что въ этомъ обстоятельствѣ особенно поражаетъ, — это то, что ни одна кирка не оставлена одинокой, но непременно находится бокъ-о-бокъ съ корчмой, которая такъ и называется всюду «церковной» (Kiriku körts). Казалось бы, что общаго у кирки съ корчмой, проповѣди евангелія съ шумомъ и чадомъ послѣдней? А вотъ что: въ кирку съѣзжается народъ, большинство ставитъ лошадей своихъ возлѣ корчмы, выходить изъ кирки, тамъ было холодно — нужно пойти погрѣться въ корчму, а лучшее согрѣвательное средство — водка, по признанію нѣкоторыхъ, и пиво. Кромѣ того, выходя изъ кирки, сошлись знакомые, родственники. Гдѣ же поговорить по душѣ? На дворѣ неудобно — идутъ въ корчму. Безъ водки же разговоръ не клеится. Покупаетъ одинъ, покупаетъ другой — вотъ и хорошо. Наконецъ, при выходѣ изъ кирки захватываетъ крестьянъ и интересъ къ общественнымъ вопросамъ, возбужденнымъ или только что пасторомъ или имѣющимъ быть провозглашеннымъ какимъ-нибудь прикащикомъ мызнымъ. Гдѣ же обсудить, да рѣшить? Въ корчмѣ! А тамъ подобныя дѣла не дѣлаются безъ водки. И такъ, водка идетъ и расходуется не въ пустяшномъ количествѣ, а въ такомъ, что корчмарь выручаетъ въ годъ не только аренду — какихъ-нибудь 500—600 рублей, но еще сколачиваетъ порядочный капиталецъ и для себя. Господъ помѣщиковъ вовсе при этомъ не стѣсняетъ то, что корчмы — особенно церковныя, ведутъ къ полной деморализаціи нравовъ и обнищанію крестьянства, для нихъ важно только, чтобы они получали свое. Бываетъ такъ, что границы владѣній у трехъ сосѣднихъ помѣщиковъ сходятся вмѣстѣ при проѣздной дорогѣ. Одинъ изъ нихъ выстроилъ тамъ корчму, чрезъ нѣсколько времени появилась другая, а тамъ и третья. Содержатель каждой изъ нихъ платитъ аренды по 300—400 руб. Смотришь — выходятъ и тотъ и другой и живутъ при этомъ совершенно припѣваючи. Слѣдовательно, корчма всячески

доходная статья. Обладая такими источниками доходовъ, которые не только не оскудѣваютъ, но все больше и больше расширяются и богатѣютъ, помѣщики прибалтійскіе нисколько не унываютъ, если въ другихъ сферахъ жизни чувствуютъ уже ограниченія ихъ произвола. И до тѣхъ поръ, пока земля находится въ ихъ *неограниченномъ владѣніи*, мѣстная крестьянская жизнь никогда не улучшится. Въ этомъ убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе слѣдующаго принципа прибалтійской жизни — порабощенія и экономическаго гнета.

III.

Появившись въ Прибалтійскомъ краѣ, нѣмцы видѣли, что однимъ изъ импульсовъ кровавой и упорной защиты самостоятельности со стороны туземцевъ была любовь къ землѣ, стремленіе заниматься мирнымъ трудомъ земледѣлія. Ихъ проницательный умъ сразу созналъ всю важность этого стремленія и послѣ покоренія туземцевъ сдѣлалъ его факторомъ для обоснованія своей жизни здѣсь. такъ сказать, своего индивидуализма. Именно: нѣмцы поработили туземцевъ, обративъ ихъ, съ одной стороны, въ рабочія силы для себя, съ другой — придавивъ ихъ къ завоеванной землѣ, при чемъ они должны были всѣ продукты доставлять нѣмцамъ, а себѣ ничего не оставлять. При этомъ нѣмцы поступали сначала медленно, но настойчиво, не давая туземцу никакой возможности надѣяться на лучшее будущее. Прежде всего, нѣмецъ смотрѣлъ на туземца, какъ на побѣжденнаго, потомъ уже какъ на подчиненнаго. Папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій, объѣзжая въ 1225 г. Ливонію, видѣлъ уже тогда несчастное положеніе туземцевъ и всюду увѣщевалъ братьевъ ордена меченосцевъ не угнетать ихъ и держать умѣренность въ десятинахъ и всякихъ сборахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ установившееся положеніе угнетателей и

подчиненныхъ совершенно законнымъ *). Десятины, сборы и повинности росли съ каждымъ годомъ и особенно они были тяжелы въ Эстляндіи. Туземецъ вступалъ въ третій фазисъ рабства въ собственномъ смыслѣ и считался вещью, съ которой собственникъ поступалъ, какъ хотѣлъ. Его называли: «*Estones sui, homines sui, mei Estones, homines nostri, homines ipsorum* и т. п.**»). Ливонскіе господа покупали его и продавали, дарили и закладывали за долги. Бывали случаи обмѣна его на собаку. Вотъ въ какихъ краскахъ описываетъ ливонскій лѣтописецъ Бальтазаръ Рюсовъ положеніе эстонцевъ въ XIV столѣтіи:

«Каждый дворянинъ въ своемъ помѣстьѣ имѣлъ собственный надворный судъ съ правомъ живота и смерти надъ подвластными ему людьми, и если преступникъ былъ захваченъ въ дворянскомъ помѣстьѣ, то подлежалъ суду не начальства, а того дворянина (помѣщикъ, *Junker*), въ предѣлахъ и границахъ имѣнія котораго совершилось преступленіе. И чѣмъ щедрѣе ливонское дворянство было одарено привилегіями, тѣмъ скуднѣе были снабжены судомъ и справедливостью крестьяне въ этой странѣ. Ибо бѣдный крестьянинъ не имѣлъ никакого другого права кромѣ того, которое предоставлялъ ему помѣщикъ или фохтъ. И бѣдный человѣкъ не смѣлъ жаловаться никакой высшей власти на какое бы то ни было насиліе и несправедливость. И если умиралъ крестьянинъ и его жена, оставивъ дѣтей, то опека надъ дѣтьми учреждалась такая, что господа брали себѣ все, что оставалось послѣ родителей, а дѣти должны были расхаживать нагія и босыя у очага помѣщика, или же побираться милостынею по городамъ, лишась всего родительскаго имущества. И все, чѣмъ владѣлъ бѣдный крестьянинъ, не принадлежало ему, а его господамъ. И если крестьянину случалось немного про-

*) Исторія Ливоніи Чепихипа т. I, выпускъ II, стр. 240.

**) Исторія Ливоніи т. II, вып. VI, стр. 272.

виниться, то помѣщикъ или ландфохтъ, котораго здѣсь называли ландскнехтомъ, безъ всякаго милосердія и человѣческаго чувства, приказывалъ раздѣть того крестьянина до нага и, не обращая вниманія на возрастъ, стегали его длинными, тонкими прутьями. И никакой крестьянинъ не могъ избѣжать такого тиранства, но богатый могъ во всякое время откупиться приличнымъ подаркомъ. Бывали многіе и такіе дворяне, которые обмѣнивали и вымѣнивали своихъ бѣдныхъ крестьянъ и подвластныхъ на собакъ и гончихъ. Такія и подобныя своеволія, несправедливости и тиранства должны были терпѣть и переносить бѣдные крестьяне этого края отъ дворянъ и ландскнехтовъ, оставленные властями безъ всякаго вниманія».

Ничто не могло спасти эстонца отъ власти его господина, развѣ только онъ былъ отпускаемъ на волю помѣщикомъ или же успѣвалъ бѣжать въ какой-либо городъ, пользовавшійся рижскимъ правомъ; здѣсь ему предстояло укрываться отъ помѣщика два года и если въ теченіе двухъ лѣтъ помѣщикъ не требовалъ его обратно, то бѣглый приписывался къ городу и дѣлался свободнымъ горожаниномъ*). Въ качествѣ раба туземецъ долженъ былъ исполнять всѣ работы, какія господинъ желалъ и указывалъ. Понятно, что эти работы были самыя тяжелыя, а количество сохъ, каковое требовалось исполнить, чрезмѣрное. Общею повинностью, обязательною для всѣхъ, была постройка замковъ, монастырей и церквей. Если примемъ въ соображеніе, что каждый замокъ представлялъ въ то же время и крѣпость на случай нападенія враговъ, и что развалины многихъ изъ нихъ стоятъ и по настоящее время нерушимыми, то получимъ и нѣкоторое понятіе о подневольномъ трудѣ туземца.

Состояніе рабства принесло съ собою, во-первыхъ, нескончаемую нужду въ необходимѣйшихъ потребностяхъ

*) Исторія Ливоніи т. II, выпускъ VI стр. 273—274.

жизни : пищу, одежду и пищу. Еще до сих поръ въ устахъ эстонскаго народа существуютъ рассказы и пѣсни про тогдашнюю жизнь. Общее содержаніе ихъ сводится къ тому, что народъ ходилъ полунагой, счастливъ былъ тотъ, кто могъ имѣть рубаху изъ грубѣйшей ткани, или того холста, изъ котораго дѣлаются мѣшки (kotti riie), что хлѣбъ представлялъ смѣсь изъ негодной муки и изрубленной соломы (haganad), что помѣщенія рабовъ отличались сыростью, темнотой и малыми размѣрами, по которымъ онѣ походили на собачью конуру (koera tare или laut). Во-вторыхъ, это состояніе принесло съ собой упадокъ силъ физическихъ и моральныхъ. Безостановочно, впроголодь исполняя непосильную работу, туземецъ сдѣлался вялымъ, слабосильнымъ и неповоротливымъ, отупѣлъ и сталъ безчувственнымъ. Онъ разучился говорить, мыслить и чувствовать и обратился въ животное съ инстинктами. Но пусть не подумаетъ читатель, чтобы владѣльцы этихъ животныхъ имѣли какое-либо состраданіе къ нимъ, напротивъ, ихъ ненависть росла все выше и выше, и истязанія становились все болѣе частыми и мучительными. Неудивительно поэтому, если находимъ данныя, какъ у ливонскихъ лѣтописцевъ, такъ и въ устахъ самого народа, о томъ, что туземцы зывали тогда больше о смерти и смотрѣли на жизнь, какъ на дѣйствительную юдоль плача и горестей. Авторъ риёмованной хроники, свидѣтель событій конца 13-го вѣка, говоритъ, что эстонцы предпочитали муки ада исполненію тягостныхъ подневольныхъ работъ.*) По изображенію позднѣйшихъ добросовѣстныхъ изслѣдователей-историковъ, это страшное положеніе туземца представляется въ слѣдующемъ видѣ: «Они дошли чрезъ всѣ ступени несчастія до самаго страшнаго состоянія и сдѣлались безправною вещью грубыхъ и безсовѣст-

*) Ист. Лив. т. I вып. III, стр. 314.

ныхъ господъ, которые своимъ произволомъ надъ подчиненными причинили тысячекратное продолжительное огрубѣніе собственнаго потомства, ибо подрастающее юношество, свывавшаяся съ такими ужасами и будучи окружено классомъ людей, лишенныхъ всякихъ правъ, становилось также грубымъ и жестокимъ и неспособнымъ къ высшему образованію. Рабство было въ прибалтійскихъ провинціяхъ сильнѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ крестьяне въ это время также по большей части были въ крѣпостномъ состояніи. Сословіе крестьянъ, различаясь здѣсь по языку и національности отъ господствующихъ сословіи, было разсматриваемо до нѣкоторой степени какъ другая порода людей, предназначенная къ служенію и страданію; выродившійся, вѣчно чуждый странѣ орденъ показывалъ ежедневно примѣръ крайней жестокости и безнравственности, и развращенное духовенство, погрязшее въ роскоши и лицемѣріи, было далеко отъ того, чтобы открыть бѣдственному и презрѣнному крестьянскому сословію путь къ добродѣтели и образованію. Позднѣйшіе ландтаги провели это безуспѣшное состояніе туземцевъ посредствомъ законовъ въ опредѣленные формы, развили далѣе крѣпостничество какъ неприкосновенное право господъ и этимъ сдѣлали невозможнымъ всякое свободное движеніе и всякое духовное развитіе туземцевъ вплоть до настоящаго столѣтія». Шведскій ученый Гренбладтъ такъ описываетъ положеніе эстовъ по покореніи ихъ датчанами: «съ чужеземными завоевателями, говоритъ онъ, въ Эстляндію прибыла и іерархія, которая едва ли признавала какое-либо другое средство обращенія язычниковъ къ христіанству, кромѣ огня и меча, и которая скоро достигла господства. Этимъ безповоротно былъ положенъ конецъ не только всякой возможности національнаго развитія на народныхъ основахъ, но у эстонскаго народа было похищено право собственности на землю, на которой онъ выросъ и которую долженъ былъ въ потѣ и

трудахъ обрабатывать и, наконецъ, онъ былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи крѣпостничества. Безъ сомнѣнія, столь сильное и упорное племя было далеко отъ того, чтобы добровольно и безпрепятственно покориться такой печальной судьбѣ: его храбрая и почти отчаянная борьба съ первыми датскими завоевателями, равно какъ и его разнообразныя и многократныя попытки сбросить затѣмъ позорное иго, вполне свидѣлствуетъ о противоположномъ, но всѣ его усилія сломились о столь дурно употребленное превосходство въ силѣ оружія и образованія. Когда въ срединѣ XIV вѣка господство надъ Эстоніей перешло отъ датчанъ къ нѣмецкому ордену, то положеніе страны и жителей сдѣлалось тѣмъ бѣдственнѣе и достойнѣе сожалѣнія, чѣмъ рѣзче была организована и послѣдовательнѣе проведена іерархическо-феодалная общественная система, подъ которую вновь подпали эстонскія провинціи. Вся страна была раздѣлена на множество духовныхъ владѣній и рыцарскихъ леновъ; на этотъ уже безъ того угнетенный народъ были наложены еще болѣе тяжелыя повинности и подати для обогащенія землевладѣльцевъ и доставленія имъ средствъ удовлетворенія ихъ праздности, роскоши и страсти къ удовольствіямъ, ихъ подчиненные были еще крѣпче порабощены и съ ними обращались вполне согласно съ извращенными феодалными взглядами, по которымъ они признавались собственностью своихъ господъ и созданными только для ихъ нуждъ! Что духовные ленные владѣтели мало уступали, часто даже превосходили въ неестественной строгости и жестокости рыцарей, на это указываютъ, къ сожалѣнію, и древнѣйшія и новѣйшія свидѣтельства».*) Но какъ бы низко ни палъ туземецъ, въ немъ все-таки осталось основное чувство животнаго царства: чувство самосохраненія, котораго нѣмцамъ не удалось уничтожить

*) Введеніе хр. въ Ливоніи Г. Трусмана стр. 419 — 420.

или подвергнуть разложенію. Движимые этимъ чувствомъ, туземцы часто учиняли возстанія. Самое большое было въ 1343 — 45 г. между эстами, населявшими нынѣшнюю Эстляндскую губернію. Прочія были мелкія и происходили вплоть до новѣйшихъ временъ. Изъ такихъ отличается особенно возстаніе, бывшее въ 1841 г. около Дерпта. Чтобы дать болѣе или менѣе полную картину этихъ возстаній, мы позволяемъ себѣ представить исторію послѣдняго такъ, какъ ее написалъ очевидецъ — нѣкій Петръ Эйхенфельдъ, копію съ рукописи котораго мы имѣемъ.

«Въ 1841 году не хотѣлъ народъ слушаться гг. помѣщиковъ; когда его звали на работу, онъ не хотѣлъ идти, все сопротивлялся. Весною посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ произведенъ былъ худо: народъ сопротивлялся, вывозъ навоза, вспашка пара, уборка сѣна — все происходило съ сопротивленіемъ. Осенью, когда наступилъ посѣвъ ржи, не хотѣлъ народъ идти на мызные поля. Отъ этого произошло большое столкновеніе. Только по насильственному принужденію былъ произведенъ посѣвъ ржи. Къ уборкѣ хлѣбовъ и молотбѣ не хотѣлъ народъ совсѣмъ идти. Его принуждали однако силою.— Это происходило не въ одномъ мѣстѣ, но всюду, больше же всего сопротивлялся пюхаярвскій народъ, такъ какъ онъ былъ единодушенъ: какъ хозяева, такъ и батраки дѣйствовали вмѣстѣ и не расходились въ единомыслии, что надѣялся получить одинъ, то и другой. Имъ было сказано: «если вы не послушаете того, что вамъ говорятъ, тогда придутъ солдаты на васъ.» Они отвѣчали: «Мы выступимъ также противъ нихъ, пусть они придутъ.»— Приходскій и уѣздный судьи пріѣхали на мызу Пюхаярвъ укрощать это возстаніе. Волостные судьи и хозяева были позваны на мызу, чтобы рассказать объ обстоятельствахъ возстанія и указать мѣры для усмиренія. Они говорили: «Мы ничего не можемъ подѣлать: весь народъ этой волости не-

доволенъ тѣмъ, что барщина тяжела и не въ состояніи никоимъ образомъ исполнить ее». Тогда заговорили эти господа (т. е. приходскій и уѣздный судьи) судьямъ: «Попробуйте вы остановить людей, которые пошли на зло: добраго изъ этого не можетъ выйти.» Потомъ спросили г-да: «Знаете ли вы, кто такіе, которые прежде всего начали производить возмущеніе?» Судьи отвѣчали: «Мы не знаемъ.» — Они хорошо знали, кто такіе были, но они были съ ними за одно, потому и не открывали, кто были возмутители. Снова заговорили господа судьи: «Вы скажете народу, чтобы онъ успокоился. По прошествіи недѣли пріѣзжайте въ городъ и дайте знать, на чемъ стало это дѣло у васъ: смотрите, приходите непременно». По истеченіи недѣли отправились волостные судьи въ городъ Дерптъ, къ уѣздному судѣ, чтобы передать, какъ дѣло стоитъ: именно, что народъ этотъ не даетъ себя уговорить, если на него нападуть, онъ выступить съ энергіею: пусть достанется побѣда, кому случится. Имъ заявили въ уѣздномъ судѣ, что солдаты придутъ на тѣхъ, кто виновенъ. — Въ это время мыза Пюхаярвъ принадлежала г-жѣ Вильбоа. Она указала уѣздному тѣхъ, кто не причастенъ къ возмущенію и кто виновенъ въ немъ. Вслѣдствіе этого послано были 200 солдатъ на содержаніе къ послѣднимъ. Пюхаярвскій народъ между тѣмъ пригласилъ къ себѣ на помощь изъ пограничныхъ волостей другихъ крестьянъ, такъ что вообще собралось народу очень много. По приходѣ солдатъ послали ихъ объѣдать виновныхъ хозяевъ — 7-го, 8-го и 9-го сентября 1841 года. Когда эти 200 солдатъ три дня достаточно поѣли тамъ овецъ, поросятъ и куръ, — рогатаго скота имъ не позволено было трогать, — тогда собрались крестьяне изъ своей и другихъ волостей. Солдаты также ушли изъ волости на мызу. Крестьяне и солдаты встрѣтились на мызныхъ поляхъ, и началась горячая битва, такъ что многіе получили поврежденія и запомнили навсегда,

что за бой былъ. Многіе лежали съ обѣихъ сторонъ на землѣ полумертвые, но никто не былъ совершенно убитъ. Кто получалъ сильный ударъ, тотъ оставался лежать на землѣ безъ памяти. Когда оживалъ, вспоминалъ, въ какомъ дѣйствіи онъ принималъ участіе. Битва скоро окончилась: крестьяне разошлись, и солдаты отправились на мызу. Тѣмъ, которые получили въ столкновеніи поврежденія, дано было лекарство для излеченія. Солдаты остались почевать на мызѣ. Въ четвертый день собирались солдаты отправиться въ городъ, имъ дали нѣсколько подводъ. По прибытіи въ городъ, двухъ подводчиковъ, которыхъ считали виновными, заключили въ тюрьму. Другіе подводчики привели лошадей ихъ обратно. Отъ этихъ двухъ требовалъ уѣздный судъ показаній, кто именно главные зачинщики. «Если вы вѣрно покажете, то я отпущу васъ на свободу; если же не скажете, то не выпущу». Тогда эти два указали тѣхъ, кого знали; ну, — тогда начало было въ рукахъ. Указанные 5 лицъ были призваны въ городъ, гдѣ имъ было сказано: «Вы главные зачинщики возмущенія». Они оправдывались. Имъ сказали: «Къ чему отрицать свою вину: тутъ есть два крестьянина, которые говорили, что вы зачинщики возмущенія.» Позвали прежнихъ двухъ крестьянъ на судъ и спросили, какъ было дѣло. Они показали то же, что и раньше, и предъ 5 крестьянами. Ихъ освободили, а прочихъ пять заключили. Отъ послѣднихъ требовали указанія на другихъ, и всѣхъ увозили въ городъ, по 5 и 10 человѣкъ за разъ, пока ихъ набралось 120 въ тюрьмѣ. Тамъ дознавали ихъ, кто виновенъ меньше, кто больше. Когда дознаніе было произведено, 38 крестьянъ отпустили на свободу, а 82 оставались въ заключеніи, пока наступило время отправить ихъ на мызу Пюхаярвъ, гдѣ они должны были понести за свою вину наказаніе.—Около этого времени мыза Пюхаярвъ была продана генералу Штрику, — онъ былъ весьма злой человѣкъ. Онъ зналъ, что солдаты придутъ съѣхъ

заклоченныхъ крестьянъ, потому велѣлъ привезти нѣсколько воевъ длинныхъ прутьевъ, которые поставилъ стоймя возлѣ стѣнъ скотнаго двора. Это было недѣлю раньше сѣченія. Никто не зналъ, для чего прутья были привезены. Они были такъ велики, какъ прутья, коими завязываютъ изгородные колья. 1841 года декабря 3-го дня пришли солдаты сюда, на каждую мызу по 200 человекъ: въ Пюхаярвъ 200, Пасторать 200, Пилкусъ 200 и Нюпли 200. Въ Пюхаярвъ было и 25 казаковъ. Они провели ночь на мызахъ. 4-го декабря наступилъ день сѣченія. Арестованныхъ крестьянъ привели между солдатами въ оковахъ въ Пюхаярвъ около 8 часовъ утра, а оттуда на мызное поле. Въ домахъ, въ коихъ были солдаты, происходила стычка съ ними. На поле пришли солдаты, которые провели ночь на мызахъ — 800 человекъ и 25 казаковъ и тѣ 100 солдатъ, которые сопровождали арестантовъ изъ Дерпта. Арестованные стояли на полянѣ въ оковахъ, 900 солдатъ крутомъ и 25 казаковъ за ними, у каждаго оружіе наготовѣ. Крестьянъ пришло сюда по приказанію очень много — ихъ было нѣсколько тысячъ: большая поляна была полна народу. Здѣсь была устроена изъ дерна возвышенность въ 4 фута вышиною и такой ширины, что на ней свободно могли стоять два человека. Возвышенность находилась на развѣтвленіи дорогъ, изъ которыхъ одна ведетъ въ Арола, другая въ волость Пюхаярвъ. На возвышенность вошли уѣздный судья баронъ ф. Брашъ — владѣтель имѣнія Ропка и помощникъ суперинтендента баронъ ф. Брюннингъ — изъ мызы Палопера. Ропкаскій баронъ сказалъ длинную проповѣдь о мірскомъ законѣ и состояніи и о послушаніи. Палоперскій баронъ сказалъ также длинное поученіе о духовномъ законѣ — послушаніи, которое требуется для души послѣ этой временной жизни. Когда окончилось чтеніе, ропкаскій баронъ началъ читать по бумагѣ преступленія каждаго арестанта, кто чрезъ подстрекательство дру-

гого попалъ въ бѣду и кто былъ самъ подстрекатель. Тѣхъ, кто попалъ въ бѣду чрезъ подстрекательства другихъ, освободили отъ оковъ предъ многочисленнымъ народомъ и сказали имъ во всеуслышаніе, чтобы они въ жизни своей были предусмотрительны и ни за что не впадали во искушеніе. Ихъ было 40 человѣкъ. Тѣхъ же, которые были подстрекателями въ возмущеніи и битвѣ, повели понемногу нѣсколько впередъ по дорогѣ, которая вела въ волость Пюхаярвѣ, на лѣво, на поле, гдѣ мѣстность болѣе ровная. Тамъ ввели солдатъ въ строй, на каждый фронтъ по 250 человѣкъ, вообще же 500 солдатъ. Имъ подали тѣ длинные прутья, коими они должны были ударять арестованныхъ. Послѣднихъ, въ числѣ 42 человѣкъ, повели къ концу фронта. Тамъ освободили ихъ отъ оковъ и сняли одежду. Даже рубашки сняли съ нихъ и послали чрезъ строй солдатъ. Полковникъ же былъ хорошій человѣкъ и съ добрымъ сердцемъ. Онъ сказалъ солдатамъ: «Не бейте крѣпко, вѣдь они не виноваты, это все вина помѣщиковъ, что этихъ крестьянъ сѣкутъ». Солдаты, дѣйствительно, не били крѣпко, но тѣмъ не менѣе наказуемые были въ крови и до того разбиты, что на спинѣ и бокахъ висѣли куски мяса. Я стоялъ тамъ на полѣ возлѣ выхода изъ строя и видѣлъ ихъ: 500 ударовъ не малая вещь, если ихъ дали и тихо. Пюхаярвскій баринъ велѣлъ привести три телѣги для мертвецовъ, чтобы увезти мертвыхъ къ корчмѣ, но не нужно было ни одной, ибо всѣ наказанные пошли сами...

Полковникъ сильно ругалъ пюхаярвскаго барина Штрика; не пошелъ къ нему на обѣдъ и не позволилъ также солдатамъ что-либо брать отъ него. Они ушли оттуда. Чрезъ строй прогнанныхъ 42 человѣка снова заковали въ цѣни и оставили на ту ночь въ корчмѣ. 5-го декабря утромъ отправились они въ оковахъ подъ конвоемъ въ Дерптъ. Тогда же отправились въ городъ и солдаты. Погода была пасмур-

ная, земля была гола, снѣгу не было, грязи также нѣтъ. Народу хорошо было идти пѣшкомъ. Арестанты были въ Дерптѣ еще два мѣсяца въ заключеніи. Послѣ этого отпустили тѣхъ, которые были менѣе виновны, домой, но тѣхъ, которыхъ считали болѣе виновными и самыми главными, послали въ Сибирь на каторгу. Оттуда чрезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторые вернулись, но большая часть осталась тамъ и, по слухамъ, умерла.

На пюхоярвскій народъ возложили теперь всю уплату расходовъ, сопряженныхъ съ этимъ событіемъ, которые сдѣлали солдаты, будучи на содержаніи у помѣщиковъ. Это было для волости большое наказаніе. Народъ сталъ судиться и часть заплатилъ, часть нѣтъ. — Въ 1842 г. ѣздили г-да судьи по многимъ мѣстамъ и мызамъ и было у нихъ съ собою 200 солдатъ. Они приказывали сѣчь на голой землѣ тѣхъ, которые записывали имена желающихъ перейти въ православіе. Это происходило обыкновенно при стеченіи многочисленнаго народа, созваннаго изъ окрестностей по распоряженію уѣзднаго суда, чтобы видѣть и слышать, что тамъ дѣлають. Сѣкли крестьянъ между солдатами, при чемъ давали по 200, 300 и 400 ударовъ. Въ мызѣ Великой-Камбья получилъ крестьянинъ Юганъ Нимродъ 400 ударовъ, отъ коихъ и умеръ. Его сынъ и другіе 6 человекъ получили по 300 ударовъ. Они хотя и были въ крови, но не умерли, такъ какъ были молодые люди. Юганъ Нимродъ былъ старикъ и ему же дали 400 ударовъ. Такъ поступали на многихъ мызахъ: сѣкли народъ сильно и тяжело вслѣдствіе записыванія въ православіе. Все это дѣлали въ то время, когда генералъ-губернаторомъ былъ баронъ ф.-деръ Паленъ. Помѣщики могли дѣлать, что хотѣли».

Изъ этого разсказа читатель видитъ, что причиною возмущенія было тяжелое положеніе народа. Результаты ихъ были всегда для него плачевны. По возстаніямъ нѣмцы ви-

дѣли, что у рабовъ ихъ есть еще сила нравственная и физическая и потому послѣ усмиренія обыкновенно удваивали рабство: въ большемъ размѣрѣ требовали податей, большого количества издѣльных работъ и т. п. Въ такомъ положеніи оставался туземецъ почти до нашихъ дней, еще долго послѣ милостиваго и гуманнаго акта освобожденія отъ крѣпостничества, совершеннаго великимъ русскимъ Монархомъ Александромъ I Благословеннымъ, какъ мы ясно видимъ изъ разсказа Эйхенфельда. Не боимся высказать, что настоящая аграрная система, созданная нѣмцами, носить на себѣ печать прежняго положенія и проникнута тѣмъ же принципомъ экономическаго гнета, хотя и въ болѣе мягкой формѣ. Для уясненія сказаннаго мы представляемъ читателю слѣдующую таблицу свѣдѣній, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Арендный участокъ.

Чис. десятинъ	Пахоты.	Сѣнокоса.	Выгона.	Сумма арен- ды.	Сколько сѣется.	Сколько по- лучается.	На сумму		Чис. членовъ семейства.	Число годовъ скота.
							Руб.	Коп.		
26	6	12	8	121 р. 75 к.	Ржи 2 чет- верти, ячменя 2 четвер., картоф. 1 четвер. льна 12 кружекъ. капусты, гороху не- много.	Ржи 14 четвер., ячм. 13 четвер., карт. 6 ¹ / ₂ четв., льна 1 ¹ / ₂ пуда и прочіе мелочные продукты	повр.		5 чело- въкъ	2 ло- шади, 2 ко- ровы, 4 тел- ки, 6 овецъ, 2 свин. всего 16 го- ловъ
							84			
							78			
							15	75		
							3			
							5	60		
							186	35		

Центромъ балтійской аграрной системы, какъ можно усмотрѣть изъ приведенной таблицы, является ничѣмъ неограни-

ченная норма арендныхъ или выкупныхъ денегъ. Помѣщикъ — это полный владѣлецъ всякаго клочка земли. Для него не существуетъ никакого закона въ опредѣленіи аренды или выкупного платежа, кромѣ собственной совѣсти. Но кто не знаетъ, что этотъ внутренній законъ, данный Богомъ, прежде всего обходится и голосъ его оставляется безъ вниманія? Тѣмъ болѣе нельзя ожидать слѣдованія совѣсти отъ прибалтійскихъ помѣщиковъ, имѣющихъ натуру отличную отъ другихъ людей и воспитанныхъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій въ преслѣдованіи личныхъ интересовъ. Они теперь почти такъ же пользуются экономическими силами народа, какъ и прежде, съ тою только разницею, что тогда силы эти они употребляли натурою, теперь же деньгами. Они не принимаютъ во вниманіе самыхъ первыхъ условій для утилизованія этихъ силъ, именно: качества земли, отпускаемой въ аренду или продаваемой, цѣнъ на продукты земледѣлія, жизненныхъ потребностей арендатора или покупателя. Для нихъ существуютъ вмѣсто этихъ другія: извѣстное количество земли, которое — и то еще — во многихъ случаяхъ подлежитъ спору, — сознаніе права собственности на землю и фактъ непреодолимаго стремленія народа и каждаго отдѣльнаго лица къ обладанію землею, стремленія, обезпечивающаго постоянное воздѣлываніе земли. Вотъ основныя черты прибалтійской аграрной системы. Ничего другого въ ней нѣтъ, т. е. такого, что бы сколько-нибудь исходило изъ взаимоотношенія капитала и труда. Всѣ законоположенія о крестьянскомъ поземельномъ устройствѣ 1850-хъ годовъ сводятся къ этимъ основнымъ условіямъ. Укажемъ для примѣра на ст. 63 и 64 эстл. крестьянскаго положенія 1856 г. По первой устанавливается заключеніе аренднаго контракта между владѣльцемъ и крестьяниномъ, по второй — обоюдныя обязанности договаривающихся сторонъ. Казалось бы, на первый взглядъ, содержаніе этихъ статей представляетъ въ себѣ требованія весьма утѣшительнаго свой-

ства, на самомъ же дѣлѣ оно даетъ помѣщикамъ въ руки орудіе для всесторонняго экономическаго угнетенія крестьянъ. Контрактъ, разсуждаютъ они, есть извѣстный актъ, отъ котораго отступить крестьянину невозможно, особенно если онъ получилъ санкцію суда, т. е. утвержденіе подписей сторонъ. Съ другой стороны, въ него всегда можно поставить такія условія, которыя такъ или иначе имѣютъ въ виду исключительный интересъ помѣщика, какъ правового собственника земли. ибо крестьянинъ невѣжественъ, не смѣетъ предъявлять своихъ условій, и, наконецъ, боится рискнуть остаться безъ земли. Потому мы до сихъ поръ находимъ контракты, въ коихъ не только нѣтъ никакого соотвѣтствія между количествомъ аренды и количествомъ производимаго для добыванія ея труда, но въ коихъ не выдержано и начало правъ, принадлежащихъ крестьянину. Помѣщики умѣли перевести на каждый футъ земли то, что, въ отношеніи ихъ, принадлежитъ лицу или извѣстному сословію, такова, напр., ихъ привиллегія содержанія конныхъ почтовыхъ станцій, а отъ крестьянъ отнять право пользованія землею по желанію, хотя и безъ ущерба для нея.

Понятно, сколько изъ такого положенія вещей должно вытекать разнообразныхъ судебныхъ процессовъ, оканчивавшихся до сихъ поръ обыкновенно въ пользу помѣщиковъ. Уже законоположенія позднѣйшаго времени, въ отношеніи Эстляндской губерніи 1866 года, принесли съ собою болѣе или менѣе опредѣленный порядокъ въ аграрный строй, преслѣдуя цѣль устойчиваго поземельнаго положенія. Но и они не разрѣшаютъ вопроса о суммѣ арендныхъ денегъ, величина которой вполне зависитъ отъ произвола помѣщика. Не стѣсняемые въ этомъ отношеніи никакими внѣшними препятствіями, г-да помѣщики пустились въ послѣднее время какъ бы въ перегонку одинъ предъ другимъ въ дѣлѣ возвышенія аренды. Есть имѣнія, въ коихъ въ 12 лѣтъ аренднаго

срока аренда поднялась больше, чѣмъ на половину, говоря примѣромъ, кто платилъ 12 лѣтъ назадъ 50 руб., платить теперь 100 и больше при одномъ и томъ же количествѣ земли. Въ одномъ имѣніи, находящемся въ юго-западной Эстляндіи, это повышеніе практикуется чрезъ годъ, много, два. Возможность такого процесса вытекаетъ изъ того, что у арендаторовъ нѣтъ никакихъ контрактовъ. Здѣсь оправдывается поговорка: «въ мутной водѣ лучше рыбу ловить». Объ этомъ обстоятельствѣ мы поговоримъ впослѣдствіи подробнѣе. — При всей чрезмѣрной величинѣ арендной суммы помѣщики не забываютъ налагать на крестьянъ-арендаторовъ всякаго рода повинности, идущія непосредственно въ пользу помѣщиковъ и ихъ учреждений, напр. строительная повинность поставки почтоваго фуража, дорожная повинность, лютеранско-церковная или пасторская повинность и т. п. Изъ этого явствуетъ, что крестьянинъ окруженъ со всѣхъ сторонъ арендой и всякими повинностями. И онъ дѣлаетъ все, чтобы собрать аренду и исполнить повинности. Продаетъ лишнюю мѣрку хлѣба, скотину, свинью одну — другую, масло и вообще, что земля такъ или иначе ему даетъ и способствуетъ пріобрѣтать. Для себя онъ оставляетъ весьма немного и то, что есть, представляетъ иногда къ употребленію негодный матеріалъ. Но крестьянинъ и при этомъ положеніи чувствовалъ бы довольство, если бы оно въ общемъ было устойчиво. Этого послѣдняго нѣтъ и нѣтъ потому, что оно не соотвѣтствуетъ принципу экономическаго гнета, проводимому помѣщиками. По истеченіи контрактнаго срока помѣщикъ можетъ увеличить аренду, которой собрать нѣтъ ни силъ, ни возможности, тогда уже самъ крестьянинъ обязанъ оставить усадьбу. Во всякое время помѣщикъ имѣетъ право продать арендуемый участокъ. Хорошо, если какими-нибудь судьбами у крестьянина оказывается въ запасѣ сбереженій 100—200 руб., онъ пытается купить самъ, давая за десятину, мѣра которой во многихъ случаяхъ является весьма

сомнительной, требуемую сумму — обыкновенно отъ 85 до 125 рублей. Если же у него нѣтъ этихъ сбереженій для обезпеченія за собой участка, опять грозитъ выселеніе, или онъ пускается на авось, какъ многіе и поступаютъ, надѣясь на помощь со стороны родственниковъ и знакомыхъ, но при этомъ онъ готовитъ себѣ также неминуемую гибель, ибо въ такомъ случаѣ $\%$ на выкупную сумму обыкновенно превышаютъ аренду, которую онъ и то уже съ великимъ трудомъ сколачивалъ. Наконецъ, многіе помѣщики въ послѣднее время стали прибѣгать къ болѣе легкой системѣ для проведенія своего принципа: вовсе не даютъ крестьянамъ никакихъ контрактовъ, имѣя въ виду, что эти послѣдніе хотя нѣсколько удерживаютъ ихъ отъ произвольныхъ дѣйствій. При этомъ годъ проходитъ у крестьянина положительно въ страхѣ, происходящемъ отъ невѣдѣнія того, что дальше будетъ. «А какъ захочетъ мызный баринъ, или господинъ баронъ, чтобы выселиться», разсуждаетъ крестьянинъ, «куда идти? вѣдь контракта у меня нѣтъ, можетъ дѣлать, что хочетъ, въ лучшемъ случаѣ наложить на тебя сумму, которой тебѣ не собрать». Правда законъ говоритъ, что если съ обѣихъ сторонъ молчаливо прошло 25-е іюля, то это вѣрный знакъ продолженія контракта на годъ при прежнихъ условіяхъ, но что дѣлаетъ баринъ или баронъ? онъ увеличилъ аренду и конечно не въ срокъ сказалъ объ этомъ. Вотъ крестьянинъ приносить ему деньги въ томъ количествѣ, какое раньше было обозначено въ контрактѣ, подаетъ, баронъ беретъ эти кровью и потомъ пропитанныя рублевки, сосчитываетъ и находитъ, что нѣтъ полной суммы увеличенной аренды. «На нѣтъ и суда нѣтъ», — думаетъ себѣ баронъ, беретъ книгу, записываетъ, сколько принято денегъ и сколько остается еще къ уплатѣ. Крестьянинъ проситъ также какой-нибудь квитанціи. Послѣ долгихъ пререканій баринъ даетъ, но прописываетъ и ту сумму, которая осталась въ долгу. Получивъ квитанцію, крестья-

нинъ смотритъ и удивляется. Но дѣлать уже нечего. «Постой, думаетъ, въ слѣдующій разъ платежа я тебѣ все-таки больше не принесу.» Наступаетъ время платежа, крестьяне гурьбой отправляются на мызу. Впускаютъ по одиночкѣ. «Ну что, Мартъ или Карлъ, много денегъ принесъ?» — «Сколько слѣдуетъ,» отвѣчаетъ крестьянинъ и подаетъ деньги. «На тебѣ тутъ долгъ числится», говоритъ баринъ. «Вотъ эти 20—30 или 40—50 руб. идутъ въ погашеніе долга, а эти столько-то въ уплату аренды.» Опять пишетъ, что столько-то остается за крестьяниномъ въ долгу и выдаетъ ему вторую квитанцію съ приписаніемъ долга. Эта исторія повторяется такъ изъ года въ годъ. — Не правда ли, читатель, что въ ней заключаются всѣ признаки кулачества, явленія, хотя и существующаго въ русской землѣ, но не вытекающаго изъ условій русской жизни, а принесеннаго сюда иными элементами. въ родѣ жидовскихъ и др.? Кажется, что это внѣ всякаго сомнѣнія. Только въ Прибалтійскомъ краѣ подкладкой его служить не столько личная выгода, какъ во внутреннихъ губерніяхъ, сколько принципъ гнета, неразрывно связанный съ принципомъ индивидуализма.

Обращаясь теперь къ послѣдствіямъ, порождаемымъ описанной аграрной системой, мы еще больше убѣждаемся въ достовѣрности указаннаго принципа гнета. Прежде всего, мы находимъ крайнюю бѣдность въ народѣ. Она сказывается въ недостаткѣ хорошей и здоровой пищи, приличной теплой одежды, въ дурныхъ помѣщеніяхъ какъ для людей, такъ и для скота, и, наконецъ, въ худобѣ домашнихъ животныхъ. Пища эстонца сверхъ хлѣба—картофель и салакушка. Мясо онъ ѣстъ въ продолженіи осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ одинъ разъ, много два, въ недѣлю, и то въ соленомъ видѣ. Молоко онъ получаетъ лѣтомъ разбавленнымъ водой. Масло въ весенніе мѣсяцы по воскресеньямъ. Но эти припасы по отношенію къ картофелю составляютъ придаточныя части. Одинъ разъ въ годъ — на

Пасхѣ — получается на каждого члена въ семьѣ по 3 яйца. Два раза въ недѣлю — по средамъ и субботамъ — онѣ ѣсть кашу, осенью весьма часто картофельную, два раза — по четвергамъ и воскресеньямъ — супъ непременно картофельный. Кушанья изъ гороха, бобовъ и капусты представляютъ на столѣ эстонца рѣдкостное явленіе. Съ 29-го сентября по 23-е апрѣля эстонецъ ѣсть два раза въ день, въ прочее время — три, при этомъ всегда необходимость заставляетъ держаться строгаго однообразія.

Т а б л и ц а

свѣдѣній по содержанію эстонскаго крестьянскаго семейства.

Сколько потребно на содержаніе :				Итого.		Доходъ съ 26 десятинъ.			Итого.		Аренда.		Остается на содержаніе :	
Челов.	въ день	въ годъ	Побоч. потребностей.	Руб.	К.	Хлѣбъ.	Молоко.	О. прод. скотин.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
5 чл.	50 к.	182 руб. 50 к.	На по-купку соли, желѣза, обуви, общественныя повинности и вскармливание скотины для продажи: 50 руб.	232	50	186 руб. 35 к. *)	30 р.	40 р.	256	35	121	75	134	60

Изъ этой таблицы ясно, что многаго еще не достаетъ до предположеннаго и вмѣстѣ до самаго ничтожнаго содержанія. Какъ выходить крестьянинъ, трудно понять. Многіе восполняютъ недостатокъ сбереженіями прежнихъ временъ, когда

*) См. прежнюю таблицу на стр. 22.

аренда была не такъ высока, и когда хлѣбъ стоилъ не 6 руб. четверть, а 12—14 руб. Но и у нихъ эти сбереженія начинаютъ приходить къ концу. — Одежда эстонца, особенно у женскаго пола, покрываетъ и грѣетъ больше верхнія части тѣла. И то, что есть, представляетъ или грубую домашнюю ткань или купленный дешевый ситецъ. Национальный костюмъ его — длиннополый кафтанъ, длинные до колѣнъ шерстяные чулки, брюки и жилетка съ двумя рядами пуговицъ, полукафтанъ, красный круглый кушакъ и барашковая съ ушками шапка — сдѣлались достоянiемъ минувшихъ временъ. Онъ требовалъ на изготовленіе свое времени и лишнихъ запасовъ, — теперь не достаетъ ни того, ни другихъ, ибо они идутъ на собираніе аренды или на потребности помѣщика. — Помѣщеніе эстонца или домъ его строится самымъ первобытнымъ способомъ, и подъ одной крышей, хотя въ другомъ отдѣленіи, находятся, въ особенности зимой, лошади и крупный скотъ. Оно сырое, холодное и темное, зимой обкладывается съ наружной стороны соломой, чтобы не продувало. Дымоотводной трубы въ домъ нѣтъ, за то все предметы въ немъ закоптѣли отъ дыму и пропитаны запахомъ его. Зимой во время холодовъ носится подъ потолкомъ сизое облако углекислаго газа, отдѣляющагося отъ головней и не прогорѣлыхъ углей, коими наполненъ очагъ. Газъ этотъ причиняетъ страшныя головныя боли, сопровождающіяся рвотою. Помнится намъ, мать обыкновенно лечила насъ — дѣтей отъ нихъ снѣгомъ или льдомъ: наложить кусокъ льду на лобъ и подвѣжетъ тряпкой голову, — полежишь и пройдетъ. — Въ этомъ помѣщеніи у эстонца и столъ, и кровать, и колыбель и прочіе предметы. Зимой онъ беретъ въ него же куръ, поросятъ, ягнятъ и телятъ. Понятно, что атмосфера становится отъ этихъ жильцовъ еще невыносимѣе. Самъ эстонецъ работаетъ въ драной шубенкѣ, дѣти мастерятъ также въ рубищахъ. Наступаетъ вечеръ, зажигается

лампа керосиновая. Ничтожная, послѣдняго разбора, безъ цилиндра, грязная — она то и дѣло дымить, покрывая копотью уже безъ того закоптѣлые предметы. О свѣтѣ въ болѣе или менѣе отдаленномъ углу нечего и говорить. Въ 9 часовъ спать тутъ всѣ крѣпкимъ сномъ. Утромъ старшій кто-нибудь топить хворостомъ печь, двери открываются настежь, дѣти продолжаютъ дрожать въ дыму подъ одѣяломъ, другіе поятъ и кормятъ скотъ. Такъ проходитъ вся зима у эстонца. Лѣтомъ онъ по большей части не спитъ въ комнатѣ, а въ такъ называемой коморкѣ, находящейся рядомъ съ комнатою. Она каменная и лѣтомъ прохладна, хотя такъ же сыра и темна.

Домашнія животныя у эстонца худородны. 3 — 4 коровы едва даютъ столько молока, чтобы прокормить семейство эстонца. Онѣ страдаютъ всякими болѣзнями. Кормъ имъ должно давать пастбище, но оно лѣтомъ совершенно выроетъ, какъ говоритъ народъ, т. е. трава на немъ высыхаетъ отъ палящихъ лучей солнца, зимой же ихъ кормятъ по большей части соломой, два раза какъ она есть, а третій разъ, вечеромъ, въ изрубленномъ и обваренномъ видѣ. — Лошади эстонца выносливы, но некрасивы и не отличаются способностью къ быстрой ѣздѣ. Ближайшею причиною этого служить худой кормъ. Въ послѣднее время на многочисленныхъ ярмаркахъ нельзя было пайти, какъ жалуются многіе, ни одной порядочной лошади эстляндской породы, такъ она измельчала и выродилась!

Во-вторыхъ, послѣдствіемъ прибалтійской аграрной системы является упадокъ физическихъ силъ въ самомъ народѣ, увеличеніе разнообразныхъ болѣзней и постепенное вырожденіе народа. Нѣкогда рослый и сильный народъ представляется теперь роста средняго, слабымъ и хрупкимъ. Отъ прежней силы и мощи духовной, воплощенныхъ въ воспитомъ народомъ героѣ «Калевичѣ» не осталось ни подобія, ни слѣда. Прежде

предпримчивый и любознательный эстонецъ теперь вялъ, неповоротливъ и апатиченъ до всего, кромѣ самаго главнаго вопроса жизни — вопроса о насущномъ хлѣбѣ. Что касается до болѣзней, то онѣ находятъ себѣ въ народѣ какъ бы источникъ и разсадникъ. изъ котораго происходятъ и въ которомъ разрастаются. Общими является золотуха, ревматизмъ. слѣпота, глухота, желудочныя болѣзни и чахотка. Периодически повторяются: корь, скарлатина, коклюшъ, оспа и др. менѣе опасныя. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ этихъ болѣзней суть порожденія дурного питанія и вообще суровой экономической жизни. Укажемъ для примѣра на золотуху, для обозначенія которой на эстонскомъ языкѣ нѣтъ точнаго понятія. Эстонецъ называетъ ее описательно: «*pea katki*» (голова въ струпьяхъ), *silmad lagunud* (глаза попорчены), *kõrwad ajawad mäda wälja* (изъ ушей истекаетъ гной) и т. п. Между тѣмъ, нужно замѣтить, каждый эстонецъ страдаетъ этой болѣзнью. Чѣмъ же объяснить отсутствіе понятія о ней? Мы думаемъ, исключительно тѣмъ, что она составляетъ явленіе позднѣйшее, и эстонецъ не успѣлъ еще схватить всѣхъ детальныхъ чертъ ея. — Относительно вырожденія приводимъ, кромѣ уже сказаннаго, тотъ общеизвѣстный фактъ. что въ народѣ замѣчается слишкомъ раннее увяданіе красоты и свѣжести или вообще молодости. 17-лѣтній парень-эстонецъ смотритъ 22 — 23-лѣтнимъ, 25-ти лѣтній — 30-ти. Дѣвица 15-лѣтняя — это взрослая женщина, у которой въ 25 лѣтъ появляются нерѣдко морщины на лицѣ; 40-лѣтняя баба ходитъ часто уже скрюченной. Что за причина этому? Суровыя условія жизни, сопряженныя съ прибалтійской аграрной системой, вытекающія изъ нѣмецкаго принципа экономического гнета.

Въ третьихъ, эта самая система или принципъ служить причиной наростанія безземельнаго пролетарія, являющагося всегда, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ на-

ростовъ на томъ или другомъ народномъ организмѣ. Мы имѣемъ относительно этого явленія слѣдующія положительныя данныя по одному комиссарскому участку въ Эстляндской губерніи: на 50 волостей къ 1-му января 1890 г. состояло мужскихъ душъ 13,400. Изъ нихъ 3993 души арендаторовъ и собственниковъ земли. Высчитавъ послѣднее число изъ перваго, получаемъ 9407 — число безземельныхъ душъ. Раздѣливъ общее число душъ на число волостей, получаемъ въ среднемъ выводѣ на каждую волость 268 мужскихъ душъ. Сдѣлавъ то же самое относительно числа безземельныхъ, имѣемъ въ результатѣ 188 душъ безземельныхъ, слѣдовательно, безземельныя превышаютъ земельныхъ на 108 человѣкъ. Это число безземельныхъросло въ 30 послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1860 г., когда окончено было размежеваніе отдѣльныхъ участковъ. Раздѣливъ 188 на 30, получаемъ въ частномъ 6 — число, показывающее, сколько мужскихъ душъ ежегодно дѣлаются безземельными. Отсюда мы съ достаточною вѣроятностью можемъ заключить, что еще чрезъ тридцать лѣтъ число безземельныхъ въ каждой волости увеличится вдвойнѣ, и такъ какъ увеличенія количества земельныхъ участковъ не послѣдуетъ, ибо не откуда ихъ взять, то число безземельныхъ будетъ въ $4\frac{1}{2}$ раза превышать арендаторовъ и собственниковъ вмѣстѣ. Если мы предположимъ, что каждый обладатель земли имѣетъ у себя сына, который служить у отца въ видахъ унаслѣдованія такъ или иначе земли, слѣдовательно, болѣе или менѣе обезпеченъ въ экономическомъ отношеніи, то находимъ, что въ каждой волости безъ приюта и земли остаются 108 человѣкъ мужескаго пола и 160 обезпеченныхъ. Всѣ эти данныя одинаково справедливы по отношенію къ каждому другому комиссарскому участку, всей губерніи и всему краю. — Прибалтійскій пролетарій представляетъ изъ себя жалкое существо. Онъ осужденъ для зарабатыванія хлѣба служить у другихъ. Этимъ другимъ

является прежде всего помѣщикъ, потомъ, свой же братъ эстонецъ или латышъ и, наконецъ, города. Всюду онъ является въ качествѣ работника поденнаго, помѣсячнаго или годового. Мы просмотримъ его жизнь тутъ и тамъ, для того чтобы имѣть полное понятіе о ней. У каждого изъ нихъ есть семейство и обыкновенно большое. Живутъ они въ нарочно для того устроенныхъ домахъ, — при чемъ въ одномъ домѣ помѣщается нѣсколько семей — отъ 4 до 6. Каждое изъ нихъ, понятно, отдѣлено отъ другого перегородкой или стѣной. Намъ приходилось побывать во многихъ прибалтійскихъ рабочихъ домахъ и каждый разъ мы изумлялись, какъ въ нихъ возможно жить и быть при этомъ здоровымъ. Представьте себѣ, читатель, площадь величиной отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 квадратныхъ сажени. Помѣстите тутъ русскую печь, кровать и нѣкоторыя хозяйственные принадлежности работника, останется незанятаго пространства не больше 2 — 3 кв. фут. Дѣтишки, разыгравшись, лѣзутъ на окно, кровать и подъ нее, ибо дѣваться больше некуда. Нужно ли говорить послѣ этого, какая атмосфера царствуетъ въ подобныхъ помѣщеніяхъ? Во многихъ имѣніяхъ рабочіе дома устроены весьма легко, не держатъ тепла и пропускаютъ течъ. — Годовое жалованье, получаемое работникомъ отъ помѣщика, состоитъ изъ 30 руб., получаемыхъ деньгами. 3 четвертей ячменя (по 6 р. = 18 руб.), 4 четверти ржи (по 6 руб. = 24 руб.), 1 шестифутовой сажени полѣнныхъ дровъ (3 руб.), 6 такихъ же саженей хворосту (по 50 коп. = 3 руб.), 2 десятинъ сѣнокоса (по 4 р. = 8 р.), 1 лофштеля (400 квадр. саж.) пахоты для посадки картофеля (6 руб.). Сложивъ всѣ цифры и прибавивъ высшій размѣръ платы за квартиру — 18 руб., получаемъ 110 — число, обозначающее собой все содержаніе мызнаго работника, работающаго круглый годъ 300 дней. Отсюда намъ понятно и то, сколько рассчитано работнику на день, — именно по 37 коп. Если же от-

сюда вычтемъ плату за время, употребляемое работникомъ на рубку и вывозку дровъ и хворосту. — т. е. 75 — 80 коп., то находимъ, что поденная плата прибалтійскаго мызнаго рабочаго состоитъ въ 36 коп. На эти копейки онъ долженъ содержать семейство, обувать, одѣвать, кормить, посылать дѣтей въ школу и изъ нихъ же платить общественныя повинности. Кто не скажетъ, что возможность содержаться представляется почти невѣроятной? Однако существуетъ при такихъ условіяхъ множество семей! За что же даетъ помѣщикъ своимъ рабочимъ эти несчастные гроши? За ежедневный почти непрерывный усиленный трудъ, состоящій изъ 15 рабочихъ часовъ и приносящій помѣщику, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ больше дохода, чѣмъ сколько онъ расходуетъ на вознагражденіе этого труда. — Отсюда становится намъ до очевидности понятнымъ то, почему прибалтійскіе помѣщики славятся богатствомъ и хвалятся знатностью и могуществомъ рода, почему они до послѣдней силы стараются удержать за собой власть распоряжаться крестьянствомъ, наконецъ, почему каждый разъ при затрогиваніи аграрнаго вопроса приходитъ въ грозное движеніе вся нѣмецко-балтійская рать.

У своего брата прибалтійскій пролетарій пользуется болѣе широкими правами и нѣкоторой относительной свободой. Ему не приходится работать изъ-подъ палки хозяина безостановочно, не исполняетъ онъ и опредѣленнаго количества работы, напротивъ, сколько успѣетъ, — сдѣлаетъ, и хозяинъ доволенъ, если, конечно, сдѣлано добросовѣстно. Раньше можетъ идти на покой, можетъ отдыхать и при работѣ. Всего этого нѣтъ на мызѣ. Онъ ѣстъ за однимъ столомъ съ хозяиномъ и получаетъ то же, что и хозяинъ. За трудъ свой онъ въ годъ получаетъ: 40 рублей деньгами, одинъ черный кафтанъ, стоимостью въ 5 рублей, 2 пары бѣлыхъ грубыхъ штановъ, сотканыхъ изъ конопли (на деньги 1 р. 20 к.), 2 па-

ры шерстяныхъ носковъ (80 коп.), 2 пары рукавицъ (60 коп.), 2 рубашки (1 р. 80 коп.), и сверхъ этого хозяинъ уплачиваетъ за него общественныя повинности въ размѣрѣ 1 рубля или 1 руб. 20 коп. Все это въ общей сложности составляетъ сумму въ 60 руб. 50 коп., при готовыхъ харчахъ и квартирѣ. Если считать за харчи въ день по 15 коп. и за квартиру въ годъ 12 руб., то хозяйскій работникъ зарабатываетъ на содержаніе себѣ въ годъ 137 рублей 25 коп. Такъ какъ онъ по большей части бываетъ холостой человѣкъ, то въ сравненіи съ доходомъ, получаемымъ мызнымъ работникомъ, онъ вполне можетъ жить, даже допустить себѣ излишества, въ родѣ выпивки по праздничнымъ днямъ, что на самомъ дѣлѣ и происходитъ. — Но не всюду хозяйскіе работники живутъ одинаково хорошо. Во многихъ мѣстахъ въ Лифляндіи встрѣчаются обратныя явленія: между хозяевами и работниками существуетъ строгое разграниченіе. Хозяева, какъ бары, не касаются сами ни до чего и живутъ-то отъ работниковъ отдѣльно, ѣдятъ не то, что работники и требуютъ отъ нихъ иногда непосильныхъ работъ. Это своего рода мелкопомѣстные помѣщики, а работники созданія низшаго порядка. Мы очень опасаемся, какъ бы настоящій порядокъ крестьянскаго землевладѣнія не сталъ точной копіею съ крупнаго, ведомаго помѣщиками. Если не произойдетъ существенныхъ перемѣнъ, то прибалтійскій батракъ будетъ осужденъ на нескончаемую кабалу.

Далеко не всѣ безземельные находятъ себѣ пропитаніе и кровъ въ деревнѣ. Можно сказать почти достоверно, что половина изъ нихъ отправляется въ города съ цѣлью найти тамъ болѣе доходный заработокъ, чѣмъ въ деревнѣ. Особенный наплывъ безземельныхъ въ города замѣчался въ 1860-хъ годахъ, когда, какъ мы уже сказали, совершался процессъ выдѣленія отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ и захватъ крестьянской-повинностной земли къ мызнымъ угодьямъ.

«Въ то время, говоритъ эстонская газета «Валгусь»*), отправлялись тысячи безземельнаго люда въ города съ цѣлью найти работу и пріютъ, коихъ въ деревнѣ не было.... Города наполнились бѣдными людьми, которые почти другого ничего не умѣли дѣлать, какъ заниматься землепашествомъ. Такъ какъ въ городахъ нельзя было найти работы столько, сколько требовалось, то тысячи семей попали въ страшное несчастіе — стали заниматься праздношатаніемъ. Чрезъ бѣдственное положеніе и не имѣя никакого призора, эти несчастные вскорѣ впали въ великую нужду и отчаяніе. Чистота нравовъ пропала у многихъ. Отсюда произошли въ нашемъ краѣ конокрады и разбойники. Сотнями шаталось этихъ несчастныхъ во всѣхъ придорожныхъ мѣстахъ, корчмахъ и хижинахъ. Сотнями отправлялось ихъ обратно въ деревни, — въ городахъ нечего было имъ дѣлать. Имъ были знакомы мѣстности и мѣста, двери и окна, выгоны и лѣса, села, поля, дворы, дороги и ворота... Въ какіе-нибудь два года сдѣлался Прибалтійскій край, особенно же Лифляндія, въ которой прежде всего произошло размежеваніе волостной земли и лучшіе участки деревень, дворовъ и бобылей были прихвачены къ мызѣ, *инъдомъ конокрадства*. Если бы спросили: *откуда происходятъ въ Балтіи конокрадство и злодѣйства*, то каждый свѣдущій человѣкъ долженъ бы смѣло отвѣтить: изъ балтійской аграрной системы — отъ ограниченія волостныхъ земель и лѣсовъ и пріобщенія ихъ къ мызамъ и отъ обезземеленія больше чѣмъ половины членовъ крестьянскаго общества! — Нѣтъ у народа земли, нѣтъ и нравственности и истинной общественной жизни, при которой люди живутъ подъ контролемъ и твердымъ присмотромъ общества. Въ Россіи (нужно разумѣть во внутреннихъ губерніяхъ), гдѣ существуетъ поземельный надѣлъ на каждую

*) См. газ. «Валгусь», издающуюся въ Ревелѣ, № 44. 1890 г.

душу (мужскую), нѣтъ такого конокрадства. Какое есть, въ большей части своей, безъ всякаго сомнѣнія, *происходитъ изъ Балтіи*. Отсюда этотъ дурной обычай и отсюда распустило сѣмя его отростки. Отсюда происходитъ также тотъ всячески безпокойный духъ, котораго въ Россіи не знаютъ, какъ плодъ аграрной системы Запада. Исправить это можно только тѣмъ, если непроданныя въ Балтіи волостныя земли, какъ въ Россіи, передать крестьянамъ по средней таксаціонной цѣнѣ и если это произведутъ при помощи государственнаго земельного банка».

Какую горькую правду составляетъ все цитированное! Мы сами, побывавъ во многихъ прибалтійскихъ городахъ, имѣли возможность познакомиться съ вторгнувшимся сюда изъ деревень пролетаріатомъ. Что за людей можно видѣть здѣсь? Оборванныхъ, испившихся, голодныхъ, дерзкихъ и грубыхъ, развратниковъ, воровъ, мошенниковъ и т. д. Это подонки крестьянскихъ обществъ. Но есть и цвѣтки. Это тѣ, которые, достигнувъ опредѣленнаго положенія приказчика, повара, кучера и т. п. и научившись нѣсколько по-нѣмецки, считаютъ себя уже не Яномъ, Отто, Анцомъ, а Juhannes-омъ, Otton'-омъ, Antoni'-емъ и по фамиліи уже не Якъ, Нуркъ, Кулъ и т. п., а Якке, Нуркгофъ, Габихтъ. Они уже не эстонцы и не латыши, а нѣмцы, и потому не ходятъ съ другими въ эстонскую или латышскую кирку, а въ нѣмецкую. Какъ та, такъ и другая категорія несчастныхъ отщепенцевъ одинаково вредна и не желательна для мѣстнаго крестьянскаго общества въ случаѣ возвращенія на родину. И намъ кажется, что этой язвы на народномъ организмѣ не можетъ излечить никакая сила до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена причина образованія ея, именно не будетъ разрушенъ принципъ экономическаго гнета въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ четвертыхъ, этотъ принципъ вызывалъ и вызываетъ переселенческія движенія въ народѣ. Они повторяются пе-

ріодически и обыкновенно тогда, когда вопросъ о хлѣбѣ не можетъ быть разрѣшенъ на родинѣ удовлетворительно. Первые движенія были въ 1840 г., потомъ въ 60-хъ и, наконецъ, 80-хъ. Мы, правда, не знакомы съ подробностями, а потому и не можемъ предложить ихъ читателямъ. Достаточно однако, что эстонскія колоніи въ Самарской, Саратовской, С.-Петербургской, Новгородской губерніяхъ, въ Крыму, на Кавказѣ и въ Сухумѣ произошли въ разные періоды, указанные нами. Судя по настоящему положенію экономической жизни эстонца, мы безошибочно можемъ сказать, что переселенческій вопросъ возстанетъ съ новой силой чрезъ два-три года и выведетъ многихъ въ дальнія мѣста, гдѣ условія жизни не столь тягостны.

Наконецъ, въ пятыхъ, какъ мы уже видѣли, прибалтійскій принципъ экономического гнета порождаетъ аграрныя возмущенія въ народѣ. Правда онѣ въ послѣднюю половину 19-го столѣтія не проявлялись, кромѣ извѣстнаго возмущенія въ Гарріи 1858 г., но это нисколько не служить гарантіею въ томъ, что ихъ больше никогда не будетъ, если принципъ гнета будетъ дѣйствовать съ одинаковой силой и интенсивностью. Въ настоящее время, когда аграрный вопросъ обострился какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ, послѣднихъ удерживаетъ отъ возмущеній отчасти нравственное воздѣйствіе комиссаровъ и ожиданіе и надежда на помощь Правительства. Проникшія въ печать извѣстія о томъ, что балтійскимъ помѣщикамъ будетъ предложено произвести продажу крестьянскихъ участковъ, подобно молніи пронеслись по всѣмъ угламъ края и пріободрили всѣхъ, вызвали радостныя надежды на будущее и заставили забыть всю горечь настоящаго. Какъ долго продолжится это состояніе, нельзя предугадать..... Одно только нужно имѣть въ виду, — что добрымъ настроеніемъ народа недовольны люди извѣстнаго образа мыслей и готовы для своихъ цѣлей видѣть въ

немъ обратное настроеніе и воспользоваться его мрачностью, чувствомъ неудовлетворенности и безъисходнымъ положеніемъ.

IV.

Дальнѣйшимъ принципомъ прибалтійскихъ помѣщиковъ является принципъ соціального угнетенія. Онъ также имѣетъ непосредственную связь съ основнымъ началомъ жизни — индивидуализмомъ, именно вытекаетъ изъ него, какъ послѣдствіе изъ своей причины. Какъ проводится онъ и въ чемъ проявляется? — При разборѣ принципа экономическаго гнета мы видѣли, что онъ прежде всего выразился въ рабствѣ. То же должны сказать относительно настоящаго принципа. Нѣмцы поработили туземцевъ не только въ экономическомъ отношеніи, но и въ соціальномъ, иначе говоря, не только употребили ихъ силу на свои работы и ихъ продукты земледѣлія на свои нужды, но и сдѣлали невозможнымъ для нихъ взаимное общеніе, съ одной стороны, отнявъ для этого отъ туземцевъ все свободное время, съ другой, жестоко истязуя за стремленіе къ единенію, даже за малѣйшее недоброе выраженіе о дѣйствіяхъ бароновъ. Первоначально эта система практиковалась противъ каждаго: его били и сѣкли просто ни за что, съ теченіемъ времени, когда народная масса увеличилась, она стала практиковаться противъ зачинщиковъ только. Примѣры тому мы видѣли въ исторіи пюхаярвскаго возмущенія, приведенной нами выше. Съ теченіемъ же времени жестокость ея также ослабѣла: бить и сѣчь уже было нельзя, стали заключать въ тюрьму и стращать всевозможными ужасами. Для большей убѣдительности приведу исторію гоненія первыхъ прозелитовъ православія въ Эстляндской губерніи въ 1883 г., выписанную нами изъ лѣтописи Л. церкви.

«20-го апрѣля 1883 г. въ 5 часовъ пополудни, говорить А. П., пришелъ Ш. гакенрихтеръ, собственникъ имѣнія О. фонъ К. съ двумя своими слугами въ деревню Т., во дворъ

М., гдѣ я уже 10 лѣтъ жилъ съ женою и ребенкомъ у своего тестя Я. В. Онъ пришелъ туда ко мнѣ безъ волостного судьи. Вошедши, обратился ко мнѣ: «Слышишь, П., отдай добромъ въ мои руки запись людей, желающихъ принять православіе.» Я почтительно всталъ и отъ испуга не могъ выговорить ни слова. Г. гакенрихтеръ во второй разъ сказалъ: «Не медли, отдай!» Когда я спросилъ, какую запись желаетъ отъ меня г. судья, то онъ велѣлъ мнѣ встать посреди комнаты, а слугѣ своему перебрать всю кровать, не найдетъ ли тамъ искомой записи. Слуга повиновался, но не нашелъ ничего. Я осмѣлился сказать, что мною не записано ни одной души. Гакенрихтеръ сказалъ: «Л., крестьянинъ М. К., отъ котораго также отнята запись 265 душъ, увѣрялъ меня, что ты записалъ крестьянъ двухъ моихъ деревень — Т. и О. Ты старикъ, развѣ тебѣ не стыдно дѣлать такія собачьи дѣла?» Затѣмъ обратившись къ своему слугѣ, сказалъ: «Р., уведи его на мызу въ кутузку». Р. повиновался, и я послѣдовалъ за нимъ. Когда я былъ выведенъ, г. гакенрихтеръ сталъ съ другимъ слугою перебирать вещи моей жены, но не находя искомой записи, забралъ съ собою все мои религіозныя и нравоучительныя книги и отправилъ меня между двумя солдатами, въ Л. за 14 верстъ въ тюрьму.

Послѣ того были на мызу О. созваны крестьяне означенныхъ двухъ деревень и г. гакенрихтеръ допрашивалъ ихъ: «Записалъ ли П. ваши имена для принятія русской вѣры?» Крестьяне отвѣтили: «П. не записалъ ни одного имени.» — 22-го апрѣля въ 8 часовъ вечера меня вывели изъ тюрьмы и привели предъ г. гакенрихтера ф. К. и приходскаго судьи ф. Г. Такъ какъ относительно записи крестьянъ двухъ О. деревень не найдепо было никакихъ доказательствъ, то явились противъ меня другія обвиненія: именно г. гакенрихтеръ спросилъ: «Посылалъ ли ты съ почтаремъ въ Л. корчмарю П. книги православнаго вѣроученія?» Я отвѣтилъ утвердительно. «Для какой

цѣли ты посылалъ ихъ туда?» Я отвѣтилъ: «Л. крестьяне, которые давно стали поговаривать о переходѣ въ православіе, просили меня, не могу ли я доставить имъ книги съ православнымъ вѣроученіемъ, откуда бы они могли усмотрѣть, дѣйствительно ли русская вѣра стоитъ на основаніи ученія Господа Спасителя и Апостоловъ. Я обѣщалъ и исполнилъ свое обѣщаніе и хвалилъ ихъ желаніе: раньше узнать вѣру, и потомъ поразсудить, принять или нѣтъ». — «Ты, будто бы, хвалилъ въ корчмѣ православіе и обѣщалъ поддушную землю». — Я отвѣтилъ: «Никогда не говорилъ подобнаго.» Просилъ привести свидѣтелей, но не привели. Снова оба судьи стали навязывать мнѣ рѣчи о добротѣ православія и подушныхъ земляхъ. Я снова утверждалъ, что не говорилъ подобныхъ рѣчей, ибо знаю, что никто не отнимаетъ ни отъ кого его собственности. Относительно же православія сказалъ, что можетъ быть въ нетрезвомъ видѣ хвалилъ я его, но сознательно никогда, ибо знаю, что господа судьи не хотятъ, чтобы народъ принялъ его. Послѣ этого гакенрихтеръ показалъ мнѣ книги, отобранныя имъ послѣ моего увода на гауптвахту и спросилъ, мои ли онѣ? Я отвѣтилъ утвердительно. Книги же эти были посланія бывшаго архіепископа Платона, православный катехизисъ и начальное наставленіе въ православной вѣрѣ о. Поспѣлова на эстонскомъ языкѣ. — Г. приходскій судья ф. Г. показалъ какую-то рукопись, спрашивая, знаю ли я эту вещь? Когда я сказалъ, что не знаю, та ли это рукопись, которую г. гакенрихтеръ отобралъ отъ моей жены, такъ какъ я не знаю ея содержанія, то г. судья назвалъ заглавіе ея: «Любовь къ народу» (Rahwa armastus), и прочиталъ изъ нея нѣсколько строкъ. Я сказалъ: «Правда, подобная рукопись была дѣйствительно у меня, но я ею не пользовался, ибо не совсѣмъ понимаю ея содержаніе.» На вопросъ: «Откуда ты досталъ эту рукопись?» я отвѣтилъ, что на Л. ярмаркѣ въ мартѣ мѣсяцѣ далъ мнѣ ее какой-то господинъ, который на-

звался изъ Пернова. Тогда заявилъ мнѣ ф. Г.: «У меня есть родственникъ въ служеніи у Государя. Эту рукопись перешлю я ему для передачи Императору. Онъ увидитъ, какъ вы его любите.» Меня снова заперли въ тюрьму до слѣдующаго дня 23-го апрѣля. Послѣ меня вывели изъ тюрьмы корчмаря П. и допрашивали его о книгахъ, полученныхъ отъ меня. Такъ какъ за нимъ другой вины не находили, то гг. судьи отпустили его совсѣмъ. Прошло недѣли двѣ. Г. исправлялъ должность гакенрихтера вмѣсто своего брата ф. К. Онъ сталъ требовать къ себѣ мой паспортъ. Прошла молва въ народѣ, что онъ хочетъ его испортить и меня самого повѣсить. Приѣхалъ самъ ф. К. Я думалъ, что онъ прекратитъ преслѣдованіе меня. Напрасно. Онъ еще хуже набросился на меня и, несмотря на то, что я переселился въ Лифляндію въ М. приходъ, онъ требовалъ меня къ себѣ. Разъ явился я въ О. посѣтить свою жену и сына, жившихъ у отца М. Я. Тутъ онъ объявилъ на меня облаву, какъ на хищнаго звѣря. Но такъ какъ никто изъ волостныхъ судей не желалъ свести меня къ нему, то, какъ говорили, было объявлено: сто рублей получить тотъ, кто доставитъ меня къ гакенрихтеру живымъ или мертвымъ. Услышавъ эти рѣчи, я не на шутку испугался и заболѣлъ (я страдалъ ревматизмомъ во всемъ тѣлѣ.) Однако, желая дать знать г. гакенрихтеру, гдѣ я живу, я написалъ въ августѣ мѣсяцѣ ему письмо: «Высокопочтимые властители земель и морей, я явлюсь къ вамъ, какъ только выздоровѣю.» И дѣйствительно, 30-го августа я явился въ Л. и предалъ себя въ руки судей ф. К. и ф. Г. Меня заперли въ тюрьму на цѣлую недѣлю. Два раза просилъ я защиты у эстляндскаго губернатора П., но никакого отвѣта не получилъ. Когда потомъ я сталъ просить защиты у его преосвященства епископа рижскаго и митавскаго Д., то губернаторъ сдѣлалъ г. гакенрихтеру запросъ, почему меня держали въ тюрьмѣ.

Полученъ былъ отвѣтъ, что П. написалъ гг. судьямъ дерзкое письмо, назвавъ ихъ властителями земель и морей.»

Вотъ что собственноручно пишетъ второй прозелить, крестьянинъ - собственникъ М. К., нынѣ еще молодой человекъ лѣтъ 35. — «Первоначально православіе начало распространяться съ 17-го апрѣля 1883 года; когда кончится его распространеніе, намъ неизвѣстно. Когда я начну излагать о тѣхъ преслѣдованіяхъ, коимъ подвергали первыхъ зачинщиковъ принятія православія и весь нашъ народъ, то слезы навертываются на глаза, въ особенности, когда вспомню тѣ выраженія о православіи, какія пришлось слышать. Кто желалъ перейти въ православіе, тотъ долженъ былъ быть преслѣдуемъ и иные были даже заключены въ тюрьму. Уступая просьбѣ многихъ, я взялся записывать ихъ имена къ принятію православія. — 20-го апрѣля 1883 года въ 5 часовъ утра пріѣхали на тройкѣ къ намъ въ деревню г. гагенрихтеръ ф. К. и г. приходскій судья ф. Г. Первымъ дѣломъ ихъ было спросить отъ меня записъ именъ крестьянъ, желающихъ перейти въ православіе. Я сказалъ, что записъ еще не доведена до конца, а когда кончу ее, самъ принесу ее имъ. Они не вняли моему предложенію, а начали производить обыскъ, перерыли всѣ ящики въ столахъ, карманы въ одеждѣ, а постель разбросали. Не находя ничего, стали снова требовать отъ меня записъ. Я подалъ имъ записъ съ именами, сколько ихъ у меня было. Понятна ихъ цѣль: они хотѣли отнятіемъ записи именъ затормозить дѣло перехода. Эту записъ мы хотѣли вручить К. священнику и П. благочинному Д. Д. Т. Однако снова составлена была записъ, хотя и нѣсколько позже, и подана означеннымъ священникамъ, такъ что часть изъ означенныхъ въ записи приняла таинство миропомазанія въ К., часть въ У. 15-го мая 1883 года, т. е. въ день священной коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Александра Александровича III и Го-

сударыни Марія Оеодоровны. Пять разъ звали меня въ судъ къ гакенрихтеру, первый разъ 27-го апрѣля, и каждый разъ спрашивали: откуда взялъ народъ желаніе перейти въ русскую вѣру? Я отвѣчалъ, что мнѣ никто не давалъ совѣта. что я чувствую въ сердцѣ своемъ склонность принять православіе, когда подумаю, что я подданный русскаго Царя, хочу быть одной вѣры съ Нимъ. «Нѣтъ вы не подданные Царя, Царь этого не хочетъ, вы его поносители и совратители другихъ.» Впрочемъ, не я одинъ долженъ былъ ходить въ судъ, но со мною еще многіе, какъ М. М., К. П., А. П. и другіе. Но Господь помогъ намъ вынести это бремя, устроилъ наше дѣло. Да поможетъ Онъ намъ и въ дальнѣйшемъ.»

Этихъ примѣровъ для насъ достаточно, хотя мы могли бы привести ихъ десятками. Они всѣ обнаруживаютъ одну основную мысль помѣщиковъ: захватить начавшееся общее движеніе въ самомъ началѣ, застращать зачинщиковъ его предъ глазами другихъ и тѣмъ отнять дальнѣйшую возможность распространенія.

Но посмотримъ другія средства проведенія этого принципа. Извѣстно, что экономическая жизнь и социальная близко касаются одна другой, даже больше, находятся въ непосредственной связи между собой, выражаясь въ общихъ чертахъ одними и тѣми же признаками. Освободивъ народъ отъ крѣпостного состоянія, помѣщики оставили его въ состояніи социальной угнетенности, именно они дали народу личную свободу, но не дали земли. Безъ земли же какая свобода можетъ считаться для народа за благо? Гонимая въ нуждѣ за хлѣбомъ и не имѣя твердой почвы подъ собой, крестьянину и въ голову не можетъ придти стремленіе къ интересамъ высшаго порядка, какъ-то: общенію, любви къ другому, раздѣленію горя, національному сознанію и гордости, патриотизму и т. п. Свобода его уходитъ на преслѣдованіе цѣлей низшихъ, касающихся тѣла: питанія, одѣянія, празднаго ша-

танія, лѣности и т. п. — Повидимому, помѣщики нарочно дали такую свободу своимъ крестьянамъ, чтобы они, не будучи обезпечены, не могли подняться изъ праха, въ который были повержены цѣлыя столѣтія. Но они не остановились на этомъ, такъ какъ подобное положеніе представляло опасность хотя съ той стороны, что обнаруживало одинаково безысходность для всѣхъ, слѣдовательно могло вызывать аграрныя бунты. Потому они взялись за подворное раздѣленіе крестьянъ или такъ называемую аграрную рознь. Отъ прежнихъ большихъ сель остались только одинокіе дворы: прочіе или совершенно уничтожены или отведены и устроены далеко отъ прежняго мѣста, иногда въ глуши лѣсовъ и среди болотъ. При такомъ положеніи крестьянину уже не легко было найти достаточно свободнаго времени и отправиться къ другому для переговоровъ объ общихъ дѣлахъ и интересахъ. Онъ себѣ привыкъ къ одиночеству и сталъ чуждъ всего, мало того, онъ одичалъ и очерствѣлъ весь. Помѣщики же оправдываютъ эту свою мѣру, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, цѣлью предохраненія отъ могущихъ произойти пожаровъ... И хорошо стало теперь дѣйствовать на крестьянъ. Для этого требовалось являться предъ ними въ прежнемъ грозномъ величій и силѣ: попадался крестьянинъ предъ очи помѣщика, прежде всего посыпался на его голову цѣлый потокъ самыхъ площадныхъ ругательствъ на ломаномъ туземномъ языкѣ. Впрочемъ крестьянину рѣдко приходилось лицедрѣть своего барина: онъ объяснялся съ нимъ чрезъ лакея, гнушаясь лично видѣть его и говорить съ нимъ. Завидитъ баринъ крестьянина, ѣдущаго ему на встрѣчу на своей изможденной клячкѣ, заводитъ буйный крикъ, повелѣвающій снять предъ бариномъ шапку и повернуть въ сторону...

Но вотъ появляются новыя вѣянія, гуманное правительство вводитъ въ краѣ волостной судъ и волостное самоуправленіе. Недобрые симптомы носили эти начинанія въ себѣ: именно

они полагали начала правильному обществу крестьянъ. То ли нужно было помѣщикамъ? Нѣтъ! Потому они постарались достигнуть законнаго права для нѣкотораго надзора за волостнымъ управленіемъ. Мы разумѣемъ здѣсь § 12 Высочайше 19-го февр. 1866 г. утвержденныхъ Правилъ волостного устройства прибалтійскихъ губ., по которому требуется, чтобы старшина въ продолженіе 3 дней по составленіи извѣстнаго рѣшенія выборныхъ волости извѣщалъ о немъ (рѣшеніи) мызную или вотчинную полицію, а эта въ свою очередь должна доносить о неправильности его или нарушеніи имъ правъ помѣщика приходскому суду. Благодареніе Богу, этотъ параграфъ теперь съ ограниченіемъ правъ вотчинной полиціи, съ упраздненіемъ приходскихъ судовъ и установленіемъ комиссарскаго надзора за волостными правленіями, потерялъ свою силу. — Однако, существуя слишкомъ 20 лѣтъ, онъ представлялъ для господъ помѣщиковъ полную возможность удержать крестьянъ въ ихъ общественныхъ вопросахъ подъ тяжелымъ гнетомъ помѣщичьяго контроля и постоянного вмѣшательства. Вышло такъ, что старшина волостной былъ ни больше ни меньше какъ вѣрный слуга мызный. Онъ обыкновенно хаживалъ раньше, чѣмъ сядетъ совѣщаться, къ помѣщику и выслушивалъ, какъ необходимо рѣшить очередной вопросъ. Являясь потомъ въ волостное правленіе, онъ уже настаивалъ на рѣшеніи, предуказанномъ барономъ. Выборные покорялись этому молча. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ была уничтожена всякая благая инициатива въ крестьянскомъ обществѣ, всякое благое начинаніе. Все пошло прахомъ, пропалъ весь интересъ, вышла пародія на предположенный правительствомъ серьезный актъ — засѣданія схода выборныхъ. Какъ бы еще для большей деморализаціи явились на каждомъ перекресткѣ корчмы, въ которыхъ все дѣлалось за зелено вино: выбирались судьи, старшины, гласные, рѣшались дѣла въ пользу того, кто больше могъ угощать и т. п. Опять ска-

жемъ, хорошо было помѣщикамъ: между крестьянами не происходило ничего возмутительнаго, по ихъ мнѣнію, не было общихъ цѣлей, интересовъ и стремленій... Но вотъ подымается изъ народа гигантъ, который зоветъ гласомъ печатнаго и устнаго слова всѣхъ сыновъ народа подъ знамя патріотизма и преданности престолу. Это К. Р. Якобсонъ со своей газетой «Сакала» и пламенными рѣчами, произносимыми имъ въ разныхъ имъ же основанныхъ обществахъ. Вокругъ него собирается громадная масса народная, начинается великій процессъ самосознанія личнаго и національнаго. Неудержимымъ потокомъ стремятся эти массы народныя стать въ сплоченную организацію, къ обновленію духа на подобіе стариннаго. Каждый старается сдѣлать доброе дѣло для родины, принести свои силы на благо ей. Центромъ, къ которому обращены взоры всѣхъ и куда приносятся посильныя жертвы, дѣлается эстонское Александровское училище, учрежденное въ благодарную память объ Императорѣ Александрѣ I Благословенномъ за освобожденіе народа отъ рабства и существующее нынѣ въ Оберпаленѣ подъ названіемъ Эстонскаго Александровскаго городского училища въ Карлсгофѣ. Почти въ каждой волости существовалъ для сбора пожертвованій вспомогательный комитетъ. Черезъ нихъ, кстати сказать, собрано отъ народа около 100,000 рублей. Могли ли это все придтись по нраву балтійскимъ заправиламъ? Далеко нѣтъ. Они усмотрѣли во всемъ этомъ движеніи признаки зловреднаго ученія социализма и нигилизма и постарались навести на него тѣнь въ глазахъ высшихъ лицъ и достигли того, что мѣстные комитеты были всѣ уничтожены и сборы пожертвованій прекращены. Въ это же время стала усиленно раздаваться проповѣдь пасторовъ о пагубности мірскихъ интересовъ и стремлений. Это привело массы, какъ мы видѣли уже въ началѣ, къ раздѣленію, и опять погибло все общее дѣло. На этой ступени мы находимъ народъ въ настоящее время. На

сколько могут ослабить силу принципа социального гнета новыя реформы, проведенныя и проводимыя нынѣ въ краѣ правительствомъ, покажетъ будущее. Теперь всѣ смотрять на нихъ, одни, ожидая всякихъ благъ для себя, другіе враждуя противъ нихъ.

Итакъ, мы видѣли, какими мѣрами проводился въ Прибалтійскомъ краѣ принципъ социального гнета, именно: посредствомъ рабства, сѣченій, преслѣдованія и наказанія зачинщиковъ общихъ движеній, высокомернаго обхожденія, вмѣшательства въ общія дѣла, клеветы и проповѣдей; — послѣ этого намъ остается разсмотрѣть, къ какимъ результатамъ привели всѣ эти мѣры народъ и въ чемъ они состоятъ.

Какъ показываетъ самое слово «гнеть», разсматриваемый принципъ прибалтійской жизни предполагаетъ собой, во-первыхъ, подавленность человѣческаго духа, или невозможность выражаться наружу въ лучшихъ чувствованіяхъ и стремленіяхъ; во-вторыхъ, въ дальнѣйшемъ, онъ указываетъ на скудость высшихъ проявленій народнаго духа или совершенное отсутствіе ихъ; въ-третьихъ, на порчу добрыхъ нравовъ или всего того, что въ сложности называется нравственными правилами жизни. Все это мы находимъ, если обратимся къ народу, въ характерѣ и извѣстныхъ фактахъ, явленіяхъ и обычаяхъ, привычкахъ и склонностяхъ. Эстонецъ мраченъ и угрюмъ, словно его давить непосильная ноша, въ разговорѣ кратокъ и обрывистъ, какъ будто не желаетъ продолжать его. Этимъ объясняется, почему между духовенствомъ туземнаго происхожденія нѣтъ особенно сильныхъ ораторовъ. Рѣчи ихъ отличаются сухостью, рисующей дѣловитость и положительность человѣка, но въ то же время мало дѣйствуютъ на чувство. Далѣе, въ поступкахъ и рѣчи эстонца сквозитъ недовольство своимъ положеніемъ и сопряженное съ этимъ какое-то безпокойство. Наконецъ, характеръ эстонца изобличаетъ въ немъ нерѣшительность и вялость въ дѣйствіяхъ,

хотя, нужно сказать, нѣтъ въ немъ недостатка энергіи и силы воли. Это мы замѣчаемъ особенно на учащемся юношествѣ, которое далеко опережаетъ товарищей не эстонцевъ по своимъ успѣхамъ, но которое вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ себя провести другимъ.

Трудно бываетъ узнать человѣку постороннему о положеніи, чувствахъ и прочихъ внутреннихъ движеніяхъ души отъ самого народа. Онъ скрываетъ отъ него, не довѣряетъ и не поддается никакимъ резонамъ. Онъ открываетъ свою душу только тому, въ комъ онъ убѣдился многолѣтнимъ опытомъ, убѣдился, что онъ не другъ-товарищъ помѣщику, всегда имѣетъ въ виду его благо, борется за него, даже терпѣваетъ непріятности изъ-за него. Къ тому онъ благоволитъ, къ тому обращается за совѣтомъ, у того спрашиваетъ, нѣтъ ли новыхъ предпріятій въ правительственныхъ сферахъ въ его пользу. — Въ этомъ явленіи мы имѣемъ объясненіе тому, что предъ непосвященнымъ человѣкомъ эстонецъ обыкновенно является показной стороной своего существа, отчего многіе и считаютъ его достаточно обезпеченнымъ, даже богатымъ и не имѣющимъ никакихъ внутреннихъ движеній, жалобъ и недовольства, а другіе, не зная дѣйствительнаго состоянія его души, возводятъ скрытность его въ порокъ. Когда онъ предпринимаетъ что-либо, онъ дѣлаетъ это скрытно, съ боязнью, какъ бы не понравилось оно барину, выбираетъ самые потаенные углы общественныхъ мѣстъ. и при возникновеніи дѣла старается стушевываться. Такъ происходили всѣ движенія религіозныя и аграрныя. Только въ послѣднее время замѣчается обратное явленіе. Напримѣръ, старшины волостныя дѣйствуютъ въ общественныхъ вопросахъ уже совершенно гласно и всенародно. Въ этомъ обстоятельстве нельзя не видѣть одного изъ благотѣльных послѣдствій великихъ преобразованій, совершенныхъ правительствомъ для благополучія Прибалтійскаго края. Подавленность народнаго

духа мы усматриваемъ, дальше, въ сознаніи своего ничтожества и самоуничиженіи. Предъ господиномъ своимъ эстонецъ гнетъ свою спину, стоитъ на морозѣ часами безъ шапки, опускается, чтобы погладить въ знакъ благодарности колѣна барона и т. п. О себѣ онъ отзывается какъ о послѣднемъ человѣкѣ, который ни въ чемъ не имѣетъ подобія баронскаго. Отсюда стремленіе подняться къ тому недосягаемому идеалу, который представляетъ баринъ. Поэтому и разговаривать съ бариномъ, еще больше, быть у барина въ услуженіи составляетъ для простолюдина-эстонца замѣчательное преимущество предъ другими...

Скудость дѣятельности народнаго духа мы видимъ, прежде всего, въ тѣхъ слабыхъ и безжизненныхъ обществахъ, какія существуютъ у него. Это по большей части жалкіе остовы отъ недавнихъ грандіозныхъ созданій, воздвигнутыхъ въ пылу пробужденія, изъ коихъ многія совершенно уже исчезли. Они уже не представляютъ въ себѣ прежняго интереса, и дѣятельность ихъ ограничивается разрѣшеніемъ давно уже извѣстныхъ вопросовъ. Разсматривая современную литературу народную — это высшее творчество духа, мы находимъ тамъ ту же блѣдность; сравнивая ее съ древнимъ творчествомъ, едва ли можемъ найти какое-нибудь тожество. За исключеніемъ немногихъ беллетристическихъ изданій и двухъ-трехъ научныхъ, большинство представляетъ переложенія и переводы съ нѣмецкихъ, въ послѣднее время и русскихъ изданій.

Донскиваясь, затѣмъ, того, какіе же общіе цѣли и интересы движутъ народовъ, мы приходимъ къ тѣмъ единственно, которые существуютъ во всемъ животномъ мірѣ: — именно къ интересамъ самосохраненія, къ заботамъ о пропитаніи, да и эти не преслѣдуются общими силами, а каждая особь какъ индивидуальная, такъ и общественная (напр. семейство) преслѣдуетъ ихъ порознь. Другихъ цѣлей и интересовъ, можно смѣло сказать, не существуетъ. Отсюда слѣдуетъ, иотомъ, что нѣтъ въ народѣ чувства общности, особеннаго

національнаго самосознанія и гордости, недостаетъ едино-
мыслія и общности стремленій. Такъ какъ постоянное за-
гражденіе вѣрнаго пути и намѣренное уклоненіе въ сторону,
преслѣдуемое принципомъ соціальнаго гнета, должно съ теченіемъ
времени сдѣлаться дѣйствительнымъ или законнымъ положеніемъ
и въ глазахъ и въ сознаниіи самого народа, то вмѣсто добраго мы
находимъ въ немъ много дурнаго. Это заключеніе справедливо и
съ той точки зрѣнія, что человѣкъ обладаетъ энергіею, но не умѣ-
етъ или не можетъ употреблять ее, какъ слѣдуетъ: вотъ и расхо-
дуетъ беззаконно-безнравственно. Общими пороками явля-
ются распутство, пьянство, праздность и многообразныя зло-
дѣйства, которыя всѣ происхожденія позднѣйшаго времени
и съ которыми предки нынѣшнихъ эстонцевъ не имѣли ничего
общаго. Мы уже знаемъ, что древніе эстонцы были люди
общительные, на празднествахъ своихъ любили веселиться
и вообще предаваться общественнымъ удовольствіямъ. Во
время крѣпостничества позднѣйшія поколѣнія не имѣли уже
времени заниматься общественными дѣлами, да и самое право
заниматься ими было отнято отъ нихъ. Между тѣмъ все-
таки чувствовалась еще потребность къ общенію. Какъ быть?
Оставалось удовлетворять ее крадучи, по ночамъ. Но въ буд-
ничныя ночи некогда да и не безопасно было перебѣжать къ
сосѣду и раздѣлить съ нимъ горе, потому субботнія ночи,
когда представлялся нѣкоторый относительный покой ради
наступающаго воскреснаго дня, стали употребляться на об-
щественныя сходки и собранія. Пожилые люди проводили
ихъ въ разговорахъ о горестной жизни, молодежь, по преж-
нему, заводила игры и веселье, хотя далеко не такое удалое,
какъ въ былое время. Тутъ же происходили свиданія влю-
бленныхъ и нѣжныя рѣчи друзей. Съ теченіемъ времени
характеръ этихъ собраній сталъ понемногу измѣняться, такъ
же, какъ характеръ самого народа. Старики, чуждаясь всего,
уже не появлялись на нихъ, молодежь позабыла о прежнихъ

забавахъ и оставалась только при одномъ чувствѣ любви, которое также постепенно теряло свою первоначальную чистоту, обращаясь въ похоть. Въ настоящее время уже мы находимъ въ ночныхъ гуляньяхъ молодежи одно повальное зло, распутство, развратъ, растлѣніе невинности, потерю стыда и чести. Можно смѣло сказать, что 99⁰/₁₀₀ незаконныхъ дѣторожденій падаютъ на субботнія и праздничныя ночи, въ которыя юноши посѣщаютъ дѣвушекъ на сѣновалахъ и въ «коморкахъ», иногда подъ глазами родителей послѣднихъ. — Вотъ къ чему привелъ принципъ соціальнаго гнета, проводимый и теперь такъ же настойчиво. Напрасно было бы думать, что это зло можно уничтожить, по крайней мѣрѣ такъ скоро. Ни проповѣди съ церковныхъ кафедръ, ни увѣщанія частнымъ образомъ, ни полицейскія мѣры не представляются достаточными въ борьбѣ съ нимъ. Матери заявляютъ, что онѣ сами нашли чрезъ ночные приемы мужей, отцы, — что они сами «похаживали» въ молодости... Отсюда одинъ шагъ къ нарушенію супружеской вѣрности. И онъ сдѣланъ. Теперь уже не новость находить въ крестьянствѣ примѣры сожительства мужей съ порочными дѣвками и чужими женами и рожденныхъ отъ такого сожительства дѣтей. — Замѣтимъ кстати, что все это зло въ прежнія времена называлось „tuli — töö“, дѣломъ достойнымъ огня. Въ старину совершавшихъ его сжигали и пепелъ отъ нихъ рассыпали по дорогѣ, а позднѣе даже мѣсто преступленія забрасывалось камнями и представлялось страшнымъ, обиталищемъ нечистаго.

Въ былыя времена „wiin“, вина или водки не было. Эстонцы знали только свое „ölu“, пиво и „mõdu“, медъ. Это ясно уже изъ однихъ названій: для послѣднихъ двухъ напитковъ у него есть свои собственныя названія, для водки же нѣтъ: оно заимствовало отъ нѣмцевъ. Свои напитки онъ употреблялъ въ торжественныхъ случаяхъ, на свадьбахъ, праздникахъ и т. п., въ другое время онъ не питалъ къ нимъ

расположенія, ибо дѣла было довольно, дѣла серьезнаго, какъ защита родины, нападенія на сосѣдей и домашнія занятія. Тогда не требовалось ни искусственнаго возбужденія энергіи, ни запиванія горя. Но не то стало по истеченіи столѣтій. Общихъ интересовъ уже не было, а домашняя жизнь представляла однѣ нужды и горести. Куда идти, гдѣ отвести душу? Въ корчмѣ, въ коихъ недостатка не было! Отыскался тутъ товарищъ, нашелся гдѣ-нибудь въ складкѣ (*korru wähel*) мѣдный грошъ, каковъ и ставился ребромъ за водку. Не много нужно было, чтобы начать употреблять послѣднюю чаще, ввести ее при всѣхъ возможныхъ случаяхъ и, наконецъ, безъ всякихъ случаевъ. Теперь пьетъ ее и старъ и младъ, и мужикъ и баба, по большей части потому, что пить ее хочется. Въ эту бездну толкнули народъ все-сильные принципы прибалтійской жизни. — Нынѣшній эстонецъ, вялый и неподвижный, не знаетъ, на что расходовать время, которое остается послѣ хлопотъ по дому, особенно въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Большая часть его проходитъ въ праздности, въ ничегонеделаніи. Но кто не знаетъ, какъ это губительно отзывается на человѣкѣ и на цѣломъ обществѣ? Такое положеніе развиваетъ страсти и подвигаетъ человека на худое. Множество злодѣйствъ едва ли не имѣютъ своимъ источникомъ праздность. «*Lähme lontima*» (пойдемъ шататься) и «*lähme kõrtsi juure*» (пойдемъ въ корчму) — выраженія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего хорошаго. Въ прежнія времена эстонецъ не зналъ, что такое запоръ или замокъ, коими теперь заключаютъ двери всѣхъ помѣщеній — и то во многихъ случаяхъ безуспѣшно. Тогда никто не имѣлъ понятія о воровствѣ такъ же, какъ и теперь еще на многихъ островахъ. Съ теченіемъ времени нравы расшатались и съ этимъ порокомъ знакомы теперь уже и дѣти. Въ чемъ искать причину этого зла? Между прочимъ въ принципѣ соціальнаго гнета, подъ дѣйствіемъ котораго

народъ прошелъ послѣдовательно все ступени деморализаціи духовныхъ силъ своихъ,

На ряду съ описанными принципами экономического и социальнаго гнета въ прибалтійской жизни выступаетъ, дальше, принципъ права. Онъ состоитъ въ преслѣдованіи личныхъ цѣлей на основаніи данныхъ законовъ. Его начало, въ историческомъ отношеніи, восходитъ также до первыхъ временъ появленія нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Покореніе туземцевъ и порабощеніе ихъ, можно сказать, было первымъ правомъ нѣмца, правомъ покорителя надъ покореннымъ. Съ тѣхъ поръ принципъ этотъ постепенно возросталъ въ своей интенсивности и достигъ высшей силы въ послѣднее время, когда казалось, что мощи нѣмецкой не превзойдетъ никакая иная сила. Да и теперь, если и ослаблена сила его во многихъ отношеніяхъ, онъ продолжаетъ существовать въ другихъ отношеніяхъ съ прежнею напряженностью. Намъ извѣстны тѣ глубоко возмутительныя инсинуаціи, которыя раздаются въ заграничной печати на счетъ нашего гуманнаго правительства по поводу вводимыхъ реформъ. Намъ передавали, что одинъ пасторъ въ Эстляндіи вышелъ въ отставку только потому, что не хотѣлъ служить при нынѣшнемъ безправіи (Unrecht) и не могъ оставаться дольше въ приходѣ до появленія послѣдняго позора, заключающагося въ уравниніи получаемого пасторами жалованья съ жалованьемъ православныхъ священниковъ. «Не было бы всего этого, онъ былъ бы и впредь нашимъ добрымъ пасторомъ» — говорили намъ. Этотъ примѣръ, какъ нельзя лучше, объясняетъ намъ силу принципа права, который является рычагомъ балтійской жизни. Но обратимся къ другимъ выраженіямъ его. Когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь чуждомъ факторѣ или просто явленіи жизни, несогласномъ съ духомъ нѣмецкимъ, тотчасъ заводится про-

тестъ, который облекается въ форму какой-либо статьи мѣстнаго закона или обычая. и это дѣлается съ цѣлью уничтожить силу этого фактора. Намъ памятна поднятая помѣщиками въ 1883 и 1884 гг. война противъ крестьянъ-арендаторовъ юго-западной Эстляндіи, пріютившихъ въ своихъ арендныхъ помѣщеніяхъ православныя сельскія народныя школы. Основаніемъ для своихъ исковъ противъ крестьянъ, они ставили ст. 93 крестьянскаго Положенія 1856 г., въ которой сказано: «передача арендныхъ участковъ въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ ихъ, равномѣрно и распоряженія арендою стороннимъ лицамъ допускается не иначе, какъ съ особаго на то согласія помѣщика», и требовали при этомъ уничтоженія арендныхъ договоровъ. Приходскіе и уѣздные суды и оберъ-ландгерихтъ, признавая иски помѣщиковъ на ономъ основанными, уничтожали арендные договоры крестьянъ и приговаривали ихъ къ выселенію изъ усадебъ. Только Сенатъ усмотрѣлъ въ этомъ рѣшеніи по дѣлу Яна Метсиса «несогласіе съ точнымъ смысломъ статей 93 и 110 эстл. кр. Положенія» и отмѣнилъ приговоръ послѣдней инстанціи — т. е. оберъ-ландгерихта. Понятно, что помѣщики въ данномъ случаѣ преслѣдовали не столько интересы закона, сколько имѣли въ виду свой принципъ права. Имъ казался возмутительнымъ поступокъ крестьянъ потому, что они прежде, чѣмъ принять къ себѣ православную школу, не пришли на мызу къ барону, не изложили своей просьбы и не выслушали по этому поводу его правоченій. Въ 1884 г. въ той же юго-западной Эстляндіи крестьянинъ К. откупилъ свой участокъ отъ помѣщика ф. Р. и прежде, чѣмъ получилъ въ руки купчій контрактъ, сталъ возить для постройки православной школы матеріаль. Помѣщику Р. показалось это нарушеніемъ его правъ, и онъ сталъ хлопотать, чтобы крестьянину воспрещено было возить матеріаль. Гакенрихтеръ Г., другъ и товарищъ его, не только привелъ въ исполненіе желаніе ф. Р., но и самого крестья-

нина К. посадилъ подъ арестъ. Когда губернское начальство, извѣщенное объ этомъ поступкѣ гакенрихтера, затребовало объясненіе, то онъ далъ его въ томъ смыслѣ, что К., не обладая купчимъ договоромъ, считается арендаторомъ, а арендаторъ. въ силу 75 ст. кр. Положенія, не можетъ ничего предпринять на своемъ участкѣ безъ разрѣшенія помѣщика.

На основаніи многократныхъ разъясненій правительства и по прямому смыслу примѣчанія къ 608 ст. т. XI ч. 1 Устава иностр. испов. православные крестьяне освобождаются отъ платежа повинностей въ пользу лютеранской церкви и ея духовенства, между тѣмъ они до сихъ поръ отбываютъ эти повинности, только не въ прежнемъ порядкѣ, а въ общей суммѣ арендныхъ денегъ, ибо, по понятію помѣщиковъ, лютеранская церковь есть господствующая въ краѣ (Landeskirche), а потому всякій обязанъ способствовать ея существованію. Повинности въ пользу ея суть реальныя или вещественныя (Reallast) повинности, вещественныя же повинности лежатъ, по 269 ст. кр. Положенія, на землѣ. Въ этомъ же смыслѣ толкуется поставка почтоваго фуража и многія другія повинности; толкованія и разъясненія соответствующихъ статей, слѣдующія со стороны правительственной власти, разсматриваются какъ нарушеніе права дворянскаго сословія. Передача обществами лютеранскихъ школьныхъ домовъ въ православное духовное вѣдомство составляетъ, по мнѣнію нѣмцевъ, послѣдній шагъ на пути попиранія правъ лютеранской церкви, ибо и помѣщики участвуютъ. въ силу ст. 5 Высочайше утвержденнаго 25-го апрѣля 1875 г. Положенія комитета остзейскихъ дѣлъ о сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ школахъ, въ постройки этихъ домовъ, *) слѣдовательно имѣютъ и право голоса на совѣща-

*) Въ ст. этой между прочимъ сказано:... Мѣсто подъ постройку школьнаго зданія отводится *безвозмездно* землевладѣльцемъ... Лѣсной матеріалъ для первоначальной постройки школьнаго зданія отпускается *безвозмездно* владѣльцемъ.

тельныхъ собраніяхъ волостного схода. Еще до 1868 г., когда отмѣнены барщинныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, существовалъ обычай, имѣвшій основаніе въ барщинѣ, по которому общество крестьянъ обязывалось для постройки жилыхъ домовъ своихъ представлять соломѣ и исполнять работы по постройкѣ. За отмѣной барщины долженъ былъ прекратиться и этотъ обычай, но господа помѣщики дали ему силу закона и держатся за него, какъ за свое право обязывать крестьянъ и теперь еще строить дома на помѣщичьей землѣ. Отказъ крестьянъ принимается за вѣрный признакъ возмущенія и вызываетъ судебные процессы. Случается, что крестьянинъ дѣйствительно какъ-нибудь нарушилъ право помѣщика, напр., нарубилъ въ его лѣсу хворосту или нѣсколько небольшихъ деревьевъ себѣ на топливо, или на нужный въ хозяйственномъ быту предметъ, тотчасъ по развѣдкѣ начинается процессъ, при которомъ помѣщикъ не столько требуетъ вознагражденія для себя, сколько возстановленія нарушеннаго принципа права. «Пусть предметъ не стоитъ даже гроша, говорятъ помѣщики, но нужно, чтобы каждый зналъ, что право за нами». При постройкѣ одной новой православной церкви въ Эстляндіи каменотесу нуженъ былъ гранитный камень для устройства церковнаго крыльца. Такъ какъ камня этого въ окрестностяхъ больше чѣмъ достаточно и его все равно никто не употребляетъ, то каменотесъ, облюбовавъ одинъ изъ нихъ на пастбищѣ, принадлежащемъ помѣщику ф. Р., раскололъ его на длинныя плиты и сталъ уже обчищать и обтесывать ихъ, какъ вдругъ въ самый разгаръ работы пріѣзжаетъ помѣщикъ и съ руганью отгоняетъ рабочихъ отъ камня; за этимъ полетѣли жалобы въ полицію на нарушеніе каменотесомъ права собственности. Къ счастью, полиція устранила отъ себя рѣшеніе по этому дѣлу, и ф. Р. растерялся, не зная, что дѣлать и куда жаловаться, ибо къ этому времени старые «герихты» новыхъ процессовъ не при-

нимали, предоставивъ ихъ новымъ судамъ. Основаніемъ такого дикаго поступка ф. Р. служила ст. 95 кр. Положенія, по смыслу которой все матеріалы, находимые на арендномъ участкѣ, кромѣ произведеній полеводства или промысла, составляютъ собственность помѣщика. Въ разговорѣ съ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ онъ называлъ его принципиальнымъ.

Если съ такой силой выступалъ принципъ права у помѣщиковъ въ обыденныхъ вопросахъ жизни, то еще съ большей онъ выступалъ въ судебныхъ процессахъ въ ихъ же судахъ. Какое бы дѣло ни возникало между помѣщикомъ и крестьяниномъ, даже самое несправедливое со стороны первого, онъ оставался всегда правымъ, и крестьянинъ подвергался соотвѣтствующему наказанію. Какую бы жалобу ни приносилъ крестьянинъ на помѣщика, онъ всегда проигрывалъ ее. Для обоснованія сказаннаго я представлю нѣсколько примѣровъ изъ круга практики бывшихъ приходскихъ судовъ. Стадо одного крестьянина-собственника ходило на общее деревенское пастбище, съ которымъ граничило и его собственное, на которое ходило и стадо всей деревни. Крестьяне-арендаторы и этотъ собственникъ согласились такъ между собой и никто не думалъ жаловаться другъ на друга. Но не понравилось это помѣщику, который принесъ на собственника жалобу за то, что скотъ его топчетъ землю, принадлежащую ему. Приходскій судъ уважилъ жалобу и приговорилъ взыскать съ крестьянина 20 руб. штрафа въ пользу помѣщика, выставивъ основаніемъ ст. 1122 и 1124 эст. крест. Пол. Крестьянинъ подавалъ апелляцію въ уѣздный судъ, но тамъ ея не приняли. Такъ и пришлось уплатить 20 рублей. Другой крестьянинъ купилъ землю по условіямъ, въ границахъ, отмѣченныхъ землемѣромъ въ натурѣ. Барону показалось, что онъ взялъ съ него мало денегъ; вотъ посылаетъ онъ новаго землемѣра, который отрѣзываетъ 400 кв. сажень луч-

шей пахоты. не предоставляя въ другомъ мѣстѣ ничего въ замѣнъ. Крестьянинъ подаетъ жалобу. Приходскій судъ оправдываетъ барона и велитъ крестьянину предъявить искъ противъ землемѣра. Гдѣ найти землемѣра, гдѣ на него жаловаться и какъ это сдѣлать? — разсуждалъ крестьянинъ. Такъ и лишился 400 саж. купленной пахоты.

Третій крестьянинъ купилъ участокъ въ границахъ, въ коихъ онъ его дотолѣ арендовалъ. Границы эти доходили до моря, и крестьянинъ полагалъ, что онъ имѣетъ за собой право рыбной ловли. Каково же было его удивленіе, когда онъ получилъ отъ помѣщика планъ купленного участка, на которомъ полоса, прилегающая къ морю, оказалась отрѣзанной и отмѣченной буквами: «ist nicht verkauft», т. е. не продана. Смотритъ въ купчій контрактъ, и тамъ показано количество купленной земли меньше противъ условій. Что дѣлать? Идетъ въ приходскій судъ, документами тамъ принимаютъ планъ и купчій. Проигралъ, идетъ дальше — всюду то же самое. Такъ и потерялъ право рыбной ловли, изъ-за котораго только и купилъ землю.

Четвертый крестьянинъ - арендаторъ осмѣлился въ пылу горячности перечить барону. Наступаетъ Яковъ день. Баронъ отказываетъ крестьянину въ арендованіи участка, выставляя основаніемъ свое нерасположеніе къ нему. Идетъ крестьянинъ въ приходскій судъ. Помѣщикъ признается правымъ. Идетъ крестьянинъ дальше по «герихтамъ». Всюду одинъ и тотъ же результатъ.

Пятый крестьянинъ не въ состояніи былъ уплатить арендныхъ денегъ въ срокъ. Помѣщикъ жалуется въ приходскій судъ. Этотъ приговариваетъ крестьянина къ уплатѣ чрезъ двѣ недѣли, иначе будетъ произведенъ аукціонъ.

Шестой крестьянинъ продалъ возъ сѣна безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ помѣщику. Послѣдній жалу-

ется въ судъ. Судъ приговариваетъ его къ выселенію изъ усадьбы.

Седьмой крестьянинъ нарубилъ хворосту въ лѣсу. Опять та же процедура и приговореніе къ штрафу и т. д.

Такихъ примѣровъ мы могли бы представить множество, но и эти уже достаточно выясняютъ принципъ права, преслѣдуемый прибалтійскими помѣщиками съ присущею имъ энергіею. Для полноты картины обратимъ вниманіе свое на купчіе контракты, заключаемые между крестьянами и помѣщиками. Вообще говоря, въ нихъ отняты отъ крестьянъ всѣ права; даже самое основное право на владѣніе землею, какъ собственностью, обставлено условіями чрезвычайно опасными для крестьянина. Во-первыхъ, крестьянинъ не имѣетъ права охоты (по ст. 203 кр. Пол. однако оно ему предоставлено), во-вторыхъ, права строить мельницу, въ третьихъ, рыбной ловли, въ четвертыхъ, права строить заводъ — какъ винокуренный такъ и пивоварный, въ пятыхъ, наконецъ, каждый собственникъ долженъ всѣмъ своимъ имуществомъ отвѣчать за ссуду, сдѣланную помѣщикомъ въ дворянскомъ кредитномъ обществѣ, до тѣхъ поръ, пока эта ссуда не уплачена, иначе говоря, если состоянія помѣщика недостаточно будетъ на погашеніе ссуды, то и крестьянинъ долженъ отвѣчать. Кажется, тяжелѣе условія уже быть не можетъ.

Изъ всего сказаннаго нельзя не видѣть, что принципъ права имѣетъ своею конечною цѣлью лишеніе крестьянства всякихъ правъ. И кто не знаетъ, что прибалтійскій крестьянинъ былъ до сихъ поръ безъ правъ, предоставленныхъ ему составленнымъ самими же баронами закономъ? Это безправіе доходило до своего апогея особенно въ послѣднее время, когда ожидалось преобразование судебной части въ краѣ. Въ мѣстной жизни наблюдалось какъ бы нѣкоторое стремленіе воспользоваться для личныхъ цѣлей всѣми законными и незаконными мѣрами на счетъ другого. Извѣстныя личности въ

сознаніи своихъ якобы вѣковѣчныхъ правъ встрѣтили и новыя суды, и, къ сожалѣнію, выходили въ началѣ во многихъ случаяхъ отсюда побѣдителями... Только теперь, послѣ двухгодовой дѣятельности представителей судебного вѣдомства, чувствуется, что начинается проходить удушье атмосферы мѣстной общественной жизни и, дастъ Богъ, совсѣмъ пройдетъ.

Оставаясь при этомъ благомъ желаніи, мы тѣмъ не менѣе не можемъ оставить безъ вниманія другіе принципы, открывающіе намъ совсѣмъ инныя сферы, чѣмъ тѣ, которыя мы разсмотрѣли.

Изъ предыдущаго читатель могъ видѣть, что прибалтійскіе нѣмцы, созидая личное бытіе и для этого угнетая народъ, оставались вполне вѣрными своему основному началу, скрывающемуся въ самой натурѣ нѣмца, какъ таковаго — принципу индивидуализма. То же самое нужно сказать относительно послѣдующихъ принциповъ, носящихъ характеръ политическій. На нихъ первое мѣсто занимаетъ принципъ политической обособленности.

VI.

Для наличности политической жизни вообще необходимо имѣть самостоятельность фактическую и юридическую и извѣстную форму управленія этой жизнью. Имѣли ли эти условія прибалтійскіе нѣмцы? Имѣли! Какъ это ни странно въ виду существованія автономнаго великаго и могущественнаго государства Россійскаго, въ составъ котораго входитъ край уже съ давнихъ поръ, но противъ дѣйствительности этого спорить нельзя. Фактическая самостоятельность заключается во владѣніи землею въ краѣ. Какъ государство обладаетъ странами, которыя завоевало, проливая кровь, и есть хозяинъ ихъ въ полномъ смыслѣ слова, такъ нѣмцы владѣютъ прибалтійской окраиной и суть ея господа-распорядители; какъ государству никто не можетъ запретить поступить съ

подчиненной страной по своему благому усмотрѣнію, такъ никто и ничто не мѣшало нѣмцамъ устроить судьбу народовъ въ Прибалтійскомъ краѣ и поступать съ послѣднимъ, какъ имъ хотѣлось. Если и бывали ограниченія и упорядоченія владѣнія, то онѣ оставались таковыми только на бумагѣ, не будучи проведены въ жизнь, и послужили скорѣе къ большому разъединенію края отъ остального государственнаго организма, ибо они косвеннымъ образомъ указывали нѣмцамъ способы и средства отстоять право на владѣніе краемъ. Какъ на самомъ дѣлѣ происходило и происходитъ теперь еще пользованіе этимъ правомъ, мы достаточно видѣли изъ разбора принципа экономическаго гнета, а потому не станемъ повторять сказаннаго. — Юридическая самостоятельность Прибалтійскаго края вытекаетъ изъ разнообразныхъ привиллегій, утвержденныхъ русскимъ правительствомъ. Эти привиллегіи состоятъ, во-первыхъ, въ сохраненіи неприкосновеннымъ нѣмецкаго языка въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, во-вторыхъ, въ признаніи лютеранскаго вѣроисповѣданія, какъ мѣстной религіи, въ третьихъ, въ дозволеніи производить судъ и расправу на основаніи древнихъ обычаевъ и порядковъ, и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ признаніи за дворянскимъ сословіемъ нѣкоторыхъ особыхъ преимуществъ, чѣмъ какія имѣютъ дворяне внутреннихъ губерній. Какъ видно изъ этого перечисленія, на лицо находятся всѣ данныя для признанія автономности прибалтійскихъ губерній. Оставался только одинъ шагъ для того, чтобы осуществить этотъ взглядъ. Нѣмецъ смѣлъ и дерзокъ, онъ совершилъ его, устранивъ всякую мысль о зависимости отъ русскаго государства и назвавъ форму правленія въ краѣ *конституціею*. Для обоснованія подобнаго взгляда онъ на первыхъ же порахъ завоеванія края Петромъ Великимъ сталъ смотрѣть на наше правительство какъ на договаривавшуюся сторону, вошедшую съ нимъ въ извѣстную сдѣлку, условіемъ которой, съ одной

стороны, была признана будто бы сдача городовъ и вообще страны русскимъ войскамъ, а съ другой, вознагражденіе за это указанными привиллегіями. Для уничтоженія силы и значенія многозначительныхъ словъ Петра, коими онъ закончилъ свою резолюцію о привиллегіяхъ балтійскаго дворянства, именно: «однакожь Наше и Нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда» — нѣмцы выдумали чуть ли не на первомъ же послѣ покоренія края ландтагъ въ Ригѣ, что слова эти составляютъ только нѣкоторую форму выраженія, приличную суверену, какимъ является русскій самодержецъ*). Отсюда — дальше — нѣмцы стали называть этого же Монарха въ лучшихъ случаяхъ «герцогомъ эстляндскимъ, лифляндскимъ и курляндскимъ», а при обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни «стражемъ границъ помѣщичьихъ земель». — Форма правленія въ такъ называемой балтійской конституціи представляла изъ себя подобіе западно-европейской. Постоянными правителями являлись въ каждой губерніи и на островѣ Эзелѣ совѣты изъ двѣнадцати ландратовъ, называвшіеся «ландратскими коллегіями». Они вѣдали законодательныя функціи. Ежегодно, затѣмъ, составлялись чрезвычайные ландтаги, на которыхъ обсуждались всѣ мѣры къ управленію разнообразными сторонами жизни. Исполнителями распоряженій ландтаговъ въ глуши деревень являлись всякіе конвенты на мѣстахъ, въ каждомъ приходѣ по одному, гагенрихтеры, ордунгсгерихты и «Gutsverwaltung'i» — мызныя управленія. Примножество этихъ нѣмецкихъ «герихтовъ» правительственные представители играли положительно пассивную роль, или, что еще хуже, служили имъ же въ помощь. Гордые въ сознаніи своей самостоятельности, нѣмцы знать не хотѣли, что они подданные русскаго государства. Только въ случаяхъ, нужныхъ для достиженія

*) См. «Балтійская конституція» М. Н. Харузина, изд. 1888 г., стр. 22.

какой-либо эгоистической цѣли, они пользовались своимъ прямымъ назначеніемъ и званіемъ, какъ извѣстнымъ средствомъ. Все чуждое, виѣшнее, не соотвѣтствовавшее перечисленнымъ выше привилегіямъ, если оно какимъ-нибудь способомъ проникало въ балтійскую конституцію, изгонялось и уничтожалось какъ зловредный элементъ, а все собственное, даже худое, оберегалось всѣми силами. На службу въ эту балтійскую конституцію принимались люди испытанные, балтійскаго же образа мыслей, съ балтійскими же принципами. Если же лицо, домогавшееся мѣста у бароновъ, не было имъ лично извѣстно, то о немъ наводились справки, и требовалось свидѣтельство о политической благонадежности, ибо, какъ выразился одинъ баронъ въ письмѣ къ нѣкому ветеринару, «въ нашей землѣ, къ сожалѣнію, ходятъ много такъ называемыхъ друзей народа подъ различными масками, такъ что при опредѣленіи на мѣсто ветеринарнаго врача нужно имѣть въ виду и *его политическое направленіе*.» Изъ этого видно, что балтійская конституція представляла строго замкнутое учрежденіе, куда не легко было проникнуть постороннему. Выражаясь образно, это было устройство, огражденное громадными многовѣковыми стѣнами, за которыя могли входить только одни нѣмцы. Если оттуда слышны были иногда надломленные голоса, то нерѣдко случалось, что ихъ своеобразно заставляли молчать, а неугодные просто-на-просто изгонялись. Что дѣлалось собственно за этими стѣнами, отчасти уже извѣстно читателю. Главнымъ факторомъ жизни здѣсь былъ произволъ, отъ котораго стонали эксплуатируемые....

Къ какимъ результатамъ привелъ Прибалтійскій край указанный принципъ жизни, т. е. принципъ политической неприкосновенности? Къ самымъ печальнымъ и гибельнымъ! Дѣйствуя цѣлый рядъ десятилѣтій, составляющихъ вотъ уже второе столѣтіе, онъ способствовалъ уничтоженію истиннаго политическаго сознанія въ народѣ, такъ что нерѣдко можно

находить такихъ, которые не знаютъ, что такое русское государство и кто имъ править. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо народу постоянно твердили, что владыками края являются одни помѣщики. Потомъ принципъ этотъ создалъ превратныя политическія понятія. Недавно мы были свидѣтелями слѣдующаго случая: крестьянинъ-собственникъ, защищая право лютеранской части населенія на школьный домъ, уступленный православнымъ, возвелъ глаза свои къ небу и сказалъ: «Старый Вильгельмъ германскій и русскій Императоръ Александръ II устроили нашу жизнь такъ, что каждый можетъ пользоваться своимъ правомъ и что оба вѣроисповѣданія имѣютъ одинаковое право на существованіе». Равнымъ образомъ намъ пришлось быть въ одной лавкѣ, завѣдываемой пожилой дѣвицей, ведущей происхожденіе свое отъ прусскаго молочника. Тамъ видѣли мы на столахъ бюсты Бисмарка и Мольтке, на пепельницахъ изображеніе того же Бисмарка съ надписью на нѣмецкомъ языкѣ: «Гдѣ Бисмаркъ?» Лица же русскаго Государя и Государыни Императрицы были изображены на чайныхъ чашкахъ, спрятанныхъ подъ столомъ. Кажется, эти примѣры достаточно выясняютъ политическія воззрѣнія многихъ жителей Прибалтійскаго края и намъ не остается прибавить къ нимъ что-либо. — Наконецъ, принципъ этотъ породилъ собой, такъ сказать, политическій индифферентизмъ, по которому многимъ изъ народа все равно, чьими подданными состоятъ, лишь бы имѣть кусокъ хлѣба и пріютъ. Хотятъ помѣщики подтянуть подъ германскаго императора, пусть тянутъ, хотятъ признавать надъ собой власть русскаго Монарха, пусть признаютъ. Они же знаютъ только своего барона, который для нихъ и царь, и владыка, и чуть ли не самый Богъ. Если отъ него нѣтъ никакой милости, то итъ ея ни отъ земного, ни отъ небеснаго Царя.

Всѣ эти явленія замѣчаются въ тѣхъ глухихъ углахъ, куда еще не проникло православіе, неразрывно связанное съ

идеей самодержавной власти русскаго государства. А потому пусть читатель не сочтетъ за излишнее, если скажемъ, что главнѣйшимъ факторомъ для приведенія народа въ политическое сознаніе должно быть православіе.

VII.

Изъ принципа политической обособленности вытекаетъ принципъ преслѣдованія или достиженія однородности политическихъ элементовъ. Онъ состоитъ въ томъ, что народныя массы ассимилируются съ господствующимъ классомъ — нѣмцами. Основаніе его заключается въ томъ мудромъ опытѣ, что государство не прочно до тѣхъ поръ, пока въ немъ находятся разнообразные элементы, и что оно становится сильнымъ лишь отъ единства и однородности народовъ. — Правда, первоначально нѣмецъ смотрѣлъ на туземцевъ края исключительно съ утилитарной точки зрѣнія, но когда мѣропріятія правительства заставили искать опору въ народѣ, то послѣдній разсматривался не только какъ рабочая сила, созданная и способная служить утилитарнымъ цѣлямъ нѣмцевъ, но и какъ извѣстный политическій элементъ, нужный для достиженія политическихъ цѣлей. Въ прошедшей исторіи края нѣмцы находили этому взгляду неоспоримое и вѣское подкрѣпленіе. Извѣстно, что нѣмецъ каждый разъ, когда положеніе его становилось опаснымъ, прибѣгалъ такъ или иначе къ содѣйствію подчиненныхъ, и они помогали ему преодолевать опасности. Когда онъ выступалъ, напр., противъ эстовъ, то обыкновенно выдвигалъ въ первые ряды покоренныхъ ливовъ и латышей, то же, когда онъ шелъ покорять гарріенцевъ, высылалъ на нихъ прежде всего виікцевъ и т. д. Такъ же нужно было поступить по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, когда требовалась защита противъ притязаній русскаго правительства: не огнемъ, конечно, и мечомъ, по громкими жалобами на притѣсненія или нововведенія,

исходящими изъ устъ самого народа. Но для того, чтобы эти жалобы отзывались искренностью, нужна была нѣкоторая ассимиляція, т. е. уподобленіе духовнаго міра туземцевъ духовному міру нѣмцевъ. Отсюда начались великіе процессы одинъ — разрушенія — денаціонализаціи и другой возсозданія — германизаціи. Такъ какъ языкъ туземцевъ составлялъ главную силу ихъ, которая, развиваясь, требовала за собой признанія правъ гражданства, то на него обратили нѣмцы главное свое вниманіе. Нужно было, прежде всего, всюду, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ жизни, обнаруживать презрѣніе къ нему, а, затѣмъ, помѣшать его дальнѣйшему усовершенствованію. Первой цѣли достигали нѣмцы, когда употребляли его въ разговорахъ въ исковерканномъ видѣ, пересыпавъ его своими словами. До сихъ поръ нельзя найти нѣмца, который правильно изъяснялся бы на эстонскомъ или латышскомъ языкѣ, напротивъ, каждый ломаетъ тотъ и другой по своему. Помѣщики, живущіе съ народомъ по пятидесяти и болѣе лѣтъ, считаютъ нужнымъ непременно употреблять свои обороты рѣчи, склоненія и спряженія. Недавно еще нельзя было найти ни одного пастора съ знаніемъ правильнаго туземнаго языка, напротивъ, каждый выходилъ на кафедру церковную со своимъ собственнымъ издѣлемъ. Много ходятъ по этому поводу въ народѣ анекдотовъ, какъ изъ жизни помѣщиковъ, такъ и изъ проповѣднической практики пасторовъ, смѣшныхъ по выраженію и содержанію. Одно, что въ этомъ презрѣнномъ сумбурѣ выходило правильнымъ — это ругательныя слова, которыя, должно быть, выучивались какъ слѣдуетъ для того, чтобы выразить ими негодному туземцу всю энергію раздосадованнаго сердца до малѣйшихъ оттѣнковъ.

Какимъ употребляли мѣстный языкъ въ ежедневной разговорной рѣчи, такимъ изображали его и письменно. Для эстонскаго языка нѣмцы выдумали даже особую орфографію,

которая состоитъ въ сокращеніи гласныхъ и удвоеніи согласныхъ буквъ, такъ напр. *suu* (ротъ) нѣмцы стали изображать чрезъ одинъ звукъ *u* = *su*, напротивъ, *mīna* (я) чрезъ двойной *n* = *mīnna*. Подобнымъ языкомъ написаны и въ настоящее время еще всѣ вѣроучительныя книги, начиная съ Библии. Какъ труденъ этотъ языкъ общеупотребительныхъ книгъ, видно изъ того, что для правильнаго чтенія и пониманія ихъ требуется даже для природнаго образованнаго эстонца извѣстный навыкъ. Впрочемъ необходимо оговориться, что нѣмцы дальше перевода Библии и составленія нѣсколькихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія не пошли и своей грамматики языка дальше не довели, но то, до чего касалась ихъ просвѣщающая рука, составляло тѣмъ не менѣе главный источникъ первоначальнаго просвѣщенія и христіанской жизни, и этотъ источникъ былъ сдѣланъ средствомъ для достиженія низменныхъ политическихъ цѣлей!

Значеніе этого своеобразнаго языка выступало въ школьномъ обученіи. Дѣти должны были изучать его какъ языкъ народный и послѣ нѣсколькихъ зимъ ученія научались такъ писать на немъ и слова и свои имена. Теперь изъ грамотныхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ старой школы 70-хъ годовъ, никто не пишетъ своего имени вѣрно — такъ, какъ онъ его самъ произноситъ, но непременно по введенной нѣмцами орѳографіи, составляющей сплошную ошибку. Нужно ли говорить, что въ высшихъ школахъ не было и этого языка. Изъ нихъ онъ былъ изгнанъ совершенно, какъ нѣчто негодное и низкое, чему учиться не полагается. Неудивительно потому, что за все время *quasi*-просвѣтительной дѣятельности нѣмцевъ эстонскій языкъ нисколько не развивался, будучи поставленъ въ извѣстныя намъ условія. Начало его развитія совпадаетъ съ прекращеніемъ этихъ условій въ повременной литературѣ, произведеннымъ уже самими эстонцами. — Такимъ образомъ достигли нѣмцы и второй своей цѣли — не-

развитія языка. И намъ отсюда становится понятнымъ то утверждение изслѣдователей, по которому эстонскій языкъ отличается бѣдностью выраженій и недостаткомъ глубокихъ понятій.

Дальше, духъ народа обнаруживался въ извѣстныхъ обычаяхъ и нравахъ, отличныхъ отъ нѣмецкихъ. Нужно было и относительно ихъ достигнуть отрицательныхъ результатовъ. Наилучшими средствами для этого были презрѣніе къ нимъ и проповѣдь о гибельности ихъ. Потому мы и слышимъ постоянное хуленіе всего народнаго. Мы приведемъ одинъ примѣръ. Былъ у эстонцевъ прекрасный обычай — устраивать общественныя гулянья и проводить на нихъ время въ безвинныхъ играхъ и пѣсняхъ. Этого обычая уже не существуетъ теперь, даже нѣтъ подобія, — прибавимъ, что онъ сгинулъ не столько въ силу суровыхъ условій жизни, сколько отъ боязни подпасть подъ гнѣвъ мызнаго барина или кирочнаго господина (*Kirikhärä*), которые не любили этого обычая. Для наглядности можно указать даже на самый процессъ его исчезновенія. Долго эстонецъ не разставался со своею пѣснью, находя въ ней и отраду и утѣшеніе для своей наболѣвшей души. Когда онъ уже не могъ пѣть свои заунывные мотивы открыто, то пѣлъ ихъ втихомолку, въ уединенномъ мѣстѣ, напр., въ поѣздку въ лѣсъ за дровами, при одиночной работѣ и т. п. Отсюда составила цѣлая серія такъ называемыхъ «*Regi-wärsid*», т. е. пѣсенъ, распѣвавшихся на дровняхъ, каковыя пѣсни большею частью уже собраны и отпечатаны. Онѣ относятся къ 18-му вѣку и къ началу 19-го. Содержаніемъ ихъ служить описаніе бѣдственной подневольной жизни, требованіе пасторами денегъ и всякихъ поборовъ и т. д. Последующія поколѣнія становились все угрюмѣе и молчаливѣе и въ производительной способности слабѣе. Забывались постепенно дѣдовскія «*rege-wärsid*», не чувствовалось и самой нужды въ нихъ, — народъ

отупѣлъ. Когда замолкъ онъ, одаренный отъ природы силой воображенія и поэзіи, нѣмцы могли восхвалить себя за достиженіе цѣли. Но этимъ не кончился процессъ разрушенія. Нужно было показать, что самъ эстонецъ или латышь, какъ таковой, ничего не стоитъ, нужно было воспитать въ нихъ ненависть и презрѣніе къ самимъ себѣ. Недовольствуясь тѣмъ, что народъ употреблялся вмѣсто рабочей скотины, нѣмецъ старался, кромѣ того, всячески внушить, что онъ стоитъ неизмѣримо ниже его, созданъ какъ разъ для того, чтобы служить ему по его желанію, что онъ представитель высшей культурной расы, а туземецъ обрубокъ какой-то негодный, не имѣющій ни происхожденія, ни высшихъ цѣлей жизни. Входилъ ли туземецъ на кухню барина, стоялъ ли безъ шапки на дворѣ его въ ожиданіи выхода, обращался ли къ приказчику или управляющему, шель ли въ воскресенье въ кирку, всюду онъ слышалъ: «*gumal, rapp-maamees, talupoeeg*» (глупый, скверный крестьянинъ). Грустно становилось туземцу отъ подобнаго обращенія и подобныхъ внушеній, и онъ покорился долѣ своей. Огрубѣлъ, зачерствѣлъ и позабылъ, что онъ составляетъ также народъ. И смотрѣлъ нѣмецъ на то, что онъ сотворилъ, и видѣлъ, что все хорошо. И былъ день, стала ночь. Казалось, что въ ночной мглѣ никто не обнаружить движенія, опаснаго нѣмцу, но вышло не то. Въ народной массѣ нашлись лица, которыя поняли положеніе вещей и которыя съ энергіею стали указывать ей, какъ она низко доведена. Всколыхнулось все народное тѣло, составились задачи жизни, рисовались идеалы, въ которые вѣра крѣпла и увеличивалась не годами, а мѣсяцами и днями. Всею виной было православіе со своимъ Божественнымъ свѣтомъ, которому въ этомъ случаѣ нужно приписать все великое просвѣтительное значеніе, какъ мы показали уже въ началѣ этой статьи. Борясь, какъ мы видѣли, противъ православія своимъ порядкомъ, нѣмцы не могли въ то же время

не открыть войны противъ друзей и доброжелателей народа и ихъ новыхъ идеаловъ и задачъ жизни. Первыхъ называли хриstopродавцами, возмутителями, разрушителями основъ жизни и существующаго порядка — нигилистами. Ихъ преслѣдовали всякими способами, отказывали отъ мѣста, наказывали въ темномъ мѣстѣ, отлучали отъ общенія съ киркой, проклинали и т. д. Идеалы ихъ выставлялись зловредными, пагубными для души, имѣющими рѣшающее значеніе для ея послѣдующей судьбы. Такъ какъ въ началѣ 80-хъ годовъ проводникомъ ихъ служила въ эстонской части «Сакала», издававшаяся покойнымъ Якобсономъ, то противъ нея раздавалась проповѣдь всюду и въ киркахъ, и въ школьныхъ домахъ, и на мызахъ у управляющихъ, а доставленіе ея подписчикамъ затруднялось до того, что во многихъ мѣстахъ крестьяне за 30—40 верстъ отправлялись сами верхами за нею на почтовую станцію, — лишь бы получить ее. Мы знаемъ и такой фактъ, что въ одной большой почтовой конторѣ чиновники-нѣмцы отказывали принимать отъ подавателей деньги, адресованныя въ редакцію «Сакалы», подъ тѣмъ предлогомъ, что деньги должны быть адресованы непременно на имя лица, а не учрежденія. — Результатомъ всего этого было то, какъ мы раньше говорили уже, что народные представители раздѣлились на два лагеря. Большинство держалось за нѣмцевъ. Слѣдов., и тутъ была послѣдними достигнута цѣль.

Будучи виновникомъ борьбы, такъ сказать, въ высшихъ сферахъ народа, православіе продолжало свою плодотворную работу въ самой черни. Просвѣщая своимъ ученіемъ Христовымъ, оно не замедлило открыть пути къ познанію окружающаго посредствомъ народныхъ школъ, коихъ до того почти не было. Уже напередъ можно было сказать, что это обстоятельство возбудитъ соревнованіе представителей лютеранства и вообще нѣмцевъ — политиковъ. Такъ оно и вы-

шло. Явилась конкуренція въ дѣлѣ народнаго образованія. Такъ какъ за лютеранствомъ оставалась все-таки сила матеріальная, то школы лютеранскія были сразу поставлены гораздо лучше, чѣмъ православныя. Но увы! въ то время, какъ послѣднія оставались неизменно на почвѣ ученія Христова и задачъ народнаго духа, первыя обратились въ политическое орудіе для оиѣмченія, стали разсадниками германизации. То было теперь орудіе могущественное для полнаго и всесторонняго проведенія принципа однородности политическихъ элементовъ. То было обширное поле, съ одной стороны, для постепеннаго уничтоженія всего народнаго и, съ другой, для виѣдренія всего нѣмецкаго. Тутъ уже систематически проводилось то, чего не могла провести ежедневная жизнь со своими отношеніями. Туземный языкъ, хотя и служилъ преподавательскимъ, но лишь на столько, чтобы изъяснить на немъ всѣ прелести господскаго языка — нѣмецкаго. Обычаи и нравы народа осуждались здѣсь и осмѣивались, имъ противопоставлялись нѣмецкіе. Самъ эстонецъ или латышъ, какъ таковой, не находилъ здѣсь себѣ пощады. Взоры дѣтей обращаемы были на господъ «saksad», какъ на людей идеальныхъ, одно духовное общеніе съ коими составляло счастье. Друзья народа и идеалы его порицались, въ особенности же порицалось православіе, которое иначе не считали нужнымъ называть, какъ русской вѣрой — «weneusk». Русскій народъ рисовался дикимъ, худымъ и бродячимъ. Все это воспринимали юныя души и выходили изъ школъ совершенно оторванными отъ родной почвы, но эта оторванность въ большинствѣ случаевъ уже не чувствовалась при извѣстныхъ условіяхъ экономическаго и соціальнаго быта. напротивъ, то положеніе, которое составлялось такимъ образомъ, представлялось нормальнымъ. Вступившихъ въ нѣмецкій лагерь любили помѣщики и пасторы, имъ они благодѣтельствовали, потворствовали и оказывали всякія преимуще-

ства. Казалось, духъ нѣмецкій совершенно свободно виталъ надъ безпорядочной страной. Если вспомнимъ еще, что всѣ волости и мѣстности были названы нѣмецкими именами, получившими оффиціальное значеніе, и что каждому почти семейству или роду были даны нѣмецкія фамилии, то получимъ картину полнаго онѣмеченія, которую нѣмцы такъ искусно старались нарисовать.

Теперь посмотримъ еще, какими собственно послѣдствіями сопровождались процессы разрушенія и германизации въ душѣ народа. — У кого нѣтъ понятія о себѣ, какъ составной части извѣстнаго народа, у того не можетъ быть національнаго самосознанія — этого важнѣйшаго фактора къ самостоятельному развитію. Таковъ именно эстонецъ, сдѣлавшійся жертвой политическаго гнета нѣмцевъ. Во все время нѣмцы пользовались плодами рукъ своихъ, — обезличившихся эстонцевъ напускали на народныхъ бойцовъ и вооружали противъ правительственныхъ мѣропріятій. Тамъ, напр., во многихъ мѣстахъ старшины волостей, подстрекаемые приходскими судьями, ходатайствовали, чтобы законъ 14-го сентября 1885 г., требовавшій отъ нихъ для переписки съ правительственными учрежденіями знанія государственнаго языка, не былъ такъ скоро примѣненъ къ нимъ. Ясно, что у этихъ лицъ не могло быть никакого развитія національнаго самосознанія. Они дались въ руки, какъ легкое орудіе. Далѣе, кто не наученъ любить свое родное, напротивъ, даже презираетъ его, тому любо чужое, ибо по общему міровому закону тяготѣнія, онъ долженъ быть привязанъ къ чему-нибудь.

Таковымъ воспитанъ эстонецъ во весь длинный періодъ нѣмецкаго путеводительства. У него нѣтъ своего, чему бы онъ могъ быть преданъ. Все родное отнято вѣками отъ него, а на мѣсто его поставлено чужое-нѣмецкое, и громадная часть имѣетъ какое-то обаяніе къ этому чужому. Научиться нѣмецкой рѣчи, мыслить по-нѣмецки, жить одной жизнью съ

нѣмцами — составляетъ высшія цѣли многихъ сотенъ людей. Чуть кто изъ крестьянъ сдѣлался независимѣе, чуть собралъ лишнюю копейку, сейчасъ и обмундировку свою выкраиваетъ на нѣмецкій ладъ, дѣтей посылаетъ въ нѣмецкія училища, дочерей производить въ швей, одѣвающихся въ нѣмецкое платье со шляпкой, зонтикомъ и перчатками, говорящихъ по-нѣмецки и требующихъ, чтобы ихъ сосѣди называли «фрейлейнъ». Зачастую рѣчь нѣмецкая является въ устахъ этихъ особъ весьма своеобразной, но въ этомъ нѣтъ никакой бѣды, лишь бы звуки были нѣсколько правильны. Хорошо охарактеризовалъ ихъ народъ, давъ имъ названіе «можжевеликовыхъ господъ», т. е. бесплодныхъ и грубыхъ твореній, способныхъ при соприкосновеніи уколоть. — Эстонецъ называетъ нѣмца «saks», что обозначаетъ собою собственно саксонца. Первоначально это имя вызывало въ душѣ эстонца массу непріязненныхъ чувствъ, и онъ не замедлилъ составить поговорку, краткую, но весьма мѣткую: «saks — maks, deutsch — peitsch» — т. е. нѣмецъ поборъ, нѣмецъ — плеть. Но съ теченіемъ времени слово «saks» стало выражать челоуѣка образованнаго, благовоспитаннаго или, вообще, такого, кого можно назвать господиномъ. Стать «саксомъ» составляло идеаль чуть ли не каждаго эстонца, употреблявшаго всевозможныя усилія къ тому, чтобы именоваться имъ. Опѣмечившіеся эстонцы и латыши суть креатуры политической системы нѣмцевъ. Эти отщепенцы составляли во все время самыхъ ярыхъ враговъ простолюдина, и при помощи ихъ нѣмцы прогрессировали въ своихъ затѣяхъ и поползновеніяхъ. Возвысившись надъ толпой, они еще больше самихъ нѣмцевъ угнетали и забивали, забывъ, что та же мать вскормила если не ихъ, то ихъ отцовъ и дѣдовъ, которая и теперь — обездоленная — кормить и воспитываетъ крестьянъ—дѣтей туземцевъ.

Обращаясь, затѣмъ, къ передовымъ народникамъ, къ

издателямъ газетъ, спросимъ, что у нихъ есть собственно народнаго? Въ семействѣ у нихъ нѣмецкій языкъ, обстановка нѣмецкая, привычки тѣхъ же нѣмцевъ; сошедшись между собою они ведутъ разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ и т. д. Слѣдов., народнаго у нихъ только то, что они пишутъ на народномъ языкѣ. Ихъ дѣти будутъ еще дальше отъ народа, чѣмъ они сами были, а третье поколѣніе будетъ, можетъ быть, отказываться, что они происходятъ отъ несчастныхъ туземцевъ. Счастье, если они будутъ считать себя русскими, а можетъ статься, что все тѣми же нѣмцами. Впрочемъ, это необходимо сказать и относительно прочихъ дѣятелей народныхъ.

Наконецъ, говоря о послѣдствіяхъ балтійской политики. мы не можемъ умолчать, что она, сама по себѣ скверная и коварная, имѣла и ту хорошую сторону, что указала съ полною ясностью, куда народъ долженъ стремиться, какую политику ему преслѣдовать, если можно такъ выразиться. Теперь уже никто изъ нѣмцевъ не можетъ надѣяться, чтобы былъ поворотъ назадъ, хотя они и стараются играть на иныхъ струнахъ, чѣмъ раньше. Стремленія народа въ настоящее время къ Россіи, Государями коей онъ облагодѣтельствованъ и призванъ служить одной общей цѣли въ міровомъ призваніи русскаго народа, не составляютъ тайны, которую по прежнему нужно было бы скрывать. Правда, и тутъ можно замѣтить еще нѣкоторую неопредѣленность и несознанность, причиной коихъ являются тѣ же нѣмцы или природные или вырожденные изъ народа. Но эти господа сами уже видятъ, что нельзя удержать теченіе потока, прорвавшагося съ вершины скалы. Разсматриваемый принципъ балтійской жизни тѣмъ именно хорошъ, что онъ никогда не имѣлъ въ виду устроить такъ или иначе народное благополучіе, а преслѣдовалъ цѣли эгоистическо - утилитарныя своихъ проводниковъ. Въ силу основнаго чувства или инстинкта самосохраненія народъ не могъ

быть поглощенъ имъ окончательно. Къ тому же на помощь ему въ свое время появилось православіе, которое служило ему свѣточемъ въ дебряхъ балтійской жизни. Лишь только правительство отозвалось на вопли народа, порѣшилась и судьба его. Нельзя указать въ самомъ народѣ ни одного человѣка, который не сознавалъ бы необходимости изученія государственнаго языка, равнымъ образомъ нѣтъ ни одного, который не былъ бы радъ производимымъ великимъ реформамъ. А это шаги впередъ. Конечно, до полнаго сліянія съ русскимъ народомъ, сліянія не чрезъ знаніе русскаго языка только, но органическаго — еще далеко, но нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно оно наступитъ. И дай-то Богъ, чтобы это произошло скорѣе, чтобы украсилась вновь человѣческими достоинствами душа народная.

VIII.

Если мы въ началѣ этой статьи нашли, что прибалтійскій нѣмецъ походить на своихъ сородичей, населяющихъ Пруссию и прочія мелкія нѣмецкія государства, то этимъ мы еще не признали между ними безусловнаго тождества. Нѣтъ! они рѣзко отличаются между собой — одни неустойчивостью формъ какъ политической, такъ и соціальной жизни, другіе же непреложною консервативностью. Это послѣднее отличие принадлежитъ прибалтійскому нѣмцу. Всѣ формы жизни и учрежденія стоятъ у него неизменно съ среднихъ вѣковъ, и кто притронется до нихъ единымъ словомъ или дѣйствіемъ, тотъ совершаетъ какъ бы преступленіе, которое сравнивается съ святотатствомъ. Они имъ созданы и кажутся ему всесовершенными. Мы не будемъ касаться исторіи образованія этихъ формъ жизни и учреждений, достаточно указать на настоящую судьбу ихъ, чтобы выяснитъ указанный выше принципъ консерватизма. Вникнемъ въ мѣстный соціальный строй: какія явленія кажутся намъ въ немъ отжившими? — Прежде всего.

самое положеніе крестьянина и помѣщика и ихъ отношенія между собой. Во всѣ времена крестьянинъ игралъ роль низшаго созданія, даже меньше, представлялъ изъ себя единственно рабочую силу, данную для употребленія помѣщику. Послѣдній же признавалъ себя одного распорядителемъ судебъ и до сихъ поръ называетъ себя господиномъ. Отсюда становится намъ понятнымъ, почему у туземца нѣтъ никакой исторіи, какъ у другихъ народовъ, и почему эту исторію образуютъ одни господа страны. Когда крестьянинъ почему-нибудь встрѣчается съ бариномъ, то онъ долженъ въ знакъ уваженія стоять предъ нимъ безъ шапки, будь это у себя дома, гдѣ у него въ обыкновеніи всегда работать въ шапкѣ, или на полѣ, зимою или лѣтомъ. Крестьянинъ иначе не смѣетъ называть помѣщика, какъ господиномъ, и самъ помѣщикъ въ разговорѣ съ крестьяниномъ не иначе говоритъ о себѣ, какъ : «господинъ говоритъ, господинъ приказываетъ, ты не слушаешься своего господина» и т. д. Упоенный своимъ величіемъ, помѣщикъ и теперь еще въ присутственныхъ мѣстахъ употребляетъ выраженіе : «мои крестьяне». На дорогахъ, при встрѣчахъ этотъ «мой крестьянинъ» загонялся въ ровъ, а то перерѣзывалась на лошади его уздечка или возжи, снималась дуга и сѣделка. Попробуйте сказать, что такое положеніе невозможно и такія отношенія неестественны, подвергнетесь обязательно гнѣву барина, ибо онъ консервативенъ до мозга костей. Далѣе — отжили свой вѣкъ сословныя учрежденія : полицейскія и судебныя, потому уже, что самая форма этихъ учрежденій была унаслѣдована отъ среднихъ вѣковъ. На мѣсто ихъ явились новыя, общія въ государствѣ, которыя удовлетворяютъ каждаго. Когда въ 1889 г. происходила сдача дѣлъ магистратовъ въ новыя судебныя учрежденія, то это было въ глазахъ нѣмцевъ какъ бы погребеніемъ живого существа, и, какъ мы слышали, въ одномъ городѣ по поводу этого была сказана пасторомъ над-

гробная рѣчь, приведшая присутствовавшихъ въ умиленіе и вызвавшая у нихъ слезы жалости. И теперь сколько, можетъ быть, проклятій и всякихъ инсинуацій повергается на новыя судебныя учрежденія!! Все оттого, что нѣмецъ консервативенъ до неразумія. — Была у нѣмцевъ во всѣхъ главныхъ городахъ своя гвардія. Баньщики обрюзглые, купцы одутловатые и прочіе подобные составляли ее и показывались въ славныхъ гвардейскихъ мундирахъ даже на парадахъ дѣйствительныхъ войскъ. Вышло повелѣніе уничтожить эту пародію. Сколько было разговоровъ, споровъ и пылкихъ рѣчей по поводу этого. Намъ самимъ случилось какъ-то разъ принять участіе въ нихъ; съ противной стороны только и было выставляемо основаніемъ: «пусть бы эта гвардія существовала себѣ: никому она зла не дѣлала.» Въ такихъ случаяхъ консерватизмъ нѣмецкій отстоитъ недалеко отъ смѣшного. Но онъ является и во всей силѣ серьезнаго жизненнаго принципа тамъ, гдѣ чье-либо слово касается болѣе существеннаго предмета. Покойный редакторъ эстонской газеты «Сакала» К. Р. Якобсонъ былъ безпощаденъ по отношенію къ бездѣятельности пасторовъ и къ ненасытности и алчности ихъ. Онъ билъ ихъ въ самое чувствительное мѣсто, показывая, что они не учатъ, какъ слѣдуетъ, народъ, что представляютъ изъ себя господъ, на подобіе бароновъ, и только знаютъ разѣзжать да бражничать. Этимъ онъ хотѣлъ подвигнуть ихъ къ дѣйствительному пастырскому служенію и отеческому отношенію къ народу. Но вышло наоборотъ, онъ не только никого не подвигнулъ къ дѣланію добра, но далъ имъ въ руки могущественное оружіе обвинить себя въ нарушеніи святости и неприкосновенности лютеранской кирки и подкапываніи основъ ея. Оговоренный предъ правительствомъ, онъ былъ на 8 мѣсяцевъ лишенъ права издавать газету и чуть не посаженъ въ заключеніе. Всему виною былъ консерватизмъ балтійскій. доходившій здѣсь до поклоненія даже

страстямъ человѣческимъ. Въ настоящее время въ редакторскомъ искусствѣ мѣсто покойнаго Якобсона отчасти занимаетъ редакторъ эстонской газеты «Валгусъ» — г. Кырвъ. Онъ также бичуетъ пасторовъ за ихъ особенныя тенденціи и нѣкоторые порядки, царившіе до сего времени въ лютеранской киркѣ, какъ напр., собраніе во время богослуженія денегъ съ мѣшочкомъ, вдѣтымъ на длинную палку съ колокольчикомъ, находя, что подобный порядокъ ни съ чѣмъ не сообразенъ и развлекаетъ молящихся. Его также проклинали всѣ вѣрные сыны Балтіи, называя безбожникомъ и отступникомъ, многіе даже нигилистомъ. Кромѣ того, нашелся преданный сынъ лютеранской кирки, который, на основаніи своеобразнаго толкованія закона *), относящагося до собранія денегъ, печатно защищаетъ употребленіе указаннаго мѣшочка съ колокольчикомъ. — Далѣе, наша административная власть, въ лицѣ гг. губернаторовъ, убѣдилась въ несоотвѣтствіи съ достоинствомъ лютеранской кирки и съ назначеніемъ ея пасторовъ — существованія натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ въ пользу ея и пасторовъ прихожанами, и начала ходатайствовать о сложеніи ихъ и переведеніи пасторовъ на чистое жалованье. Теперь ожидается законодательный актъ въ этомъ отношеніи. Сколько безпокойствъ это причиняетъ лицамъ, заинтересованнымъ въ судьбѣ лютеранской кирки, какіе вопли раздаются по этому поводу за границу: будто уничтожается лютеранство, и насильно вводится православіе. Ясно, что всѣмъ этимъ антагонизмомъ движетъ глубоко сознанный принципъ консерватизма, не разбирающій, что вѣдь одно благо имѣется въ виду, когда совершается та или другая реформа. Вышелъ законъ отъ правительства, подчиняющій лютеранскія сельскія школы подъ надзоръ министерства народнаго просвѣщенія.

*) Св. Зак. т. XI ст. 608.

Онъ разсматривался противниками, какъ святотатственное дѣйствие, коснувшееся самой сущности жизни Прибалтійскаго края. То же самое нужно замѣтить относительно законодательнаго акта, введшаго русскій языкъ въ употребленіе во всѣхъ, имѣвшихъ значеніе гражданскихъ, какъ напр. городскія думы, или правительственныхъ учрежденіяхъ.

Намъ извѣстны также нѣкоторые частные случаи проявленія крайняго консерватизма балтійскаго. Въ одной волости выборные порѣшили въ виду недостаточности общественныхъ суммъ и малочисленности учащихся лютеранскаго вѣроисповѣданія передать православному училищному совѣту школьный домъ, устроенный на средства общества же. Поднялся мѣстный баронъ, поднялись и сосѣдніе, а съ ними вмѣстѣ и окрестные пасторы. Собирали сходки, говорили, судили, пока, наконецъ, порѣшили поставить въ извѣстность все лютеранское начальство и подать жалобу на волость и на комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, утвердившаго протоколъ выборныхъ. Базалось бы, что въ этой передачѣ нѣтъ ничего дурного, тѣмъ болѣе, что выборные постановили условіемъ обучать въ этомъ домѣ всѣхъ дѣтей волости бесплатно, будь они лютеране или православныя. между тѣмъ, только и слышно было одно выраженіе: «какъ, молъ, смѣли выборные передать, комиссаръ утвердить и православный совѣтъ принять?» — «Это возмутительно, это попраніе нашихъ правъ, это разрушеніе.» — Понятно, что изъ ихъ протеста ничего не вышло, ибо все сдѣлано было по закону: помѣщики и пасторы остались при своихъ восклицаніяхъ. Можетъ быть, послали за границу какую-нибудь горячую корреспонденцію, въ которой нарисовали картину гоненія на нихъ и на послѣдніе ихъ устон. — Въ другомъ мѣстѣ понадобилась земля подъ церковь, причтовые зданія и церковно-приходскую школу. Много было изложено просьбъ, много потрачено силъ со стороны православнаго вѣдомства, чтобы

получить отъ лютеранской церковной администраціи излюбленное мѣсто подъ храмъ Божій; наконецъ, предложено было за пространство величиной въ три десятины 3000 рублей. — по все напрасно. Ходатайствовавшимъ со стороны православнаго духовнаго вѣдомства обыкновенно отвѣчали: «нельзя изъ принципа». Ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться всемогущему принципу. Тѣмъ временемъ составлялись въ правительственныхъ сферахъ о принудительномъ отчужденіи земли на надобности православныхъ церквей правила, которыя и вышли, получивъ Высочайшую санкцію 10-го февраля 1886 г. На основаніи ихъ была приобрѣтена и вышеуказанная земля. Но послѣдователи принципа получили за десятину теперь уже не 1000 рублей, а всего по 160 рублей.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что принципъ консерватизма предполагаетъ собою жизненные формы, до того совершенныя, что нельзя и подумать о ихъ преобразованіи. Но кто не знаетъ, что онѣ далеко не таковы? Та сфера, въ которой уже произведены и производятся реформы рукой правительства, отличается бѣдностью своего содержанія, если не считать цѣлей политическихъ: все, что въ ней есть, не только не можетъ удовлетворить никого изъ другой національности, но и самого нѣмца. Потому и очень многіе изъ балтовъ поняли всю шаткость трактуемаго принципа и посвѣпили стать подъ знамя вѣрныхъ сыновъ Россіи, настоящихъ патриотовъ. И нужно прибавить, что въ томъ было ихъ счастье, такъ какъ рано или поздно наступилъ бы ихъ строю самъ собой конецъ въ силу закона объ измѣчивости жизненныхъ формъ.

Въ ряду другихъ этотъ принципъ является также тенденціознымъ и не менѣе вреднымъ, чѣмъ описанные нами, приобрѣтая всю свою силу изъ того же всепроникающаго основнаго начала индивидуализма, существующаго вмѣстѣ съ именемъ «нѣмца». Консерватизмъ, основанный на началахъ любви

или вообще альтруизма — достоинъ всякой похвалы и подражанія, ибо онъ защищаетъ формы жизни добрыя, никого не гнетущія, консерватизмъ же балтійскій есть зло, охраняющее другое такое же зло, а потому требуетъ осужденія. Въ силу этого мы не могли обойти его молчаніемъ.

ІХ.

Послѣ этого намъ остается разсмотрѣть послѣдній принципъ прибалтійской жизни — именно — сепаратизмъ.

Какъ показываетъ самое слово, сепаратизмъ обозначаетъ собою раздѣленіе — распаденіе и есть первичный признакъ, входящій въ объемъ понятія индивидуализма. Дѣйствуя совершенно самостоятельно, онъ получаетъ и самостоятельное значеніе, какъ особаго начала или принципа жизни. Происхожденіе его соотвѣтствуетъ по времени происхожденію самого нѣмца или, по крайней мѣрѣ, появленію его въ Прибалтійскомъ краѣ. Первые шаги, сдѣланные здѣсь нѣмцами, обнаруживали въ нихъ способность къ раздѣленію. Извѣстно, что всѣ отобранныя отъ туземцевъ богатства и имущество должны были дѣлиться между братьями ордена соотвѣтственно чину cadaго, и рыцарями. Съ теченіемъ времени сепаратизмъ все возрасталъ, и когда нѣсколько упорядочилась жизнь въ странѣ, онъ выступалъ уже какъ потребность къ обособленію отъ туземцевъ. Политическія событія, происходившія здѣсь въ разное время, придали этому обособленію иной оттѣнокъ, т. е. побудили нѣмцевъ отдѣляться отъ задачъ того или другого государства. Наконецъ, православіе, какъ вѣроисповѣданіе, основанное на иныхъ началахъ, чѣмъ католичество и лютеранство, придало сепаратизму еще особый видъ, такъ что въ настоящее время онъ, какъ сознанный жизненный принципъ, распадается на три особыхъ вида: сепаратизмъ національный, религіозный и политическій. Въ этихъ видахъ мы его и разсмотримъ.

Сепаратизмъ національный состоитъ въ сознаніи нѣмцами превосходства ихъ надъ прочими народами и потому въ возможно большемъ удаленіи отъ нихъ всего того, что составляетъ духовное богатство этихъ народовъ. Выше мы видѣли, какъ нѣмцы относились къ туземцамъ, но тамъ мы не могли усмотрѣть національнаго сепаратизма ихъ въ полномъ смыслѣ слова, ибо туземцы по отношенію къ нѣмцамъ были слабѣе во всемъ. Онъ выступаетъ на сцену въ отношеніи русскаго народа, который на самомъ дѣлѣ превосходитъ во всемъ нѣмцевъ. Русскій народъ рисуется послѣдними дикимъ, необразованнымъ. Все его духовное достояніе разсматривается какъ негодное; его языкъ считается тяжелымъ — варварскимъ языкомъ, на изученіе котораго не стоитъ тратить времени; выработанныя имъ формы соціальной и экономической жизни ставятся ниже всякой критики. Отсюда логически вытекаетъ, что съ нимъ нѣтъ никакого общенія на почвѣ просто національныхъ интересовъ, напротивъ полное раздѣленіе — сепаратизмъ. Ежедневная жизнь представляетъ намъ къ этому такъ много примѣровъ, извѣстныхъ каждому, что мы не станемъ повторять ихъ здѣсь. Жаль одного, что многіе изъ нашихъ отечественныхъ публицистовъ не всегда точно опредѣляютъ ихъ истинный смыслъ и значеніе, относя ихъ всецѣло къ политическому сепаратизму, жаль потому, что послѣдній не носитъ въ себѣ такихъ творческихъ сѣмянъ, какъ національный, и можетъ быть, да и есть, уничтоженъ, однимъ краткимъ выраженіемъ: «руки прочь», тогда какъ національный и религіозный, можно сказать, будутъ творить свои темныя дѣла. Мы говоримъ объ этомъ потому, что убѣдились глубокимъ жизненнымъ опытомъ, насколько эти два вида сепаратизма пагубны и развращающи. Не доброе, думаемъ, представленіе получается о другомъ отъ постоянного наговариванія на него, называнія его пьяницей, лѣнтяемъ и т. д. А все это втихомолку говорится о рус-

скомъ народѣ, который призванъ господствовать въ мірѣ. Но далѣе.

Религіозный сепаратизмъ состоитъ въ признаніи православія коснымъ и грубымъ вѣроисповѣднымъ культомъ, а лютеранства высшею формою христіанской религіи. Можетъ ли существовать между ними какое-нибудь общеніе? Никогда и ни подѣ какимъ видомъ! Напротивъ, лютеранство должно на каждомъ шагу побуждать православіе, а такъ какъ за такія побѣды виновника наказываетъ законъ, то необходимо отойти отъ поля битвы и стараться употреблять всѣ мѣры къ поддержанію лютеранства, а православіе пусть остается въ исключительномъ положеніи, въ которомъ оно постепенно ослабѣетъ. И что же мы видимъ? Во многихъ мѣстахъ совершенное исполненіе этого балтійско-нѣмецкаго предопредѣленія. Церкви православныя стоятъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ жилыхъ помѣщеній, на открытыхъ мѣстахъ, словно сироты одинокія. Убожество ихъ бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ, ибо прихожане не имѣютъ, чѣмъ покрыть ихъ нужду, а правительство, которое только и заботится о нихъ, не въ силахъ одно сдѣлать все необходимое. Лютеранскія же церкви построены на видныхъ мѣстахъ, около нихъ сгруппированы всѣ другія учрежденія съ общественнымъ значеніемъ: волостное правленіе, приходская школа, аптека, лавка и корчма. Онѣ благоустроены и не нуждаются ни въ чемъ, ибо прихожане ихъ люди состоятельные — помѣщики и цвѣтъ крестьянства. Школы православныя помѣщаются въ тѣсныхъ наемныхъ квартирахъ, часто и въ курныхъ избахъ, не получая отъ общества ничего на содержаніе или ничтожныя крохи-подаванія, лютеранскія имѣютъ собственные прекрасные дома, устроенные обществомъ, и содержатся послѣднимъ. — Лютеране предпочитались въ общественной жизни, ихъ выбирали и судьями и старшинами, православные притаились гдѣ-нибудь въ углу, не смѣя подымать голоса или, при нуж-

ныхъ случаяхъ. потворствуя лютеранскимъ сепаратистическимъ интересамъ. Въ экономической жизни лютеранинъ жилъ въ относительномъ довольствѣ, а православный не зналъ, гдѣ голову приклонить. И онъ обладалъ не меньшей способностью къ работамъ, но за то, что былъ православный, не только не получалъ отъ помѣщика клочка земли, но прямо изгонялся изъ усадьбы, которая потомъ переходила въ руки лютеранина. — Наконецъ, пасторъ у помѣщика былъ свой человѣкъ, очень часто и однокашникъ по университету, его ходатайства обыкновенно увѣнчивались успѣхомъ, и онъ не терпѣлъ ни въ чемъ нужды; не то было и есть теперь еще съ православнымъ священникомъ. Его называли «попомъ», называли прямо въ глаза, его начинанія парализовались дружнымъ отпоромъ лютеранъ — явнымъ или тайнымъ все равно. Все подобное отношеніе вообще къ православію, вытекающее изъ принципа сепаратизма, сдѣлало то, что во многихъ приходяхъ половина прихожанъ уклонилась въ лютеранство, и дѣло святое сократилось... Да, тяжелыя были времена, полныя скорби и слезъ. Слава Богу, онѣ прошли и не возвратятся болѣе. И мы глубоко вѣримъ, что весь туземный народъ Прибалтійскаго края будетъ когда-нибудь цѣликомъ православнымъ.

Обращаясь снова къ сдѣланному нами краткому наброску о состояніи православія, мы должны сказать, что онъ относится собственно къ Лифляндской губерніи. Эстляндская губернія въ вопросѣ о православіи не представляетъ намъ такихъ прискорбныхъ фактовъ, или, если представляетъ, то не въ такомъ количествѣ, ибо тутъ почти въ самомъ началѣ движенія сталъ на стражѣ человѣкъ, истинный сынъ Россіи, глубоко понявшій интересы народа, связанные съ православіемъ. Это нынѣшній губернаторъ ея, князь Сергій Владиміровичъ Шаховской, который мудрыми мѣрами своими не далъ развиться религіозному сепаратизму. За то и управляемая имъ

губернія, отставшая было отъ Лифляндской во многомъ, теперь, наоборотъ, во многомъ опередила Лифляндскую.

Перейдемъ къ политическому сепаратизму.

Онъ состоитъ въ стремленіи отдѣлиться отъ общаго государственнаго организма. Стремленіе это основывается на признаніи за нѣмцами особой роли, которую они призваны играть въ общей міровой политикѣ, и на сознаніи превосходства тѣхъ политическихъ формъ, которыя съ теченіемъ времени выработаны ими въ краѣ надъ русскими, вводимыми правительствомъ. Для выясненія перваго положенія приведемъ слова балто-нѣмецкаго ученаго историка Бинемана: «Нѣмецкая колонія, говоритъ онъ, сохранила себя даже послѣ трехвѣкового чуждаго владычества, оставаясь вѣрной государствамъ, съ которыми связана, вѣрной народу, отъ котораго произошла. Нѣкоторыя стороны нѣмецкаго характера должны были выступить рѣзче у колонистовъ, — другія — сгладиться, но ни одна основная черта не потерялась у насъ. Охраненіе бассейна Остзейскаго моря для нѣмецкихъ интересовъ было національной задачей, *привлеченіе далекаго востока въ область европейской культуры было всемірно-исторической задачею* этого побережья и его обитателей. Поэтому его исторія образуетъ часть исторіи нѣмецкаго народа и простирается однако далѣе провинціальной исторіи». «Событія первоначальной лифляндской исторіи изображаютъ глубоко *заложенное основаніе, на которомъ было сооружено зданіе нѣмецкой государственности*. Въ болотистую почву туземцевъ, которые, будучи неспособны къ самостоятельному развитію, не могли жить и не умѣли умирать, были вогнаны мощныя балки нѣмецкаго народничества, разрушительныя почвенныя воды были спущены, поверхность почвы укрѣпилась, ближе примкнула къ стволамъ и послѣдніе стали прямѣе и плодоноснѣе*)». Вотъ канія вообще культурныя цѣли

*) «Введеніе хр. въ Лифл.» Георгія Трусмана, стр. 392—393.

приписываютъ себѣ нѣмцы. Мало того, что они присвоиваютъ себѣ культивированіе прибалтійской окраины, но еще такую задачу, какъ «привлеченіе далекаго востока, т. е. Россіи, въ область европейской культуры.» Какъ исполняли они эту задачу, на этотъ счетъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, не потому, чтобы не знали ихъ, а потому, что по нашему пониманію ихъ не можетъ быть. Раскроемъ исторію и увидимъ. Въ то время, когда созидалось русское государство, нѣмцы имѣли дѣло съ туземцами и не могли еще думать о внѣшнихъ задачахъ, слѣдовательно, сами находились еще въ періодѣ образованія. Правда, были у нихъ попытки, какъ выражаются, привлечь Русь въ область европейской культуры, и прежде всего въ католичество, какъ напр. при Благовѣрномъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ, но чѣмъ сопровождались ихъ попытки? Полнымъ отраженіемъ. Послѣ, когда вокругъ московскаго престола собралась вся русская земля, — нѣмцы состояли уже подданными другихъ государствъ. Когда затѣмъ «далекій востокъ» обратилъ взоры свои на далекій западъ и подчинилъ его себѣ, какъ свою древнюю вотчину (что было при государѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ), то нѣмцы были настолько безсильны, что не только нигдѣ не дали русскимъ никакого болѣе или менѣе значительнаго отпора, но еще просились на службу къ великому государю московскому*). Когда, потомъ, русскіе, занятые внутренними дѣлами, должны были отойти отъ Прибалтійскаго края, то окрѣпла надъ нѣмцами власть и могущество шведовъ. Если въ началѣ шведскаго владычества они и вздохнули свободнѣе, то вся сила ихъ была поглощаема внутреннимъ устройствомъ жизни. Во время Густава Адольфа и Карла XI и тутъ даже было сколько разъ остановлено ихъ культурное шествіе, ибо оно не сообразовалось съ достоин-

*) См. «Лѣтопись» Рюссова, гл. 71, 90 и 125 и др.

ствомъ христіанскаго государства. Когда, наконецъ, шведовъ побѣдилъ Петръ Великій, нѣмцы являлись внѣ предѣловъ края всегда покорными слугами и смотрѣли на русскихъ государей, какъ на своихъ повелителей, которыхъ ничему не приходится учить, напротивъ, которые сами въ своей самодержавной власти могли требовать отъ своихъ подданныхъ того или другого, могли жаловать, могли и наказывать. Если нѣмцы пользовались чѣмъ отъ нихъ, то это была милость великодушныхъ и миролюбивыхъ монарховъ, а не обязательное исполненіе какого-то выдуманнаго договора. Изъ этого перечня читатель видитъ, что нѣмцами ровно ничего не сдѣлано для политической жизни Россіи, и ихъ заявленіе въ смыслѣ противномъ есть не что иное, какъ бахвальство, столь собственное имъ — какъ потомкамъ рыцарей. — Всякое бахвальство, пока оно ограничено предѣлами вѣроятнаго, служить нѣкоторымъ развлеченіемъ какъ для самого бахвалящагося, такъ и для постороннихъ людей, и потому съ точки зрѣнія житейскихъ правилъ позволительно, когда же оно переходитъ въ область серьезнѣйшихъ интересовъ человѣческой жизни и тамъ приписываетъ себѣ высокія цѣли, то оно есть зло или, по меньшей мѣрѣ, самообманъ страдающаго какимъ-нибудь психозомъ человѣка. Однимъ изъ двухъ оно представляется у прибалтійскихъ нѣмцевъ. Мы лично признаемъ его за зло, но зло не простое безотносительное, а принципиальное, которымъ нѣмцы стараются вредить цѣлому государству, стремясь остановить или измѣнить текущія событія политической жизни.

Разсматривая принципъ политическаго сепаратизма съ этой отрицательной точки зрѣнія, мы дѣйствительно должны признать за прибалтійскими баронами нѣкоторыя заслуги, но заслуги также отрицательныя. Это, во-первыхъ, удержаніе страны отъ общенія въ политической жизни государства, во-вторыхъ, извращеніе, какъ мы видѣли уже, политическихъ понятій въ народѣ, и, въ третьихъ, сопротивленіе правитель-

ственнымъ мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью направить туземцевъ къ единенію съ могущественнымъ русскимъ народомъ, между прочимъ и въ политическомъ отношеніи. Чтобы не показаться голословными, спросимъ: съ какого времени въ нихъ ведется рѣчь о Россіи, какъ объ общемъ отечествѣ? Съ весьма недавнихъ поръ, еще года не прошло. До этого на первомъ планѣ стоялъ зарубежный «фатерландъ» съ его интересами жизни, а жизнь государства Россійскаго разсматривалась какъ не своя, чуждая. Равнымъ образомъ, съ какого времени въ лютеранскихъ киркахъ стало отправляться богослуженіе въ высокаторжественные дни? Лѣтъ 9—10 тому назадъ никто изъ лютеранской части населенія не зналъ, когда какой праздникъ государственный. Какъ теперь помѣщики относятся къ своимъ рабочимъ, желающимъ праздновать высокаторжественные дни? Сгоняютъ ихъ со службы и взыскиваютъ съ нихъ штрафъ за то, что не работали въ какой-нибудь изъ этихъ дней. Если все это господа нѣмцы признаютъ заслугой своею, — мы вторимъ имъ. Такіе же факты мы можемъ привести и относительно другихъ заслугъ ихъ. Кто до сего времени ни во что не ставилъ требованія о знаніи и употребленіи русскаго языка, какъ государственнаго? Нѣмцы! Кто мѣшалъ и сопротивлялся всяческими силами школьной реформѣ, предпринятой по почину правительства? Кто закрывалъ училища ради того только, что языкъ русскій вводился въ нихъ преподавательскимъ языкомъ? Кто отнималъ отъ училищъ всякія средства къ существованію, какъ-то: дома, земли и денежныя пособія, ради того только, что въ нихъ появлялся новый духъ русской государственности? Бароны и пасторы! и т. д. Если это признается заслугой — пусть будетъ оно своеобразной балтійско-нѣмецкой заслугой.

Послѣ этого намъ остается коснуться еще второй части понятія политическаго сепаратизма. Какія формы политиче-

ской жизни нѣмцы создали себѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, мы уже знаемъ*). Теперь намъ нужно сказать о достоинствѣ ихъ. На сколько онѣ соотвѣтствовали потребностямъ того политическаго организма, для котораго онѣ были назначены? Разсматривая дѣятельность ландратскихъ коллегій, засѣданій, ландтаговъ и прочихъ учрежденій нѣмецкихъ, мы видимъ, что она состояла исключительно въ преслѣдованіи партійныхъ цѣлей нѣмцевъ-бароновъ, что въ ней нѣтъ ничего такого, что бы относилось къ упроченію благосостоянія народа, что она, кромѣ того, совершенно враждебна по отношенію къ народу. Разъ она является такой, то не можетъ имѣть за собой никакого достоинства и никакихъ правъ на дальнѣйшее существованіе, то она должна быть поглощена иной формой, болѣе широкой и соотвѣтственной. Эта иная форма — правительственная полиція, новые суды и новая администрація въ крестьянскомъ самоуправленіи, которыя уже и стали на мѣсто сословныхъ — нѣмецкихъ.

Вотъ какіе принципы правятъ прибалтійской жизнью уже нѣсколько вѣковъ по порядку, безостановочно, именно: принципъ индивидуализма, личной пользы, экономическаго гнета, соціальнаго угнетенія и права, принципъ политической обособленности или неприкосновенности, преслѣдованія однородности политическихъ элементовъ, консерватизма и сепаратизма. Пять первыхъ относятся къ цѣлямъ исключительно эгоистическо-утилитарнымъ, четыре послѣднихъ къ политическо-утилитарнымъ. Такое свойство принциповъ прибалтійской жизни вытекаетъ изъ самой натуры прибалтійскаго нѣмца, а потому не поддается ни малѣйшему измѣненію, въ смыслѣ нравственнаго улучшенія. Въ совокупности своей

*) Названіе этихъ формъ формами политической жизни собственно неправильное, ибо Прибалтійскій край составляетъ провинцію Россіи, въ которой не должно быть своей политики; скорѣе ихъ можно отнести подъ категорію формъ соціальной жизни. Но мы уступаемъ и здѣсь нѣмцамъ.

они создаютъ систему практическихъ правилъ къ достиженію личнаго блага, извѣстную подъ названіемъ «балтійзмъ», которую приходится молодому поколѣнію нѣмцевъ уже изучать, какъ доброе наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ. При нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ «балтійзмъ» является сильной твердыней, мало того, какимъ-то священнымъ завѣтомъ, до котораго нельзя дотронуться. Говорятъ, что онъ обнаруживаетъ гуманность и вообще наилучшія нравственныя качества нѣмцевъ.

Разсмотримъ этотъ отзывъ о «балтійзмѣ».

Нравственныя задачи человѣка зиждутся на великой заповѣди Господней: «люби ближняго, какъ самого себя». Этими словами Богочеловѣкъ Господь Іисусъ показалъ, во-первыхъ, въ чемъ состоитъ сфера нравственной дѣятельности человѣка и, во-вторыхъ, мѣрило этой дѣятельности, именно — сфера состоитъ въ средѣ другихъ людей, и мѣрило представляетъ самъ человѣкъ, созданный по образу и подобию Божію. Такъ какъ каждый человѣкъ по отношенію къ самому себѣ есть прежде всего доброжелатель, то въ отношеніи другихъ онъ долженъ являться такимъ же. Опредѣленіе добра или блага, достигаемаго человѣкомъ, находится въ зависимости отъ удовлетворенія его потребностей. Чѣмъ выше находится человѣкъ на ступени нравственнаго развитія, тѣмъ чище у него его потребности и тѣмъ разнообразнѣе онѣ. Чѣмъ большую возможность находить онъ для удовлетворенія своихъ потребностей высшаго порядка, тѣмъ большими благами онъ пользуется. Являясь мѣриломъ для опредѣленія блага по отношенію къ другимъ людямъ, онъ долженъ исходной точкой брать каждый разъ самого себя. Насколько ему хорошо, настолько должно быть и другому. Благо собственное онъ, по заповѣди Господней, долженъ стараться сдѣлать и благомъ другого. Разъ онъ такъ поступаетъ, является нравственное усовершенствованіе цѣлаго общества, тогда какъ

въ противномъ случаѣ застой и деморализація. — Вотъ основныя положенія христіанской нравственности. Всмотримся же теперь въ «балтійзмъ», насколько онъ подходитъ къ этимъ положеніямъ. Припоминая то, что выше было сказано къ уясненію принциповъ балтійской жизни, мы видимъ, что «балтійзмъ» вполне усвоилъ вторую половину заповѣди Господней: «люби самого себя», такъ какъ проповѣдуемые имъ способы къ достиженію блага признаются дѣйствительными только по отношенію однихъ нѣмцевъ или вообще балтовъ. Между тѣмъ балты не одни были въ краѣ, былъ и народъ — эстонецъ, латышь и во многихъ мѣстахъ русскій. Этотъ народъ былъ ближній нѣмецъ, прежде всего, на немъ и должны были исполняться тѣ задачи и цѣли культурной миссіи, какія нѣмцы себѣ приписываютъ. Что же мы видимъ? Народъ въ культурномъ отношеніи не принимается во вниманіе, его нужды и потребностей никто не удовлетворяетъ, напротивъ, эти нужды или потребности нѣмцы стараются или совершенно уничтожить, или направить въ ненавистную сторону, такъ что происходитъ обезличеніе народа въ нравственномъ отношеніи и деморализація вмѣсто усовершенствованія. Но идемъ дальше. Какими благами пользуются нѣмцы для удовлетворенія своихъ потребностей? Самое главное въ ряду другихъ это имущественная обезпеченность. Нѣмцы съумѣли на первыхъ же порахъ появленія своего заручиться, такъ сказать, имъ и потомъ, когда потребности возрастали, съумѣли найти и средства къ увеличенію этого блага. Казалось бы справедливымъ, чтобы и народу дано было пользоваться имъ; между тѣмъ онъ не только въ большей части своей не пользуется, напротивъ — бѣдствуетъ и голодаетъ, не находя иногда никакихъ средствъ къ существованію. — Во-вторыхъ, благомъ для нѣмцевъ служить просвѣщеніе со всѣми его прекрасными плодами. У нихъ были свои высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, гдѣ образовывали молодое поко-

лѣніе. У народа собственно не было подобныхъ школъ, отъ него былъ отнятъ самый починъ открытія ихъ. То, что у нихъ было, было чужое — нѣмецкое. И ему поневолѣ приходилось учиться въ нѣмецкихъ школахъ, въ которыхъ онъ не усовершенствовался, но тупѣлъ и обезличивался. — Третье благо представлялось въ неприкосновенности нѣмецкой національности и развитіи чертъ и свойствъ ея. Отъ народа же нѣмцы старались отнять всякую національность и навязать ей свою нѣмецкую. Для нѣмцевъ не существовало ни эста, ни латыша, ни русскаго, только «mein» или «unser Bauer», т. е. мой или нашъ крестьянинъ. — Четвертое благо состояло въ довольствѣ социальнымъ положеніемъ, которымъ пользовались нѣмцы, народъ же былъ въ этомъ положеніи подавленъ и всегда жаловался на угнетенность и обнаруживалъ такъ или иначе свое недовольство. — Наконецъ, въ пятыхъ, благо для нѣмцевъ заключалось въ удовлетворенности религіознаго чувства, народу же не дано было его. Объ этомъ обстоятельствѣ мы поговоримъ еще въ своемъ мѣстѣ.

Итакъ, «балтійзмъ» съ нравственной точки зрѣнія не выдерживаетъ критики. Если онъ даетъ уроки, годные только для однихъ нѣмцевъ, то онъ представляетъ изъ себя крайне одностороннюю систему, отнюдь не могущую претендовать на то, чтобы его признавали за нѣчто общественное. Эта односторонняя система до тѣхъ поръ, пока преслѣдуетъ цѣли утилитарныя, — на счетъ другихъ людей, — есть зло.

Потомъ, говорятъ, что «балтійзмъ» есть образцовая политическая система, которой не мѣшаетъ слѣдовать и русскимъ людямъ. Чему доброму собственно можно научиться у балтовъ и по ихъ системѣ? У нихъ выступаютъ въ дѣлахъ политическихъ двѣ главныя вещи: развращеніе по отношенію къ туземцамъ и обособленіе въ отношеніи къ Россіи, подданными коей они считаются. Какъ могутъ усвоить себѣ русскіе люди эти вещи, мы отказываемся понять. Не говоря уже о

томъ, что въ русскомъ государствѣ не должно быть другой политической системы, кромѣ русской — правительственной, основанной на интересахъ великаго русскаго народа, мы можемъ сказать, что «балтійзмъ», коль скоро преслѣдуетъ какія-то утопическія политическія цѣли, есть еще высшее зло, чѣмъ онъ представляется въ нравственномъ отношеніи, а потому требуетъ еще большей бдительности со стороны какъ самаго правительства, такъ и отдѣльныхъ органовъ его. Если справедливо то, что одна изъ задачъ русскаго государства состоитъ между прочимъ и въ томъ, чтобы привести въ совершенное единство разрозненные элементы государства, сплотить ихъ въ одну русскую семью, то эта задача должна быть исполнена прежде всего относительно нѣмцевъ, какъ самыхъ ярыхъ послѣдователей индивидуализма, не поддающихся ассимиляции.

Такимъ образомъ открывается намъ, что балты дѣйствительно глубоко вогнали въ Прибалтійскій край мощныя балки нѣмецкаго народничества и что много силы и энергіи необходимо потратить для того, чтобы вынуть эти балки.

Послѣ этого намъ нужно разсмотрѣть, какимъ способомъ утвердили нѣмцы свою силу на балтійской окраинѣ, какія были у нихъ средства для этого. Возвращаясь къ началу той кровавой трагедіи, которая разыгралась въ нашей окраинѣ съ пришествіемъ нѣмцевъ, спросимъ: почему нѣмцы побѣдили туземцевъ? Кажется, въ послѣднихъ не было недостатка ни въ отвагѣ, ни въ храбрости, ни въ стойкости, ни, наконецъ, въ нѣкоторомъ военномъ искусствѣ, напротивъ, этими качествами отличались особенно эстонцы — отъ самой природы своей — и ихъ развивали они въ себѣ многообразнымъ жизненнымъ опытомъ. Почти два столѣтія происходила между ними и нѣмцами-пришельцами борьба, пока пришельцы не побѣдили. Чѣмъ объяснить эту побѣду? спросимъ.

мы снова. Во-первыхъ, отсутствіемъ одного общаго руководителя у туземцевъ, способнаго соединить разрозненныя массы и отражать непріятеля, если не превосходствомъ своихъ силъ, то нѣкоторымъ искусствомъ. Эстонцы, правда, имѣли свои городки, но благодаря географическимъ условіямъ, они не были соединены между собою живымъ общеніемъ одного главы, напротивъ, каждое селеніе и городокъ имѣлъ своего особаго старшину, которому, впрочемъ, ввѣрялась исполнительная часть, тогда какъ законодательная (конечно, примитивная) принадлежала всему народу, расселившемуся вокругъ городка. Воины каждаго городка выступали въ битву со своимъ старшиной во главѣ и сражались подъ его начальствомъ, но не было порядка и общаго руководства. Нѣмцы, между тѣмъ, покоряя одну область за другой, умѣли въ нокоренныхъ разжигать злобу и ненависть противъ свободныхъ собратьевъ и такимъ образомъ не только имѣли за собой перевѣсъ въ численности, но и въ болѣе храбрыхъ воинахъ, чѣмъ они сами, которые въ это время могли думать да гадать, какъ лучше побѣдить, къ чему въ нужномъ случаѣ прибѣгнуть и т. д.

Во-вторыхъ, побѣду за нѣмцами обезпечивало ихъ коварство. Въ каждой главѣ своей хроники Генрихъ Латышскій говоритъ объ этомъ свойствѣ нѣмцевъ: какъ только побѣда оказывалась за ними, они тотчасъ требовали заложниковъ мира: «Въ заложники выданы были мальчики знатнѣйшихъ людей*)», которые уводились въ Ригу къ епископу. Тамъ ихъ обращали въ католичество и воспитывали во враждебномъ своему народу духѣ. Уводя ихъ, нѣмцы обѣщали вернуть ихъ родителямъ чрезъ извѣстное время, но никогда не исполняли своего слова. Когда туземцы замѣчали это, то возставали вновь, но всегда напрасно. — Этимъ коварствомъ нѣмцы

*) См. «Хроника», Генриха Латышскаго, гл. XXX, § 5.

достигали той цѣли, что изъ самаго лона народа вырывали его лучшія интеллектуальныя силы и заставляли ихъ служить себѣ: народъ постепенно вырождался, оставаясь въ болѣе слабыхъ единицахъ, а нѣмцы росли все сильнѣе и сильнѣе. Насколько нѣмцы цѣнили эти силы народа въ лицѣ его лучшихъ сыновъ, видимъ на примѣрѣ знаменитаго Каупо, предводителя ливовъ, котораго нѣмцы привлекли на свою сторону обольщеніемъ и угрозами вѣчныхъ мукъ. Его взлелѣяли они, зная, какъ дорогъ этотъ человѣкъ при его опытности и мудрости, его удостоилъ папа Инокентій III своимъ лицемеріемъ: «поцѣловалъ его и, подробно разспросивъ о положеніи народовъ, обитавшихъ въ Ливоніи, одарилъ подарками, именно подарилъ сто золотыхъ, и когда онъ хотѣлъ возвратиться въ Германію, съ истинной нѣжностью простился съ нимъ и благословилъ его...*)». Все это было, правда, въ 1203 году, но нѣмцы остались вѣрны чертамъ первыхъ завоевателей края по настоящее время. Мы знаемъ примѣры, показывающіе, какъ они и теперь также совершаютъ дѣла свои лестью и ложнымъ уваженіемъ, потомъ, когда обольщенный болѣе имъ не нуженъ, отталкиваютъ его, оговариваютъ и т. д. Оставимъ ихъ, они слишкомъ свѣжи.

Въ третьихъ, нѣмцы сильны своею сплоченностью, солидарностью дѣйствій и единствомъ цѣлей и идей. Эта особенность ихъ чуть ли не главный рычагъ къ преуспѣянію во всемъ, что только они предпринимаютъ. Она обнаруживается во всѣхъ частностяхъ общественно-политической жизни и одинаково интенсивна она всегда. Съ малаго до великаго, съ бѣднаго до богатаго всѣ проникнуты ею, и нѣтъ возможности ни на одну минуту представить нѣмца безъ нея. Въ то же время эта особенность не есть черта ихъ природнаго характера и не должна быть отождествлена съ началомъ общности и стихійнаго стремленія

*) «Хроника» Генриха Латышскаго, гл. VII, § 5.

къ единенію, напротивъ, далеко разнится отъ этого. Нѣмца можно мыслить двояко — или какъ индивидуальную особь или какъ ревнителя общаго блага, долженствующаго принадлежать однимъ нѣмцамъ. Первымъ онъ выступаетъ въ частной жизни, вторымъ въ дѣлахъ экономической и социально-политической. Въ частной жизни нѣмецъ такой же смертный человѣкъ, какъ и всякій другой, способенъ на тотъ же миръ и спокойствіе или раздоры и буянства, какъ и тысячи другихъ. Въ сферахъ же экономической и общественной жизни онъ преобразовывается, забываетъ личности, вражду и прочія неприятныя отношенія и есть непремѣнный членъ-исполнитель, проводникъ и заступникъ общихъ интересовъ. Въ этомъ случаѣ нѣмецъ служить примѣромъ для всякаго и достойнъ подражанія.

Въ чемъ же именно проявляется эта солидарность нѣмцевъ? — Прежде всего въ вопросахъ экономической жизни. Каждое помѣстье есть особый мірокъ со всѣми атрибутами прибалтійскаго конституціоннаго правленія. Помѣщикъ — это правитель, а крестьяне покорные исполнители его воли. Воля же его прежде всего выражается въ удовлетвореніи насущной потребности, въ содержаніи. Каковъ способъ удовлетворенія въ одномъ имѣніи, таковъ онъ и всюду. Не живетъ крестьянину у А. хорошо, не живетъ и у Х., перебывается, а иногда и голодаетъ онъ здѣсь, такъ же и въ другомъ мѣстѣ; — повышена была аренда по истеченіи контрактнаго срока тамъ, такъ что крестьянину невозможно дольше оставаться въ усадьбѣ, повышена она и здѣсь, то же и въ другомъ мѣстѣ; заставила необходимость крестьянина уйти отсюда, попался въ одинаковыя условія въ другомъ мѣстѣ. Срокъ аренды одинаковъ, условія, прописываемыя въ контрактахъ одинаковы, обязательства, возлагаемыя на арендатора, тѣ же, наконецъ, самая форма контракта та же, такъ что будь крестьянинъ здѣсь, будь тамъ — все равно. То соли-

дарность помѣщиковъ. То же нужно сказать относительно выкупныхъ условій. Если тутъ или тамъ разнится сумма за десятину, то она въ общемъ все-таки высока. Нашъ же крестьянинъ отличается неподвижностью и темнотой, этимъ наслѣдіемъ временъ крѣпостного права. Не можетъ онъ легко сдвинуться съ мѣста, не знаетъ, что за предѣлами эстонщины или латыщины живутъ люди гораздо лучше, ибо земли-кормилицы вдоволь. Если и есть счастливыя, нашедшіе пріютъ и довольство далеко за предѣлами родины, то это чуть ли не самые рѣшительные, — каковыми не всѣмъ быть. Помѣщики прекрасно знаютъ эту особенность туземцевъ, потому, во-первыхъ, вовсе не унываютъ на счетъ рабочихъ рукъ, которыя въ состояніи собрать имъ добро, и, во-вторыхъ, тѣмъ болѣе могутъ дѣйствовать солидарно. Но всему есть конецъ, и мы предвидимъ его относительно солидарности помѣщиковъ; онъ наступитъ тогда, когда народъ будетъ знать русскій языкъ, который дастъ возможность найти убѣжище не здѣсь, такъ тамъ: благо матушка Русь просторна и земли въ ней пустопорожней довольноно.

Затѣмъ, солидарность нѣмцевъ выступаетъ въ вопросахъ общественной или соціальной жизни. Мы уже знаемъ, какова эта жизнь въ отношеніи простолюдина. Такой она стала вслѣдствіе единства дѣйствій нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ одинъ помѣщикъ считаетъ туземца ни къ чему другому не способнымъ, какъ только къ черной работѣ, такъ и другой; какъ одинъ выражается, что онъ — туземецъ «не могъ жить, не умѣлъ умирать», такъ и другой. Отъ такой солидарности взглядовъ зависитъ и солидарность дѣйствій. Гнали общественнаго дѣятеля-туземца въ большомъ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, гнали его и въ деревнѣ. Умѣли поднять противъ него войну печатно, умѣли прибѣгнуть и къ физической силѣ. Оба дѣйствія по общему признанію хороши и справедливы. Разсматривались признаки

пробужденія народнаго самосознанія какъ зловѣщіе симптомы въ Лифляндіи, разсматривались они такъ же и въ Эстляндіи. Противодѣйствовали основанію какого-либо общества здѣсь, противодѣйствовали и тамъ; потерпѣлъ крестьянинъ въ низшей судебной или административной инстанціи, потерпѣлъ и въ высшихъ и тѣмъ крупнѣе или хуже, чѣмъ яснѣе сознавались принципы жизни и т. д. Все это существовало до тѣхъ поръ, пока власть заправлять общественной жизнью сосредоточивалась въ рукахъ помѣщиковъ, но теперь она отнята отъ нихъ, и потому смѣемъ надѣяться на лучшія времена и обстоятельства, когда не нужно будетъ опасаться наказанія и гоненія за обнаруженіе наилучшихъ стремленій. Мы уже и видимъ, что солидарность нѣмцевъ въ этомъ случаѣ начинаетъ тускнѣть и пропадать.

Потомъ, нѣмцы единодушны въ вопросахъ политики. какую признаютъ они въ дѣлѣ охраненія края отъ правительственныхъ мѣропріятій, ведущихъ его къ объединенію съ Россіей. Начиная съ безмятежно проживающаго въ своемъ имѣніи барона и кончая городскимъ головой какого-либо губернскаго города — всѣ въ одинаковой степени возмущались введеніемъ русскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ; равнымъ образомъ всѣ отъ послѣдняго лавочника, — собственно туземнаго происхожденія, но въ виду признанія себя нѣмцемъ присоединившаго къ своей фамилии какой-нибудь слогъ «гофъ» или «маннъ» или «бергъ», и до высшихъ представителей нѣмецкой расы, громко зывали о несправедливости, заключавшейся, будто бы, въ подчиненіи народныхъ училищъ министерству народнаго просвѣщенія. Уничтожили сословные суды, — убили, по признанію нѣмцевъ, ихъ родное дѣтище, ввели на мѣсто ихъ новые, дѣйствующие въ государствѣ, попрали стародавнюю привиллегію имѣть свой судъ и расправу. Защищается достоинство государственной религіи, говорятъ нѣмцы: поднято гоненіе на

«Landeskirche» — лютеранство; предпочитается направление русское нѣмецкому, вводится варварство. Словомъ, въ настоящее время нѣтъ ни одного политическаго вопроса, который нѣмецъ рѣшилъ бы въ добрую сторону или въ которомъ онъ сошелся бы со взглядомъ правительства. Всюду единодушное недовольство.

Наконецъ, солидарность дѣйствій нѣмцевъ обнаруживается въ вопросахъ религіозной жизни страны, въ частности, въ вопросѣ о православіи. Мы видѣли, какой взглядъ существуетъ у прибалтійскихъ нѣмцевъ на православіе, знаемъ и то, почему оно такъ имъ ненавистно, но то, что дѣлается съ принимающими его, превосходитъ всякое вѣроятіе. Намъ рассказывали прозелиты 40-хъ годовъ: ихъ ковали въ цѣпи и отправляли большими партіями отъ мѣста жительства до города въ острогъ, тамъ ихъ морили голодомъ, при чемъ многіе умирали; оставшихся дома помѣщикъ звалъ по субботамъ на мызу и заставлялъ палача давать 50—80 ударовъ розогъ. Такъ какъ движеніе въ православіе было повсемѣстно, то подобныя испытанія претерпѣвали новообращенные также всюду. Когда со временемъ движеніе улеглось, и большая часть изъ новыхъ православныхъ осталась вѣрна своей церкви, то помѣщики составили другую систему преслѣдованія: вытѣсненія ихъ изъ предѣловъ волости. Она исполнялась постепенно, словно съ осторожностью: прежде повышалась аренда, потомъ предлагалась худшая усадьба, наконецъ бобыльскій участокъ или вовсе отнималась земля изъ пользованія православнаго. Мы знаемъ волости въ Лифляндіи, гдѣ немного ужъ православныхъ остается хозяевами. Почти то же замѣчалось въ новѣйшемъ движеніи крестьянъ въ православіе въ Эстляндіи и почти то же существуетъ и по настоящее время. Провинившихся въ чемъ-либо крестьянъ безмилосердно сѣкли гагенрихтеры; избушки многихъ несчастныхъ были разрушены или проданы съ аукціоннаго торга;

не уплатившихъ подушныхъ податей сажали подѣ арестъ, тогда какъ лютеранамъ давались всякія льготы; православнымъ нищимъ отказывали даже въ подаяніи, отсылая ихъ къ «русскому попу»; самое же главное—православнымъ старались помѣщики отказывать отъ арендныхъ участковъ. Мы знаемъ лицъ, которыя во время перехода въ православіе были арендаторами порядочныхъ земельныхъ участковъ, а послѣ оказались батраками, безъ земли, безъ пріюта, и служатъ посмѣшищемъ прочихъ крестьянъ-лютеранъ. Равнымъ образомъ, знаемъ много и такихъ, которые могли бы по своему состоянію быть арендаторами, но не могутъ получить земли: ходили они къ тому помѣщику, ходили къ другому — всюду спрашивали прежде всего: какого вѣроисповѣданія. Назвавъ себя православными, они получали отвѣты: для православныхъ (собственно исповѣдующихъ русскую вѣру) у меня земли нѣтъ. Въ началѣ движенія замѣчалось, наконецъ, и то еще, что православнаго даже не брали и рабочимъ на мызу. — Не удивительно послѣ этого, что православные оказываются въ какомъ-то исключительномъ положеніи, тогда какъ лютеране все-таки хоть чѣмъ-нибудь связаны съ помѣщикомъ. Можно ли спокойнымъ взоромъ смотрѣть на все это, на эту солидарность, служащую злымъ цѣлямъ? А какъ положить ей конецъ въ этомъ случаѣ — не намъ знать.

Въ четвертыхъ, прибалтійскіе помѣщики провели и утвердили свои принципы въ краѣ *капиталомъ*. Вообще — капиталъ сила, которая способна творить чудеса, и добро и зло. Въ рукахъ балтійцевъ онъ пріобрѣтаетъ свое значеніе не столько отъ того, что служить средствомъ для рѣшенія задачъ умственной и экономической жизни, сколько отъ того, что служить имъ въ области политики. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ «балтійзма», нѣтъ рѣчи о какихъ-нибудь чрезвычайныхъ расходахъ. Стоитъ только сознать общую пользу, тотчасъ являются деньги, откуда — Богъ вѣсть. Кому не извѣ-

стно грандиозное сооруженіе на Святой Богородицкой горѣ въ Эстляндской губерніи? Громадная каменная кирка выстроилась тамъ въ какіе нибудь 3—4 мѣсяца въ 1887 г., выстроилась безъ вѣдома подлежащей власти, какъ будто такъ и должно было быть. Для чего она была тамъ нужна? Для того, чтобы удержать народъ отъ перехода въ православіе. До этого времени никто не заботился объ этомъ народѣ, хотя не безъизвѣстно было лютеранскимъ духовнымъ господамъ, что ему слишкомъ далеко ходить въ ближайшую Исаакскую лютеранскую кирку, до 25 и болѣе верстъ; какъ только крестьяне заговорили о православіи, явилась и кирка неожиданно-негаданно. — Дальше, капиталъ пускался въ ходъ, когда нужно было показать себя и блеснуть достаткомъ, при встрѣчахъ высокопоставленныхъ особъ. Дѣлалось это для того, чтобы, съ одной стороны, подѣйствовать на этихъ особъ, въ смыслѣ найти у нихъ милость и расположеніе, а, съ другой, показать, на сколько богатъ вообще край, въ которомъ нѣмцы являются главарями. Затѣмъ, дворянство балтійское зорко слѣдило за направлениемъ политики въ высшихъ сферахъ. Всякое измѣненіе должно было стать имъ извѣстнымъ. Для этого оно содержало на земскія средства особыхъ людей въ столицѣ, которымъ на дѣлопроизводство отпускало, какъ видно изъ отчета одной дворянской кассы, 1100 рублей въ годъ. Наконецъ, капиталъ выстуналъ и тогда, когда нужно было печатное слово, обращенное къ народу въ балтійскомъ духѣ. Это значило выдавать субсидію извѣстной газетѣ. Такую субсидію получаетъ по настоящее время, какъ значится по официальнымъ даннымъ, газета «Ревельскій Другъ» — «Tallinna Sõber», именно въ размѣрѣ 1100 рублей.

Не достаточно ли этихъ данныхъ для того, чтобы видѣть, какъ прибалтійскіе бароны умѣютъ пользоваться капиталомъ? Кстати здѣсь замѣтить, что часть затрачиваемыхъ

такимъ образомъ баронами капиталовъ принадлежить крестьянскому сословію, которое между тѣмъ не имѣетъ части въ результатахъ, достигаемыхъ при посредствѣ капиталовъ помѣщиками.

Въ пнятыхъ, нѣмцы употребляли въ дѣлѣ утвержденія своего режима физическую силу. — Упорно ходятъ въ устахъ народа рассказы про старое время, когда провинившихся чѣмъ либо предъ господами охватывали и сажали въ какой-нибудь темный подземный подвалъ или погребъ и тамъ били и предавали ихъ пыткамъ. Намъ кажется, они указываютъ на католическія времена, когда существовала инквизиція. Но и помимо ея помѣщики били и сѣкли крестьянина совершенно безъ всякой вины, особенно на поляхъ своихъ, при работѣ. Для этого былъ особый челоѣкъ на службѣ помѣщичьей, называвшійся «кубіасомъ». Онъ ходилъ за рабочими съ длинной и толстой палкой въ рукахъ, которой ударялъ каждый разъ отставшаго отъ другихъ рабочаго. Разумѣется тутъ не принималось никакихъ оправданій. Все зависѣло отъ пріязни или ненависти кубіаса, который особенно усердствовалъ при появленіи самого помѣщика. То было время рабства, дававшее право на истязанія. Оно прошло, но сѣченія, хотя въ болѣе мягкой формѣ, оставались до нашихъ дней. Они были введены въ суды. Знаемъ мы примѣры, когда 4—5 лѣтъ тому назадъ присужденнаго гагенрихтеромъ къ сѣченію полагали на скамейку, двое солдатъ гагенрихтерской службы держали, одинъ за голову, другой за ноги, и третій сѣкъ, при чемъ гагенрихтеръ самъ присутствовалъ и кричалъ на палача: «крѣпче!» Одинъ изъ такихъ высѣченныхъ показалъ намъ свое тѣло: буквально мясо висѣло и кровь сочилась изъ ранъ. Этимъ порядкомъ крестьяне держались въ рабской покорности. И нельзя сказать, что расчетъ ихъ былъ не вѣренъ. Потерявшій во

всемъ остальномъ образъ человѣческій крестьянинъ остался чувствительнымъ къ физической боли и связалъ съ нею необходимость непрекословнаго повиновенія. — Продѣлывая все это надъ крестьяниномъ, нѣмцы не гнушались употреблять физическую силу и противъ лицъ высшаго полета. Возмутительное нападеніе въ 1889 г. въ Ригѣ въ Верманскомъ паркѣ на редактора «Двинской газеты» г. Пипирса служить лучшей иллюстраціей къ сказанному. Произошло это потому, что г. Пипирсъ явился слишкомъ ревностнымъ поборникомъ правительственной политики и слишкомъ явно обнаруживалъ большыя мѣста въ балто-нѣмецкой. — Все это было, настали другіе порядки, и надѣмся, что болѣе ничего такого не повторится, но что было сдѣлано при помощи физической силы въ длинный, почти шестидѣсятилетний періодъ, не такъ легко исправить. Извѣстно, что употребленіе физической силы въ дѣлѣ воспитанія ведетъ къ безотчетному страху, скрытности и лжи, — къ свойствамъ, недостойнымъ человѣка. И этими свойствами отличается народъ.

Въ шестыхъ, нѣмцы установили свой извѣстный режимъ въ краѣ при помощи печатнаго слова. — Кому не извѣстно громадное значеніе, какое печать имѣетъ во всѣхъ сферахъ жизни? Она служитъ, съ одной стороны, средствомъ для оглашенія мыслей и идей, являющихся въ передовыхъ умахъ, съ другой, средствомъ привлеченія читающей массы къ воспріятію тѣхъ же мыслей и идей. Въ первомъ случаѣ она носитъ характеръ поучительный, во второмъ воспитательный. Такое назначеніе исполняетъ со всею точностью печать Остзейскаго края. Тутъ, куда бы вы ни пошли, всюду найдете какое-нибудь періодическое изданіе, не говоря уже о книгахъ священныхъ, религіозно-нравственнаго и прочаго, полнаго тенденціозности, содержанія. Это явленіе объясняется тѣмъ, что народонаселеніе научено читать и имѣетъ въ своей средѣ лицъ, которымъ интересны дѣянія прочихъ людей и

происшествія въ политическихъ мірахъ и которыя вообще любятъ поучаться. Однако, пусть читатель не заключаетъ отсюда, что, слѣдовательно, высока культура въ Прибалтійскомъ краѣ, нѣтъ, это свидѣтельствуетъ только о замыслахъ и цѣляхъ баронско-пасторской дѣятельности въ духѣ лютеранизма и соединенной съ нимъ германизациі, или о томъ одностороннемъ направленіи умственной жизни, которое такъ рѣзко выступаетъ въ народонаселеніи края. — Въ отношеніи языка балто-нѣмецкая періодическая печать раздѣляется здѣсь на нѣмецкую и туземную. Въ то время, какъ нѣмецкая дѣлала свое дѣло въ высшихъ слояхъ общества, туземная совершала то же въ крестьянскомъ населеніи. Распространенію послѣдней служило во-первыхъ то, что населеніе связано съ помѣщиками экономическими интересами, изъ-за которыхъ приходится дѣлать то, что приказываютъ, и во-вторыхъ, у этихъ органовъ есть свои агенты въ лицѣ пасторовъ, мызныхъ управляющихъ, кистеровъ, народныхъ учителей и т. п., которые усиленно рекомендуютъ ихъ народу. Этими органами въ настоящее время въ эстонской части Прибалтійскаго края являются «Таллинна Сыберъ» (Ревельскій Другъ) и «Саарлане» (Островитянинъ); въ латышской части «Латвешу Ави-зесъ» (Латышскій Вѣстникъ). Съ достовѣрностью можемъ предполагать, что всѣ онѣ пользуются субсидіею отъ дворянскихъ кассъ; по крайней мѣрѣ это извѣстно о «Таллинна Сыберъ», получающемъ въ годъ по 1100 рублей отъ эстляндскаго дворянства.

Въ чемъ же именно состоитъ миссія балто-нѣмецкой періодической печати? — Съ одной стороны, она имѣетъ цѣлью хвалить все нѣмецкое, въ этомъ заключается ея положительный характеръ, — съ другой — осуждать и оуждать все русское. Германія, ея событія и теченіе политической жизни служили такъ недавно обыкновенно главными предметами, о чемъ при-

ходило съ читать въ этихъ органахъ на первыхъ страницахъ. Правда, существовалъ въ нихъ отдѣлъ о событіяхъ русскаго государства, но онъ прямо озаглавливался: «Russland» (Россія), т. е. держава, которая стоитъ далеко, за тридевять земель. Событія, которыя въ немъ обозначались, были скорѣе простымъ перечнемъ, если же какія излагались въ болѣе пространномъ видѣ, то это были какія-нибудь замѣшательства, убійства и т. п., словомъ все то, что изображало собой неприглядныя стороны жизни. Читатель поневолѣ привыкалъ смотрѣть на русскую жизнь, какъ на скверную, недостойную подражанія, и направлять всѣ свои помыслы на Германію, какъ на святыню. Никогда ни одного добраго, задушевнаго слова онъ не находилъ ни о русскомъ правительствѣ, ни подавише о русскомъ народѣ. Онъ постепенно привыкалъ къ мысли о превосходствѣ нѣмецкой націи надъ русской и всемірныхъ задачахъ и призваніи ея — всѣхъ покорить и надъ всѣми преобладать.

Въ настоящее время заведены въ краѣ уже иные порядки, при наличности которыхъ нѣтъ возможности болѣе открыто проповѣдывать антагонизмъ и презрѣніе къ русской землѣ и русскому народу. Потому лучше всего сдѣлалъ бывшій редакторъ старѣйшей нѣмецкой газеты «Rigasche Zeitung», г. Бухгольцъ, который, предвидя неминуемость наказанія, которому подвергнется за преступную агитацію, оставилъ въ одну прекрасную ночь 1889 г. все свое дѣло и убѣжалъ въ дорогой «фатерландъ». Прочіе же редакторы прибѣгли къ особому способу избѣгать непріятностей и въ то же время быть вѣрными проводниками своихъ идей, способъ этотъ — система замалчиванія. Въ ихъ газетахъ нельзя, правда, больше находить прежнихъ инсинуацій и презрѣнія ко всему русскому, но нельзя и находить никакихъ добрыхъ и вообще осмысленныхъ отзывовъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, распространенныхъ на край: они умѣютъ все хо-

рошо скрывать, не обмолвившись о немъ ни однимъ словомъ. Послѣдствіемъ этого является то, что читатель такъ же далекъ отъ добраго мнѣнія, какъ и прежде.

Прямой обязанностью газетъ, издающихся на туземныхъ языкахъ, но направленія балто-нѣмецкаго, является охраненіе строго консервативныхъ формъ мѣстной жизни, порожденныхъ нѣмцами, и защита ихъ отъ нападеній печати прогрессивнаго лагеря. Потому и выходило, что то, что казалось другимъ грязнымъ, непристойнымъ, проповѣдывалось ими честнымъ и приличнымъ. Никогда по этимъ органамъ нѣмецъ не выходилъ враждебнымъ народу и утилизаторомъ народнаго блага и народныхъ силъ, а всегда великимъ попечителемъ благосостоянія и образованія народа. Обыкновеннымъ отвѣтомъ въ критическую минуту служило у нихъ столь любимое выраженіе: «Вѣдь они — нѣмцы — намъ образованіе принесли». Эти газеты были и суть, такъ сказать, полуоффиціозы балто-нѣмецкой sprawy, а потому считались для тѣхъ лицъ обязательными, на которыхъ возлагалась и забота о ихъ распространеніи въ народѣ. Въ настоящее время число подписчиковъ на нихъ не велико, ибо большинство разумныхъ читателей понимаетъ, къ чему клонять рѣчи этихъ газетъ. Къ тому же въ народѣ пошли противъ нихъ весьма сильныя агитации, заставившія многихъ относиться къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ. Отсюда происходитъ, напр., то, что «Таллинна Сыберъ» (Ревельскій Другъ) слыветъ въ народѣ подъ названіемъ «Таллинна Тыбрасъ» (Ревельская скотина) и что число подписчиковъ вообще этихъ газетъ постепенно уменьшается. Теперь уже найдется рѣдкая волость, куда приходитъ одинъ какой-нибудь экземпляръ той или другой изъ нихъ, развѣ гдѣ-нибудь на мызѣ еще можно встрѣтить. Мѣсто ихъ занимаютъ газеты съ болѣе трезвымъ направленіемъ, какъ напр. «Валгусъ» (Свѣтъ), у которой насчитывается до 3000 подписчиковъ. Это явленіе радуетъ cadaго патріота

потому, что служить признакомъ пробужденія политическаго сознанія народа, полагающаго благо родины въ единствѣ съ государствомъ и русскимъ народомъ, и потому, что обнаруживаетъ всю тщетность усилій нѣмцевъ дѣйствовать по прежнему на народъ.

Намъ остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя играли въ рукахъ нѣмцевъ не малую роль въ дѣлѣ проведенія ихъ принциповъ. Это именно печатное дѣло, цензура и отношеніе помѣщиковъ къ православнымъ изданіямъ. Для того, чтобы свободно дѣйствовать въ интересахъ «балтійзма», нѣмцы долго являлись одни обладателями и содержателями типографій, равно такъ же долго сосредоточивали исключительно въ своихъ рукахъ цензуру. Никакое противное нѣмцамъ ученіе не проходило не испещреннымъ послѣдней, если не совсѣмъ перечеркнутымъ, и никакая рукопись, написанная не въ духѣ «балтійзма», не покупалась типографщиками, тогда какъ исходившее отъ нѣмцевъ и ихъ приспѣшниковъ, печаталось и распространялось и открыто и тайно. Что же касается собственно до книгъ, изданныхъ для народнаго чтенія, то это были обыкновенно исторіи разныхъ нелѣпостей и всяческихъ ужасовъ. Серьезныя книги находили мало сбыта, да ихъ никто и не выпускалъ. — Возмутительнымъ особенно было то, что и православныя сочиненія должны были проходить чрезъ лютеранскую цензуру и подвергнуться испещренію. Если они и выходили изъ печати и начинали обращаться въ народъ, то господа страпы старались всячески изъять ихъ изъ употребленія. Мы знаемъ, напр., такой случай: въ 1883 г. у одного изъ книготорговцевъ въ городѣ Ревелѣ находилось для продажи «Наставленіе въ православной вѣрѣ», или по-эстонски «Õpetus õigest usust». Когда пасторы узнали объ этомъ, то заразъ скупили всѣ экземпляры этой книги, а книготорговцу сдѣлали внушеніе по поводу того, что онъ продавалъ такія книги. На ярмаркахъ, существую-

щихъ въ селахъ, господа гакенрихтеры строго слѣдили за тѣмъ, чтобы у книгоношъ не было книгъ православнаго содержанія. Одинъ гакенрихтеръ въ 1887 г. на Л. ярмаркѣ въ юго-западной Эстляндіи нашелъ у извѣстнаго въ окрестностяхъ книгоноши ту же вышеупомянутую православную книгу и пригрозилъ ему запретить вообще торговлю книгами, если онъ не уберетъ этой книги подальше. Мы бы не стали рассказывать объ этомъ фактѣ, если бы не слышали о немъ отъ самого книгоноши. Наконецъ, мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что корчмаря П. Р. гакенрихтеръ Ф. К. и приходскій судья Ф. Г. заключили въ 1883 г. подъ арестъ за то просто, что онъ имѣлъ для чтенія посланія бывшаго архіепископа рижскаго и митавскаго, нынѣ покойнаго митрополита кіевскаго—Платона. Отсюда выходитъ, что ни въ одной книжной торговлѣ даже въ настоящее время нельзя найти православныхъ книгъ на туземныхъ языкахъ, вслѣдствіе чего онѣ до послѣдняго времени не имѣли широкаго распространенія въ народѣ. Единственными продавцами ихъ являлись священники. Чтобы споспѣшествовать священникамъ въ дѣлѣ распространенія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, епархіальное начальство устроило по всѣмъ городамъ у мѣстныхъ настоятелей церквей книжные склады. Нужно ли говорить, что эти склады, составляя сами по себѣ учрежденіе весьма похвальное, не имѣютъ за собой, однако, характера всеобщности, ибо рассчитаны только на удовлетвореніе потребностей въ чтеніи православнаго населенія, и далеко недоступны лютеранамъ, изъ коихъ многіе не отказались бы читать православныя книги.

Изъ всего сказаннаго нельзя не видѣть, что нѣмцы для своихъ особыхъ цѣлей счумѣли употребить и всю литературу, и что эта литература была тѣмъ пагубнѣе для добрыхъ начинаній, чѣмъ болѣе соотвѣтствовала видамъ правящаго класса. Но намъ кажется, что пришло и прошло безвозвратно время,

когда и человѣческая мысль подчинялась партійнымъ требованіямъ и что наступила другая пора....

Въ седьмыхъ, факторомъ въ дѣлѣ утвержденія нѣмецкой мощи на балтійскомъ побережѣ служила *школа*. Изъ предыдущаго читатель знаетъ, какова была прибалтійская школа и какъ въ ней развращали народъ. Но это было указаніе на одну сторону ея, теперь раскроемъ другую.

Въ основаніи прибалтійской народной школы положена идея религіознаго воспитанія, потому эта школа является строго конфессіональной. Этимъ своимъ характеромъ лютеранская школа исключаетъ возможность общаго начальнаго образованія, какъ его вообще понимаютъ, и представляетъ крайне одностороннюю систему обученія религіи съ давно отвергнутымъ методомъ преподаванія, заключающимся въ безпрерывномъ зазубриваніи книжнаго матеріала на память. Этимъ и можно объяснить себѣ какъ убійственное значеніе прибалтійской лютеранской школы, такъ и недостатокъ культурности въ народѣ. Пусть, однако, читатель не выводитъ отсюда, что мы противники религіознаго образованія, нѣтъ, мы склонны думать, что ни одна школа не можетъ оправдать своего значенія, если главнымъ предметомъ обученія не будетъ Законъ Божій, но въ то же время знаемъ такъ же хорошо, что существуетъ не малая разница между Закономъ Божиимъ, какъ таковымъ, и учебникомъ катехизиса Мартина Лютера или его послѣдователей, и потомъ самой постановкой Закона Божія, какъ учебнаго предмета, и Закона Божія, какъ политическаго орудія. Эту разницу мы можемъ видѣть, если обратимъ вниманіе на прибалтійскую школу. — Подъ Закономъ Божиимъ мы понимаемъ совокупность молитвъ, священной исторіи, катехизиса и богослуженія, — предметовъ, преподаваемыхъ въ извѣстномъ порядкѣ и въ опредѣленной постепенности; въ лютеранскихъ же школахъ изъ этихъ предметовъ является главнымъ катехизисъ. Это сухое изложеніе

истинъ вѣры, установленныхъ Мартиномъ Лютеромъ. Съ самаго начала поступленія въ школу дитя должно затверживать вопросы и отвѣты на память безъ малѣйшаго отступленія отъ буквы учебника и безъ пониманія смысла. Законъ Божій долженъ обхватывать всѣ главныя силы души дитяти, и прежде всего, чувство, потомъ разсудокъ и затѣмъ волю. Въ лютеранскихъ школахъ первая сила остается нетронутою, и все возлагается на разсудокъ, воля же, руководящая поступками человѣка, по Лютерову ученію вообще играетъ послѣднюю роль, слѣдовательно, также не обращаютъ на нее вниманія при обученіи Закону Божию. Такъ какъ разсудочная дѣятельность или вообще умственные силы дитяти не развиты еще въ періодъ школьнаго возраста въ такой степени, чтобы можно было сознательно относиться къ сухому катехизическому ученію безъ предварительной подготовки, то результатомъ всего школьнаго образованія для прибалтійскаго крестьянскаго дитяти является одна забитость и тупоуміе. Если мы къ этому прибавимъ то разлагающее нравственное ученіе Лютера, по которому человѣкъ самъ по себѣ не можетъ ни правильно думать, ни чувствовать, ни, наконецъ, поступать, то мы имѣемъ въ этомъ все понятіе о Законѣ Божіемъ вообще и какъ учебномъ предметѣ въ лютеранской народной школѣ. Не въ этомъ ли понятіи мы имѣемъ ключъ къ разъясненію факта, бросающагося каждому наблюдателю въ глаза — именно вѣроисповѣднаго индифферентизма, исключаящаго всякую возможность критически относиться къ какому бы то ни было вѣроисповѣданію? По нашему крайнему разумѣнію, этотъ фактъ есть отчасти послѣдствіе указаннаго положенія вещей въ школѣ. Мы, однако, не можемъ признать, чтобы руководители этой школы не сознавали ошибочности такого рода постановки Закона Божія въ качествѣ учебнаго предмета, если и самая сущность его въ такомъ видѣ, какъ ее объяснилъ и преподалъ Лютеръ, считается непреложною и един-

ственно правильной; если они тѣмъ не менѣе не желаютъ прибѣгнуть къ способу разумнаго преподаванія его, то на это есть свои причины, и прежде всего предусмотрительность въ области политики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удержать народъ въ духовномъ единеніи, послушаніи и преданности въ томъ случаѣ, когда нѣтъ связующаго звена внѣ людей, въ теченіи обыденной жизни, какъ не интересами, хотя и слабыми, религіи? На каіе общіе интересы указать, когда это нужно, какъ не на тѣ же интересы религіи? Вотъ объ этой-то связи, объ этихъ-то интересахъ и позаботились нѣмцы, когда должны были начать школьное обученіе народа, о нихъ-то ратуютъ они всегда, когда дѣло касается состоящей подъ ихъ надзоромъ народной школы. Стоитъ припомнить ихъ борьбу противъ преуснѣянія школьнаго дѣла, начавшуюся тотчасъ, когда школы были подчинены министерству народнаго просвѣщенія. Что говорили, между прочимъ, пасторы и прочія прикосновенныя къ народной школѣ лица народу? — «Отъ васъ хотятъ отнять вашу вѣру, васъ не будутъ болѣе учить Закону Божію, ваша спасительная вѣра теперь пропадетъ» и т. п. вотъ, что они говорили, и въ подобныхъ выраженіяхъ мы находимъ плохо прикрытую жалобу о потерѣ политическаго значенія этихъ самыхъ лицъ. Кромѣ того, мы видимъ, когда народъ какой-либо волости желаетъ на мѣсто лютеранской школы учредить въ домѣ, устроенномъ на народные средства, православную, то немедленно возникаетъ жалоба на всѣхъ и каждого, что, молъ, хотятъ лишить «дѣтей бѣдныхъ» религіознаго воспитанія по Лютерову закону. Полагаете ли, читатель, что въ этой жалобѣ есть хотя доля той отеческой заботливости, которая какъ бы и слышится въ ней? Ни малѣйшей! ибо школа должна быть, по мнѣнію бароновъ и пасторовъ, прежде всего, конфессіональной, но не съ общеобразовательнымъ значеніемъ. Возвратите этимъ мнимымъ радѣтелямъ школу, начинается безъ-

прерывное долбленіе Лютерова малаго катехизиса о пяти главахъ. Спросите, почему отводится столько мѣста неразумному долбленію катехизиса, вы услышите отвѣтъ, что дитя должно быть прежде всего лютераниномъ или лютеранкой. а потомъ уже умѣть писать, считать и излагать свои мысли. А такъ какъ до послѣднихъ дѣйствій доучаются немногіе, то школа вполнѣ точно оправдываетъ свое назначеніе, выпуская ежегодно забитыхъ, тупоумныхъ дѣтей громадное количество, знающихъ развѣ только то: «мы одной вѣры съ барономъ». Этому выраженію научилъ ихъ учитель. У этихъ людей нѣтъ рѣшительно никакого яснаго понятія объ истинахъ вѣры, да они къ этому и не стремятся; если ходятъ въ кирку, то, какъ увидимъ, по привычкѣ и другимъ причинамъ и готовы тутъ же отдать свое зазубренное и позабытое лютеранство, лишь бы попасть въ иныя условія жизни. Но такъ какъ это невозможно, то и держатся за свое неизвѣстное лютеранство.

Наконецъ, въ восьмыхъ, средствомъ для утвержденія значенія нѣмцевъ въ краѣ служила лютеранская кирка. Рассматривая исторію введенія христіанства въ Остзейскомъ краѣ, мы видимъ, во-первыхъ, что оно не было основано на идеѣ истиннаго богопознанія, мира и любви, но на расчетѣ матеріальнаго свойства и, во-вторыхъ, что до второй половины настоящаго столѣтія народъ остается въ полномъ невѣдѣніи относительно истинъ христіанской религіи. Архіепископъ рижскій Альбертъ основываетъ для вящаго достиженія своей цѣли — покоренія туземцевъ—духовно-рыцарскій орденъ меченосцевъ. Какъ только послѣдній сталъ въ силѣ, то не замедлил начать борьбу съ архіепископомъ — изъ-за обладанія той или другой территоріей. Говоря сравнительно, эта борьба была въ Ливоніи та же, что и на западѣ между папой и королями или духовной и свѣтской властями. Постоянный дѣлежъ покоренныхъ областей, постоянные споры изъ-за этого дѣлежа, новое разграниченіе, новые споры и т. д.

вотъ сущность жизни католическихъ временъ. Уже напередъ можно было сказать, что изъ борьбы этой побѣдителемъ выйдетъ орденъ, какъ учрежденіе, которому свѣтская власть, такъ сказать, ближе къ лицу, чѣмъ духовенству. И, дѣйствительно, къ началу XVI вѣка орденъ достигаетъ высшаго могущества, благодаря энергіи и уму своего великаго магистра ф. Плетенберга и смотреть на духовенство какъ на зависимое отъ него сословіе, мало того, какъ на враждующую сторону въ вопросахъ власти или силы, или вообще — обладанія краемъ. Понятно, что и архіепископы смотрѣли на орденъ такъ же. Отсюда: старая борьба породила теперь вражду и сдѣлала обѣ стороны другъ для друга тягостными. Въ это время въ Германіи является Лютеръ, который возстаетъ противъ папы и зоветъ всѣхъ и каждого отпасть отъ католичества и послѣдовать евангельскому ученію, проповѣдуемому имъ. Этотъ ли зовъ могъ не придтись по сердцу и ливонскимъ господамъ, тяготившимся властью архіепископовъ и епископовъ? Онъ ли не указалъ имъ лучший исходъ разъ на всегда сдѣлаться единственными владѣльцами кровью залитой земли и спокойно зажить на вѣковѣчныя времена? Безъ особенныхъ кровопролитныхъ стычекъ, хотя и безъ замѣшательствъ, свѣтскіе господа и многіе духовные прервали связь съ католичествомъ и приняли Лютерово ученіе. Что къ этому мотивомъ служили по преимуществу матеріальные интересы жизни, доказываетъ разсужденіе одного изъ первыхъ дѣятелей по распространенію лютеранства Ломиллера, посланное съ письмомъ ко времени лацтага, имѣвшаго собраться 2-го іюля 1524 г. въ Вольмарѣ, ландмаршалу ордена Іоганну Платеру, такого содержанія: «Мѣсто Священнаго Писанія, на которое духовныя лица больше всего ссылаются*), гласитъ въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ

*) Въ вопросѣ „о владѣніи людми и землями“.

глава 13: «Всякая душа властемъ предержащимъ да пови-
нуется. Нѣсть бо власть еще не отъ Бога. Сущія же власти
отъ Бога учинены суть». Но которое истинное начальство и
истинная власть? Власть, о которой ап. Павелъ говоритъ въ при-
веденномъ мѣстѣ, есть свѣтская, а свѣтское лицо должно и
свѣтскимъ мечомъ владѣть. Духовный мечъ есть слово Божіе,
и только такой мечъ подлежитъ духовенству. Къ употре-
бленію свѣтскаго меча принадлежитъ золото и серебро, а ихъ
имѣть воспрещаетъ Христосъ своимъ ученикамъ (Мѡ. X. 9),
говоря имъ: «Не стяжите злата, ни серебра, ни мѣди при
поясѣхъ вашихъ».— Самъ Христосъ былъ противъ того, чтобы
обѣ власти смѣшивались одна съ другой и подалъ даже при-
мѣръ (Мѡ. 17) своимъ ученикамъ, какъ они должны повинो-
ваться начальству; съ этимъ должны были бы сообразоваться
духовные. Епископы, по словамъ посланія апостола Павла къ
Тимоею I, «обязаны служить, а не господствовать». Потому
папа и епископы, хвалящіеся властью и духовной и свѣтскою,
суть не отъ Бога, но тщеславныя, безбожныя, лицемѣрныя
личины... Папа и епископы именуютъ себя намѣстниками и
послѣдователями апостоловъ, но вмѣсто того, чтобы идти во
весь міръ и проповѣдывать, они предпочитаютъ спокойно си-
дѣть на римскомъ престолѣ и архіепископскихъ и епископ-
скихъ каедрѣхъ и *владѣютъ землями и людьми*... Высоко-
мѣрно поднялись они надъ свѣтскою властью и подчинили
себѣ королей и князей; а свѣтскіе между тѣмъ спали въ то
время, какъ они должны были бы, какъ установленная са-
мимъ Богомъ власть, предотвратить зло и наказать это вред-
ное богохульное и живое племя. Епископы не нужны для
свѣтскаго управленія, потому что достопочтенный магистръ
вмѣстѣ со своими достойными чинами *можетъ хорошо упра-
влять Ливоніей*, защищать и ограждать ее и безъ этихъ жи-
выхъ и самозванныхъ князей. Епископы Ливоніи утвержда-
ютъ, что они истинные владѣльцы страны, что они въ старину

призвали въ эту землю орденъ, но они въ Ливоніи не обладали ни на волосъ земли по Божьему и по справедливости. Что достохвальнѣйшій тевтонскій орденъ пришелъ въ эту страну, то это случилось, безъ сомнѣнія, по Божьему предопредѣленію и повелѣнію, а никакъ не по волѣ епископовъ, потому долгъ достопочтеннаго магистра взять на себя дѣло, *какъ одной Богомъ установленной власти* въ этой странѣ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то воспротивится Божьей волѣ и призванію. Но какъ магистръ, можетъ быть, чувствуетъ въ себѣ мало духу и силы поступить быстро, то всего лучше и дѣйствительнѣе было бы позволить во всѣхъ мѣстахъ этой страны свободно и безпрепятственно проповѣдывать слово Божіе, тогда не замедлили бы явиться плоды, и безбожникъ былъ бы уничтоженъ, безъ приложенія руки и меча, однимъ божественнымъ словомъ. Если же епископы захотѣли бы отомстить за свои убытки кулакомъ, то магистръ обязанъ защищать своихъ подчиненныхъ и тѣхъ, кто у него будетъ искать защиты, и наблюдать пользы страны».*) Послѣ принятія Лютерова ученія, казалось, должна была измѣниться и религіозная жизнь туземцевъ, между тѣмъ все осталось по старому: туземцы, какъ были язычники, такъ тѣми и остались. Первоначально ихъ считали католиками, а потомъ при церковной реформѣ лютеранами. Никто ихъ не спрашивалъ, желаютъ ли они этого, да и напрасно было бы спрашивать, ибо какъ католичество, такъ и лютеранство было имъ одинаково чуждо и непонятно. Какъ въ католичествѣ богослуженіе происходило на латинскомъ языкѣ, непонятномъ не только туземцамъ, но и самимъ выходцамъ изъ Германіи, такъ теперь оно стало происходить на нѣмецкомъ языкѣ, также непонятномъ для туземцевъ. Какъ тогда не было школъ, такъ и теперь ихъ не учреждали, и какъ тогда не было на туземныхъ языкахъ

*) См. «Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края» Чешихина т. III, стр. 29—30.

священныхъ книгъ, такъ и теперь не скоро онѣ появились. Пасторы были тѣ же, что и вчерашніе ксендзы: не знали туземныхъ языковъ, не знали своей паствы и заботились только о томъ, чтобы быть сытыми и во всемъ имѣть довольство. До самаго освобожденія крестьянъ, т. е. до 1819 г., разрабатывается хозяйственное положеніе духовенства до мельчайшихъ подробностей, такъ что этотъ вопросъ составлялъ все содержаніе и цѣль жизни. Вмѣстѣ съ нимъ получаетъ начало свое взгляды пасторовъ на народъ, какъ на оброчную статью, который уже, конечно, не былъ предметомъ заботливости для нихъ. Въ такомъ положеніи вопросъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа оставался вплоть до начала 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Объ этомъ времени мы получимъ болѣе точное понятіе, если обратимся къ свидѣтельству самихъ пасторовъ, выраженному ими на синодахъ. Вотъ что говорилъ пасторъ Кельбрандтъ о тогдашнемъ состояніи народа и дѣятельности своихъ же братій: «Матеріальное положеніе, образующее всегда первую реальную основу духовной жизни, въ которомъ находилось крестьянское сословіе, было во всѣхъ отношеніяхъ мало удовлетворительное; оно носило черту великой бѣдности и нищеты. Если, благодаря исключительнымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, и были отдѣльные состоятельные приходы и отдѣльныя состоятельные личности, однако большая часть народонаселенія жила въ самыхъ гнетущихъ условіяхъ. Его жизнь была постоянной борьбой за существованіе, безпрестанная забота изо дня въ день; роскошь была неизвѣстна, дѣло шло только объ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ и насущныхъ потребностей; да и это часто не достигалось. Нашему воспоминанію представляется жалкая картина состоянія народа въ то время; вспомнимъ только убогія, едва достойныя человѣка, жилища крестьянъ, въ которыхъ доступъ свѣту и выходъ дыму давала только полуоткрытая верхняя

дверь; въ мрачныхъ, грязныхъ, дымныхъ избахъ проводили они ежедневную жизнь, въ темное время года при горячей лучинѣ; въ этихъ избахъ пасторъ совершалъ подготовку къ причащенію и прослушивалъ дѣтей. Гнетущая барщина, необезпеченность землевладѣнія, періодически повторяющійся каждою весною недостатокъ хлѣба и корма, соединенный съ недостаткомъ денегъ и практичности, не позволяли выйти изъ вѣковѣчной нужды. О духовномъ развитіи тогда нечего было и думать; одни погрязали въ огрубѣніи, предавались пьянству и нечестію, другіе владчили жизнь въ тупомъ отчаяніи... Этому жалкому положенію крестьянства соотвѣтствовало также и социальное положеніе, которое занимали крестьяне между другими классами: его мало уважали, онъ довольно часто терпѣлъ самое негуманное обращеніе; если онъ переносилъ все это молча, не обнаруживая своей чувствительности, все-таки переносимое имъ оставляло за собой неизгладимое впечатлѣніе; сознаніе своей социальной исключительности никогда не позволяло настоящимъ образомъ выступить сознанію церковной общности между крестьянскимъ состояніемъ и остальными лучше поставленными состояніями. Это содѣйствовало распространенію гернгутерства и разрыву церковнаго общенія во время вѣроисповѣдныхъ искушеній, а при позднѣйшемъ пробужденіи народнаго самосознанія оно породило (вѣрнѣе, поддерживало) ту національную ненависть, которая продолжаетъ существовать до настоящаго времени... Интеллектуальное образованіе совсѣмъ отсутствовало; существовало только домашнее обученіе чтенію; человѣкъ, занимавшійся этимъ, былъ лишь освобождаемъ отъ нѣкоторыхъ общинныхъ повинностей и рекрутчины... Невѣрія не было: народъ былъ религіозенъ и пабоженъ. Церкви посѣщались мало, отчасти изъ-за барщины, отчасти по неудовлетворительности богослуженія. Проповѣдь представляла собою сухую мораль; богослуженію не

доставало литургической части; пѣніе изъ рационалистическаго церковнаго пѣснослова не согрѣвало сердце; не будучи въ большей части кирокъ сопровождаемо аккомпаниментомъ органа и руководимое неумѣлыми запѣвалами, оно было нестройно и не мелодично. Самое главное, что болѣе всего привлекало въ кирки — это просительная молитва, которая давала помощь и утѣшеніе во всякомъ горѣ жизни, даже до больной коровы... Положеніе нѣмецкихъ приходо́въ было совсѣмъ иное; города и дворянство въ сельскихъ имѣніяхъ, за малыми исключеніями, воспитанные въ рационалистическомъ духѣ, относились къ церкви индифферентно; даже утратилось сознаніе политическаго значенія кирки для провинціи; между городскими кирками царствовалъ миръ, церковно-политическихъ вопросовъ не подымалось; патронатство дворянъ и зависимость отъ нихъ пасторовъ совсѣмъ не правилось... Характеристично по отношенію къ образованію того времени выраженіе одного пастора: «мои богословскія познанія, вынесенныя изъ университета, можно было бы уложить въ орѣховую скорлупу». И въ самомъ дѣлѣ, богословіе, которое тогда преподавали въ Дерптскомъ университетѣ, было мертвое историческое знаніе, не возбуждавшее въ сердцахъ любви; оно составляло только сухой осто́въ. Въ трехгодичномъ богословскомъ курсѣ не доставало самыхъ важныхъ наукъ: символики, исторіи догматовъ — она большею частью соединялась съ церковною исторіей, катехитики, литургики, попеченія о душахъ (Seelsorge) и др., читаемыхъ нынѣ, не говоря уже о еврейскомъ языкѣ; впрочемъ въ 1821 г. въ высшемъ классѣ гимназій былъ введенъ еврейскій языкъ. Практическому руководству кандидаты на пасторовъ научаются во время многолѣтняго домашняго учительства... Воскресныя проповѣди составлялись тщательно и читались съ кае́дры; импровизаціи не были въ ходу; болтовня была по крайней мѣрѣ привилегіей старыхъ пасторовъ — рутинеровъ; кромѣ ежегодныхъ отчетовъ и веденія цер-

ковныхъ книгъ пастору было нечего дѣлать. . . Не было ни посѣщенія и приобщенія больныхъ, ни школьной инспекціи; въ своемъ кирхшпилѣ пасторъ былъ какъ патріархъ, какъ совѣтникъ и помощникъ и пользовался полнымъ довѣріемъ. Жизнь лифляндскаго сельскаго пастора была на дѣлѣ идиллично-благодушная, какъ въ стихахъ того времени изображалась его жизнь. Къ нему приложимо изреченіе Горація: *Beatus ille qui procul negotiis*. Пасторъ имѣлъ довольно свободнаго времени, чтобы заниматься школами, обученіемъ своихъ или чужихъ дѣтей, домашнимъ хозяйствомъ и садоводствомъ и входить въ товарищескія сношенія со своими сосѣдями по службѣ. . . Ежегодные пасторскіе уѣздные конвенты занимались только случайными явленіями. Въ остальномъ они стояли въ самой шаткой связи съ отечественною церковью. Въ странѣ не выходило ни одного церковнаго или богословскаго повременнаго изданія, и пасторы не могли знакомиться съ внутреннею жизнью. . . Религіозное пробужденіе въ Германіи отразилось и здѣсь. Дерптскій университетъ, или, вѣрнѣе, богословскій факультетъ его, со времени второй половины 20-хъ годовъ, оставилъ безводную пустыню раціонализма и повелъ своихъ питомцевъ на зеленѣющую ниву евангелія; до церковнаго исповѣданія онъ однако не дошелъ еще. . . Предъ первымъ синодомъ церковная жизнь въ Лифляндіи находилась подъ вліяніемъ самаго абсолютнаго субъективизма; преобладалъ раціонализмъ. Онъ былъ господствующимъ духомъ времени: все, имѣвшее претензію на образованіе, держалось этого направленія: большинство пасторовъ Лифляндіи, всѣ безъ исключенія старые пасторы, предсѣдатели синода и церковное начальство страны. Сколько вреда онъ нанесъ церкви — достаточно извѣстно — стоитъ только вспомнить его пѣснословъ, катехизисъ и проповѣди. Нужно, однако, раціоналистамъ того времени отдать справедливость въ томъ, что они были вообще честной натуры,

держались своей догматики: Богъ, добродѣтель и безсмертіе. Они были истинно исполнены (ergriffen) Христа; иной изъ нихъ могъ ввести въ соблазнъ приходъ личнымъ или служебнымъ поведѣніемъ; молодые скоро уступали истинному евангельскому убѣжденію, даже старики — *sit venia verbo* — кровные раціоналисты (eingefleischten). если не предпочли умереть, то не остались нетронутыми евангельскимъ свидѣтельствомъ, въ которомъ не было недостатка ни на одномъ соборѣ, и все болѣе и болѣе становились доступны христіанскимъ воззрѣніямъ. Раціонализмъ открыто держался недолго на синодѣ: на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій синода пробствъ Геллеръ произнесъ воскресную проповѣдь, въ которой самымъ искреннимъ образомъ высказывалъ свой индифферентизмъ ко всѣмъ религіямъ; протестъ другого направленія на синодѣ произвелъ глубокое впечатлѣніе. и раціонализмъ сталъ какъ будто ослабѣвать. . . Другое господствующее направленіе былъ піэтизмъ, развившійся между пасторами. благодаря вторженію герингутерства. Главная партія — «позитивно-библейски вѣрующіе» — противники раціонализма и піэтизма; отличительная черта ея — склонность ихъ къ свободному научному обсужденію христіанства. Вѣроисповѣднаго національнаго сознанія на синодѣ не было...

«Почтенныя головы чувствовали себя на синодѣ столь мало тронутыми новымъ жизненнымъ духомъ, повѣявшимъ на немъ. что не могли удержаться отъ сладостной привычки проводить свободные часы въ карточной игрѣ вмѣстѣ того. чтобы войти въ свободное духовное общеніе другъ съ другомъ».*)

Изъ этихъ словъ мы ясно видимъ, къ чему были направлены всѣ стремленія пасторовъ, именно на удовлетвореніе своихъ животныхъ потребностей. Какой же смыслъ и зна-

*) Изъ статьи «Культурно-религіозныя движенія въ Лифляндіи» Христ. чтеніе за 1887 г.

чаще имѣла кирка во все это время? Она ни для кого не служила мѣстомъ утѣшенія, никого не манила къ себѣ своею привѣтливостью, напротивъ, она получаетъ въ глазахъ народа значеніе мѣста зрѣлища, производящаго эффектъ въ сферѣ чувства общественности. Во-первыхъ, въ ней объявлялись всякія распоряженія помѣщиковъ и новости, происшеднія въ теченіи недѣли въ границахъ прихода, и, во-вторыхъ, предъ нею наказывали провинившихся предъ помѣщикомъ. Для послѣдней цѣли предъ киркой стоялъ позорный столбъ, къ которому привязывали виновнаго, смотря по винѣ, нагого или полураздѣтаго. По выходѣ народа изъ кирки, его стали сѣчь палачи, вѣрные слуги помѣщика. Отсчитавъ на немъ положенное число ударовъ палками, прутьями или плетью, они его отвязывали и отпускали, если былъ въ состояніи ходить, если же нѣтъ, то укладывали на телѣгу и везли до хижины. Это ли не могло возбуждать интереса въ народѣ приходить въ кирку? Это ли, наконецъ, не подсказывало религіозному чувству народа: «ищи другого мѣста для достойнаго богопочитанія, тутъ тебѣ нечего?» — И мы, дѣйствительно, видимъ, что весь край къ началу сороковыхъ годовъ усѣянъ обществами молитвенниковъ, преимущественно герингутеровъ, которыя были, есть и будутъ, по глубокому внутреннему смыслу этого явленія, предвѣстниками движенія въ православіе. Когда теперь духовные и свѣтскіе господа увидѣли, что народъ, несмотря на надзоръ земскоѣ полиціи, сталъ массами отступать отъ лютеранства и забывать кирку, тогда только они поняли, что все прошедшее время было сплошной ошибкой, — что ими ничего не сдѣлано, чтобы удержать народъ въ лонѣ лютеранства, и потому спѣшно взялись за дѣло. Начинаются проповѣди въ киркахъ, появляются изъ печати отдѣльныя книги религіознаго содержанія, написанныя на мѣстныхъ языкахъ, происходятъ бесѣды о спасительности и правотѣ лютеранства и т. д. Иначе говоря, только теперь

стало происходить въ отношеніи религіознаго просвѣщенія народа то, что должно было происходить 250—300 лѣтъ тому назадъ.

Но мы бы ошиблись, если бы сказали, что съ того времени кирка дѣйствительно исполняетъ свою роль, которая слѣдуетъ храму Божію, и что пасторы являются по истинѣ служителями алтаря и вѣстниками евангелія. Нѣтъ, далеко не то. Кирка по прежнему не служитъ своей идеѣ, а чему-то другому, и пасторы по прежнему чужды народу, и народъ по прежнему стоитъ далеко отъ кирки и пасторовъ въ религіозномъ отношеніи и въ вопросахъ жизни. Кирка манитъ къ себѣ по вчерашнему, какъ мѣсто зрѣлища, свиданій и разговоровъ, т. е. своимъ общественнымъ значеніемъ, пасторы — вчерашніе киркенъ-герры, дѣйствующие за одно съ помѣщиками, и народъ такъ же глубоко индифферентенъ къ лютеранству, какъ и ко всякому другому вѣроисповѣданію. Основаніемъ къ посѣщенію кирки является у него, съ одной стороны, общественный интересъ или чувство и, съ другой, старая привычка. Чтобы удостовѣриться въ сказанномъ, обратимся снова къ свидѣтельству самихъ пасторовъ. На эстляндскомъ синодѣ 1874 г. пасторъ Галлеръ говорилъ: «Говорятъ много о великомъ личномъ и служебномъ вліяніи пасторовъ, о воспитаніи въ церковномъ духѣ прихожанъ и не замѣчаютъ, что это въ большинствѣ случаевъ чисто внѣшнее подрѣзываніе, заплатываніе, зашиваніе и чистка праздничнаго кафтана, въ которомъ отдѣльныя личности обыкновенно представляются своему пастору. Единственное, можетъ быть, явленіе въ церковной исторіи, что народная церковь, существующая пятьсотъ лѣтъ и болѣе трехъ столѣтій владѣющая благами реформаціи, не слилась на столько съ національною жизнью, чтобы должность пастора нашла дѣйствительно національныхъ носителей, но не ассимилировалась болѣе или менѣе съ туземцами чрезъ мирныя цивилизаціонныя завоеванія

той національности, которой въ исторіи предоставлено Промысломъ религіозное руководство. Это заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія, и не много будетъ сказано, если обличить нашихъ балтійскихъ нѣмцевъ въ старомъ грѣхѣ опущенія съ какой-либо изъ этихъ двухъ сторонъ... Разумный провозвѣстникъ слова Божія обязанъ прежде всего научиться съ любовью распознавать народный характеръ своего латышскаго или эстонскаго прихода, практически изслѣдовать и обращать серьезное вниманіе на болѣе точное и серьезное усвоеніе ихъ языка, чѣмъ это было въ недавнее время и отчасти случается и теперь. Потребуется нѣсколько лѣтъ, чтобы приблизиться на столько къ народу, чтобы не смотрѣть на него совершенно неправильно, какъ на чужой, и, съ другой стороны, чтобы самъ народъ не призналъ пастора чужимъ, а въ иныхъ случаяхъ для этого едва ли будетъ достаточно цѣлой жизни. Латышъ или эстъ будетъ всегда питать къ своему пастору-нѣмцу сознательное или безсознательное чувство того, что онъ имѣетъ дѣло съ пришельцемъ, если не сказать, съ завоевателемъ, что предлагаемое ему ученіе, увѣщаніе, руководство — есть нѣчто наносное. Сколько недовѣрія, подозрѣнія, отчужденія, непониманія, неправды, досады уже возникло отъ этого, преимущественно во времена особыхъ броженій, это нисколько не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Если уже въ настоящее время повсюду въ миссіяхъ между язычниками великое значеніе полагается въ образованіи національныхъ дѣятелей, и опытъ показаль, какъ часто такой дѣлаетъ несравненно болѣе, между тѣмъ какъ столь же даровитый и надежный европейскій миссіонеръ достигаетъ меньшаго, то не должны ли мы изъ этого научиться понимать свои отношенія и уже поэтому обратиться къ помощи мірянъ?»

На курляндскомъ синодѣ въ 1882 г. пасторъ Вальтеръ говорилъ: «мы, пасторы, повинны въ упрекѣ, что недоста-

точно близко къ сердцу приняли нужду церкви, и поэтому Богъ посылаетъ новыя бѣды и опасности, пробуждая насъ и увѣщевая познать свою вину и покаяться. Плоды нашего покаянія должны состоять въ немедленномъ началѣ работы. Первое, что мы должны сдѣлать, указалъ Господь Іисусъ, говоря: жатвы много, дѣлателей мало; просите господина жатвы, чтобы онъ прислалъ новыхъ работниковъ на свою ниву».*)

Припоминая все сказанное, мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что лютеранство въ русскомъ государствѣ и въ особенности на прибалтійской окраинѣ его не есть религіозная система ученія, а подъ этимъ названіемъ скрываетъ всевозможныя другія цѣли жизни, кои преслѣдуются нѣмцами.

И такъ мы отвѣтили, хотя и кратко, на предпосланный вопросъ о средствахъ для утвержденія нѣмцами своей силы въ прибалтійской окраинѣ и для проведенія ими своихъ принциповъ. Изъ разсмотрѣнія ихъ оказывается, что они, по своему разнообразію, обнимали всѣ стороны жизни и что нѣкоторыя дѣйствуютъ и въ наше время. Для того, чтобы ослабить и уничтожить ихъ значеніе, слѣдовательно, и видоизмѣнить самые принципы прибалтійской жизни, требуется, по нашему мнѣнію, не только правительственный контроль, но и общественный, въ лицѣ русскихъ людей и вообще дѣятелей на началахъ русской жизни и государственныхъ интересовъ.

К о н е ц ъ.

*) См. статью «Культурно-религіозныя движенія въ Лифляндіи» — Христ. чтеніе 1887 г.